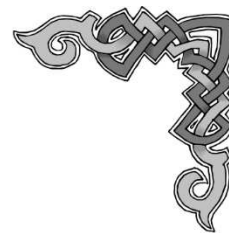




ООО «Наука и образование»



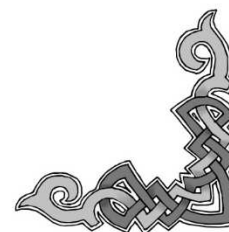
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

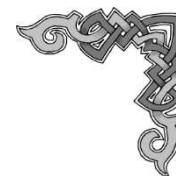


**№ 11
2021**





**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**



2021, № 11

Часть 2

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;



EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

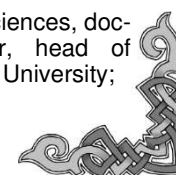
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;





Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия



Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovall, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice





Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубиллина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института рриса.



Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGТУ of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, Honored Scientist of the Kuban, academician REAN, professor, doctor of economic sciences, professor of economics and financial management at the Kuban state technological university named of I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.





СОДЕРЖАНИЕ:



ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аведян А.А.

Характеристика состояния насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел 15

Авилова О.Е., Маркин В.В., Авилов С.А.

Признаки нормативного правового договора: общетеоретический аспект 21

Барашева Е.В., Селиванов О.В., Степаненко А.С.

Практические аспекты бракоразводного процесса с участием несовершеннолетних детей 25

Веренич И.В.

Прокурорская деятельность в системе преодоления противодействия расследованию преступлений 28

Галиакбаров Р.Р., Шульга А.В.

Актуальные вопросы соучастия в уголовном праве 38

Емельянцеv А.Э.

Повышение профессионального уровня депутатов Государственного Совета Республики Крым как гарантия эффективного законодательного процесса 41

Зеленский В.Д., Корчагин А.Ю.

О понятии и структуре криминалистической методики судебного разбирательства 44

Зяблова Т.Е., Комарова Я.Б.

Влияние перевода кодекса Наполеона на развитие польской юридической лексики 47

Изосимов В.С., Гуцев М.Е.

О внесении изменений в статью 289 УК РФ в соответствии с Указом Президента РФ «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» 50

Капитан М.Ю.

Сущность содержания объекта преступлений в сфере закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (государственного прокьюрента) 53

Караваев А.А., Четверикова А.И.

Актуальные проблемы реализации профилактики правонарушений среди несовершеннолетних в период самоизоляции 58

Карлов И.В., Зыков Д.А.

Основные направления сотрудничества Русской православной церкви и образовательных организаций ФСИН России в воспитании специалистов для правоохранительных органов 62

Ковтун О.А., Терещенко Н.Д., Шапиро И.В.

К вопросу о статусе органов публичной власти федеральной территории «Сириус» 66

Конорезов Н.А.

Проблемы интерпретации объективных признаков состава понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) 70

Коротченкова М.В., Сметана Н.В.

Становление и развитие авторского права в Великобритании и США: сравнительно-правовой анализ 76

Корчагин А.Ю.

Судебные ситуации в методике судебного разбирательства 80

Ларин В.Ю.

Современное состояние российского уголовного законодательства об ответственности за оскорбление сотрудника органов внутренних дел и перспективы его совершенствования 83

Лозовский Д.Н., Халиш Т.Б.

К вопросу о криминалистической характеристике мошенничества в сфере предпринимательской деятельности 89

Мамчун В.В. Профессиональный фактор в механизме детерминации дисфункциональности права	92
Михайлов А.Е., Семенов С.А. Криминологический аспект борьбы с преступностью	95
Некоз А.С. Уголовная ответственность за убийство матерью новорожденного: вопросы правоприменительной практики	98
Огородникова Н.В., Полтавец В.В. К вопросу о диапазоне судебного усмотрения: законодательные предпосылки	101
Папина Д.А., Барашева Е.В., Степаненко А.С. Историко-правовые механизмы реализации конституционных прав граждан на личную неприкосновенность	105
Плешаков В.А. Зарубежный опыт ситуационного подхода в криминологии	109
Полтавец В.В., Хрущева М.А. Тьюторское сопровождение в пенитенциарной системе РФ	114
Пронина Ю.О., Петров Н.В., Берлов К.Д. К вопросу о роли муниципальных правовых актов в правовом регулировании процедуры заключения договора купли-продажи земельного участка, находящегося в муниципальной собственности	117
Рябчиков В.В., Бабаев Э.З. Проблемы взаимодействия следователя и государственного обвинителя в ходе расследования уголовного дела	121
Селиванов О.В., Барашева Е.В., Степаненко А.С. Теоретические аспекты бракоразводного процесса с участием несовершеннолетних детей	124
Ставило С.П. Профилактика криминогенности рынка ценных бумаг (памяти доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Валерия Самуиловича Устинова)	128
Тушев А.А., Корчагин А.Ю. Функции расследования и уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам	131
Умарова А.А. Взятничество как коррупционное преступление	135
Умарова А.А. Детерминированность коррупционной преступности	139
Умарова М.А. Национальные экономические интересы и гуманизация уголовного законодательства	142
Умарова М.А. Социально-правовые предпосылки коррупции	147
Усенко А.С. Допрос подозреваемого по делам о незаконном участии в предпринимательской деятельности	153
Усенко А.С. Следственные ситуации первоначального и последующего этапа расследования незаконного участия в предпринимательской деятельности	156
Усманова Е.Ф., Шамина А.С. Примирительные (альтернативные) процедуры разрешения споров и конфликтов: понятие и критерии достижения договоренностей	159
Фалилеев О.О. Оценка цивилистами института существенных изменений обстоятельств в договорных правоотношениях	163
Хомякова А.В. Возращение уголовного дела судом апелляционной инстанции на новое судебное разбирательство	168

Шаназарова Е.В., Семенов С.А.	
Развитие института судебного финансирования в России	172
Яковлева В.М.	
Роль уголовного наказания в повышение эффективности предупредительного воздействия в отношении преступлений, совершаемых осужденными	175



CONTENTS:



JURISPRUDENCE

Arkady A. Avedyan

Characteristics of the state of violent crimes committed against employees of the internal affairs bodies 15

Oksana E. Avilova, Vladimir V. Markin, Sergey A. Avilov

Signs of a normative legal contract: general theoretical aspect 21

Eleva V. Barasheva, Oleg V. Selivanov, Alexey S. Stepanenko

Practical aspects of divorce proceedings involving minor children 25

Igor V. Verenich

Prosecutorial activity in the system of overcoming counteraction to the investigation of crimes 28

Romain R. Galiakbarov, Andrey V. Shulga

Current issues of complicity in criminal law 38

Alexey E. Emeliantsev

Professional development of deputies of the State Council of the Republic of Crimea as a guarantee of an effective legislative process 41

Vladimir D. Zelensky, Alexander Yu. Korchagin

On the concept and structure of the forensic methodology of judicial proceedings 44

Tatiana E. Zyablova, Yana B. Komarova

The influence of the translation of the napoleon code on the development of polish legal lexicon 47

Vadim S. Izosimov, Maxim E. Gushchev

On amendments to Article 289 of the Criminal Code of the Russian Federation in accordance with the Decree of the President of the Russian Federation «On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024» 50

Mikhail Yu. Captain

The essence of the content of the object of crimes in the procurement of goods, services to meet state or municipal needs (state procurement) 53

Alexander A. Karavaev, Alexandra I. Chetverikova

Current problems of implementation of prevention of minor offenses in the period of self-isolation 58

Ilya V. Karlov, Daniil A. Zykov

The main areas of cooperation between the Russian orthodox church and educational organizations the Federal Penitentiary Service of Russia in the education of specialists for law enforcement agencies 62

Olga A. Kovtun, Natalia D. Tereshchenko, Irina V. Shapiro

on the issue of the status of public authorities of the Federal territory «Sirius» 66

Nikolay A. Konorezov

Problems of interpretation of objective signs of compulsion to acts of a sexual nature (Art. 133 of the Criminal Code) 70

Marina V. Korotchenkova, Natalia V. Smetana

The formation and development of copyright in the UK and the USA: comparative legal analysis 76

Alexander Yu. Korchagin

Judicial situations in the methodology of judicial proceedings 80

Victor Yu. Larin

The current state of the Russian criminal legislation on responsibility for insulting an employee of the internal affairs bodies and prospects for its improvement 83

Denis N. Lozovsky, Timur B. Khalish

On the issue of criminalistic characteristics of fraud in the field of entrepreneurial activity 89

Vladimir V. Mamchun Professional factor in the mechanism for determining the dysfunctionality of law	92
Alexey E. Mikhailov, Sergey A. Semenov Criminological aspect of the fight against crime	95
Arkady S. Nekoz Criminal responsibility for the murder of a newborn by a mother: issues of law enforcement practice	98
Nina V. Ogorodnikova, Valeria V. Poltavets On the question of the range of judicial discretion: legislative prerequisites	101
Darya A. Papina, Eleva V. Barasheva, Alexey S. Stepanenko Historical and legal mechanisms for the implementation of the constitutional rights of citizens to personal inviolability	105
Vladimir A. Pleshakov Foreign experience of situational approach in criminology	109
Valeria V. Poltavets, Maria A. Khrushcheva Tutor support in the penitentiary system of the Russian Federation	114
Yulia O. Pronina, Nikolay V. Petrov, Kirill D. Berlov To the question of the role of municipal legal acts in the legal regulation of the procedure for concluding a contract of sale of a land plot in municipal ownership	117
Vadim V. Ryabchikov, Emran Z. Babaev Problems of interaction between the investigator and the public prosecutor during the investigation of a criminal case	121
Oleg V. Selivanov, Eleva V. Barasheva, Alexey S. Stepanenko Theoretical aspects of divorce proceedings involving minor children	124
Sergey P. Stavilo Prevention of criminogenicity of the securities market (in memory of Valery Samuilovich Ustinov, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation)	128
Alexander A. Tushev, Alexander Yu. Korchagin Investigation and prosecution functions in pretrial criminal proceedings	131
Amala A. Umarova Bribery as a corruption crime	135
Amala A. Umarova Determinism of corruption crime	139
Madina A. Umarova National economic interests and humanization of criminal legislation	142
Madina A. Umarova Socio-legal prerequisites of corruption	147
Anatoliy S. Usenko Interrogation of a suspect in cases of illegal participation in entrepreneurial activity	153
Anatoliy S. Usenko Investigative situations of the initial and subsequent stage of investigation of illegal participation in business activities	156
Elena F. Usmanova, Arina S. Shamina Conceptive (alternative) procedures for settlement of disputes and conflicts: concept and criteria for achieving agreement	159
Oleg O. Falileev Assessment by civilists of the institute of significant changes in circumstances in contractual legal relations	163
Alevtina V. Khomyakova Return of the criminal case by the court of appeal for a new trial	168
Elena V. Shanazarova, Sergey A. Semyonov Development of the Institute of judicial Financing in Russia	172
Vera M. Yakovleva The role of criminal punishment in increasing the effectiveness of preventive action in relation to crimes committed by convicts	175

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аведян Аркадий Аведикович
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
arkadiy.avedyan@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТОЯНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. На основе анализа качественно-количественных показателей состояния насильственных преступлений, совершаемых в отношении государственных деятелей, лиц, осуществляющих правосудие и предварительное следствие, сотрудников правоохранительных органов, а также представителей власти установлен уровень, динамика, структура и иные показатели характеристики состояния насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: сотрудник органов внутренних дел, насилие, преступность, состояние преступности, качественно-количественные характеристики преступности.

Рассматривая вопрос о состоянии насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, следует, прежде всего, отметить, что государственный статистический учет преступлений, к сожалению, в силу несовершенства форм статистической отчетности и методик учета преступлений, не содержит отдельных статистических показателей относительно насильственных преступлений, совершаемых непосредственно в отношении сотрудников ОВД.

С учетом указанного при установлении качественно-количественных параметров состояния насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, необходимо исходить из анализа статистических показателей преступлений, совершаемых в отношении государственных деятелей, лиц, осуществляющих правосудие и предварительное следствие, сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, в соответствии с уголовно-правовой характеристикой которых, потерпевшим может выступать сотрудник ОВД. При этом следует установить удельный вес сотрудников ОВД в общей массе потерпевших по соответствующим преступлениям. Расчет данного показателя возможен путем изучения необходимого (с учетом генеральной совокупности – количества осужденных

Arkady A. Avedyan
Lecturer of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
arkadiy.avedyan@mail.ru

CHARACTERISTICS OF THE STATE OF VIOLENT CRIMES COMMITTED AGAINST EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. Based on the analysis of qualitative and quantitative indicators of the state of violent crimes committed against government officials, persons administering justice and preliminary investigation, law enforcement officials, as well as government officials, the level, dynamics, structure and other indicators of the characteristics of the state of violent crimes committed against employees of the internal affairs bodies.

Keywords: employee of the internal affairs bodies, violence, crime, state of crime, qualitative and quantitative characteristics of crime.

лиц, а также, ошибки репрезентативности выборки, не превышающей 5 % и доверительной вероятности 95 %) количества судебных решений (приговоров) по каждой категории преступлений.

Согласно статистическим данным [1], на территории Российской Федерации за период с 2010 года по первое полугодие 2020 года осуждено 74372 лица за насильственные преступления, совершенные в отношении государственных деятелей, лиц, осуществляющих правосудие и предварительное следствие, сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, в том числе, сотрудников органов внутренних дел. Из них:

- за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) за данный период осуждено 3 лица;
- за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное следствие (ст. 295 УК РФ) – 15 лиц;
- за угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ) – 270 лиц;

– за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) – 443 лица;

– за применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) – 73641 лицо.

При установлении доли преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, в общем массиве насильственных преступлений, совершенных в отношении государственных деятелей, лиц, осуществляющих правосудие и предварительное следствие, сотрудников правоохранительных органов и представителей власти, анализ судебных решений, прежде всего, находящихся в общей доступности в справочно-информационных системах и базах судебных актов, показал следующее.

Так, в результате анализа 382 приговоров, вынесенных судами РФ за период с 2010 года по первое полугодие 2020 года по делам по преступлениям, предусмотренным ст. 318 УК РФ, установлено, что 96 % данных преступлений совершается в отношении сотрудников ОВД. В результате анализа 214 приговоров, вынесенных судами РФ за период с 2010 года по первое полугодие 2020 года по делам по преступлениям, предусмотренным ст. 317 УК РФ, установлено, что 78 % данных преступлений совершается в отношении сотрудников ОВД. В результате анализа 159 приговоров, вынесенных судами РФ за период с 2010 года по первое полугодие 2020 года по делам по преступлениям, предусмотренным ст. 296 УК РФ, установлено, что около 15 % данных преступлений совершается в отношении сотрудников ОВД. В результате анализа 10 приговоров, вынесенных судами РФ за период с 2010 года по первое полугодие 2020 года по делам по преступлениям, предусмотренным ст. 295 УК РФ, установлено, что 10 % данных преступлений совершается в отношении сотрудников ОВД. Анализ судебных решений не позволил выявить случаи совершения преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, в отношении сотрудников ОВД, что объективно обусловлено, как спецификой признаков объекта данного состава преступления, так и единичными случаями его совершения.

Что касается такой отдельной группы насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, как преступления против жизни и здоровья, а также иные насильственные преступления, совершаемые по мотивам ненависти в отношении сотрудников ОВД как представителей социальной группы, то расчет доли преступлений, совершаемых с данной мотивацией непосредственно в отношении сотрудников ОВД, в общем массиве преступлений рассматриваемого вида является проблематичным. Это обусловлено, прежде всего, отсутствием статистических показателей судимости по категории насильственных преступлений, совершаемых по мотивам ненависти и вражды. Также, формы статистической отчетности, как в части регистрации совершенных преступлений [2], так и в части учета осужденных лиц [3], не содержат показателей относительно каждого отдельного квалифицированного вида убийств, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, в том числе, и убийства,

совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Статистика регистрируемой в стране преступности, оперируя большим объемом данных, является в целом пропорциональной, репрезентативной, что позволяет провести дальнейшую выборку с целью исследования отдельных видов преступлений и установления их качественно-количественных характеристик [4, с. 12, 30; 5, с. 10; 6, с. 151–156]. Учитывая удельный вес осужденных за преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ и тот факт, что 96 % данных преступлений совершается непосредственно в отношении сотрудников ОВД, приходим к следующему выводу. На основании полученных результатов можно утверждать, что экстраполяция результатов анализа статистических данных о количестве зарегистрированных насильственных преступлений, совершенных в отношении государственных деятелей, лиц, осуществляющих правосудие и предварительное следствие, сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, а также статистических данных о количестве лиц, осужденных за совершение данных преступлений в целом на исследуемую нами категорию преступлений, позволяют выявить актуальное состояние насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, и основные тенденции его изменения.

Анализ статистических данных о состоянии преступности в РФ за 2010–2020 года [7; 8] позволил выявить следующие тенденции относительно состояния насильственных преступлений, совершаемых в отношении государственных деятелей, лиц, осуществляющих правосудие и предварительное следствие, сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, в том числе сотрудников органов внутренних дел.

На территории РФ за период с 2010 года по 2020 год было зарегистрировано 96849 насильственных преступлений, совершенных в отношении государственных деятелей, лиц, осуществляющих правосудие и предварительное следствие, сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, в том числе, сотрудников органов внутренних дел. Из них зарегистрировано:

– посягательств на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) – 14 преступлений;

– посягательств на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ) – 81 преступление;

– угрозы или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ) – 792 преступления;

– посягательств на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) – 2810 преступлений;

– применение насилия в отношении представителя власти, в том числе сотрудника ОВД (ст. 318 УК РФ) – 93152 преступления.

Как можем видеть, в структуре насильственных преступлений (РФ), совершенных в отношении государственных деятелей, лиц, осуществляющих правосудие и предварительное следствие, сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, в том числе, сотрудников органов внутренних дел, наибольшая доля приходится на такое преступление, как применения насилия в отношении представителя власти, в том числе сотрудника ОВД (ст. 318 УК РФ) – 96,22 %.

Второе место в структуре указанной группы преступлений занимает посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) – 2,9 %.

Третье место занимают угрозы или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ) – 0,82 %.

Четвертое место занимают посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ) – 0,08 %.

Пятое место занимают посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) – 0,01 %.

Анализ структуры насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, позволяет сделать вывод о том, что характер исследуемых преступлений определяется преобладанием насилия (в т.ч., угрозы его применения) в отношении сотрудника над преступными посягательствами на его жизнь. В этом случае преимущественное место занимает применение в отношении сотрудника ОВД насилия не опасного для жизни и здоровья.

Анализ динамики насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, позволил установить следующее.

Динамика исследуемого вида преступлений (относительной всей группы в целом) за период с 2010 по 2020 годы имеет скачкообразный характер. Так, с 2010 по 2012 годы наблюдается снижение роста насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, на 10,2 % (в абсолютных показателях с 9003 до 8080 преступлений). Период с 2012 по 2015 годы характеризуется ростом данного вида преступлений на 20,9 % (с 8080 до 9767 преступлений). В период с 2015 по 2018 годы наблюдается снижение на 14,3 % (с 9767 до 8368 преступлений). В последующие годы (с 2018 по 2020) вновь наблюдается рост на 5,5 %. В 2020 году по сравнению с 2010 годом уровень зарегистрированных преступлений данного вида практически не изменился, снизившись лишь на 1,6 % (с 9003 преступлений до 8856), что свидетельствует о стабильности уровня насилия в отношении сотрудников ОВД.

Следует отметить, что пики роста количества совершаемых в отношении сотрудников ОВД насильственных преступлений, приходится на периоды максимальной протестной активности в России, т.е., на периоды роста числа различных, преимущественно несанкционированных протестных акций. Анализ динамики, природы и характера такого рода протестных акций [9; 10; 11], а также, особенностей виктимности и насильственной виктимизации сотрудников ОВД в процессе обеспечения правопорядка и законности при их проведении, позволяет констатировать, что данный фактор следует рассматривать в качестве виктимогенного, что требует выработки соответствующих девиктимологических мер, направленных на обеспечение безопасности сотрудников ОВД, реализуемых в рамках общей стратегии противодействия насилию в обществе [12].

Анализ состояния каждого из рассматриваемых насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, позволил установить следующее.

Количество фактов применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), зарегистрированных в РФ с 2010 по 2020 годы, составляет 93152. В динамике данного преступления на протяжении указанного периода наблюдаются следующие изменения: с 2010 по 2012 наблюдается снижение в среднем на 4,3 %; с 2013 по 2015 годы – рост в среднем на 9 %; с 2016 по 2018 годы – снижение в среднем на 4,9 %; в 2019 приостановление темпа роста и прирост в 2020 году на 7,7 %. В 2020 году по сравнению с 2010 годом уровень зарегистрированных преступлений данного вида вырос на 4,8 %.

Также, следует отметить, что по результатам выявления 93152 фактов преступлений, связанных с актами применения насилия в отношении представителя власти, в том числе, сотрудника ОВД, за период времени с 2010 по 2020 годы осуждено 73641 лицо. Таким образом, исходя из имеющихся в наличии статистических данных, следует, что процент раскрываемости преступлений, связанных с актами применения насилия в отношении представителя власти, в том числе, сотрудника ОВД, за период времени с 2010 по 2020 годы, составляет 79,1 %.

Количество фактов посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), зарегистрированных в РФ с 2010 по 2020 годы, составляет 2810. В динамике данного преступления на протяжении указанного периода наблюдается стабильное снижение роста со среднегодовым темпом – 17,7 %. В 2020 году по сравнению с 2010 годом уровень зарегистрированных преступлений данного вида снизился на 88,1 %.

По результатам выявления 2810 фактов преступлений, связанных с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительных органов, в том числе, сотрудника ОВД, за период времени с 2010 по 2020 годы осуждено лишь 443 лица. Таким образом, исходя из имеющихся в наличии

статистических данных, следует, что процент раскрываемости преступлений, связанных с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительных органов, в том числе сотрудника ОВД, за период времени с 2010 по 2020 годы, составляет 15,8 %, хотя, начиная с 2016 года, имеет место постепенное повышение уровня раскрываемости. При этом наибольший процент раскрываемости наблюдается в 2016 году – 63 %, наименьший – в 2011 году (4,8 %).

Количество фактов угрозы или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ), зарегистрированных в РФ с 2010 по 2020 годы, составляет 792. В динамике данного преступления на протяжении указанного периода наблюдаются изменения скачкообразного характера:

- с 2010 по 2013 год наблюдается рост в среднем на 16,3 %;
- в 2014 году наблюдается снижение на 11,7 % по сравнению с предыдущим годом;
- рост в среднем на 17,3 % в 2015–2016 году сменяется снижением на 2,4 % в 2017 году;
- рост на 2,5 % в 2018 году – снижением в среднем на 4,4 % в последующие годы (2019 и 2020).

Среднегодовой темп роста за 11 лет составляет в среднем 6,1 %. В 2020 году по сравнению с 2010 годом уровень зарегистрированных преступлений данного вида вырос на 56,25 %.

По результатам выявления 792 фактов преступлений, связанных с угрозами или насильственными действиями в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, за период времени с 2010 по 2020 годы осуждено 270 лиц. Таким образом, исходя из имеющихся в наличии статистических данных, следует, что процент раскрываемости преступлений, связанных с угрозами или насильственными действиями в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, в том числе, в отношении сотрудника ОВД за период времени с 2010 по 2020 годы составляет 34,1 %.

Количество фактов посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное следствие (ст. 295 УК РФ), зарегистрированных в РФ с 2010 по 2020 годы, составляет 81. В динамике данного преступления на протяжении указанного периода наблюдаются стабильное снижение роста преступлений данного вида со среднегодовым темпом 3,9 %. В 2020 году по сравнению с 2010 годом уровень зарегистрированных преступлений данного вида снизился на 88,9 %.

По результатам выявления 81 факта преступлений, связанных с посягательством на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное следствие, за период времени с 2010 по 2020 годы осуждено лишь 15 лиц. Таким образом, процент раскрываемости преступлений, связанных с посягательством на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное

следствие, в том числе сотрудника ОВД, за период времени с 2010 по 2020 годы, составляет 18,5 %.

Количество фактов посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), зарегистрированных в РФ с 2010 по 2020 годы, весьма незначительно (14 преступлений), что объяснимо спецификой данного состава преступления. В указанный период в динамике наблюдается снижение роста преступлений данного вида в хаотичном порядке, в среднем на 2,8 % ежегодно. При этом пики роста приходятся на 2010 и 2012 годы (в указанные годы зарегистрировано по 30,8 % преступлений от общего количества преступлений данного вида, зарегистрированных в обозначенный период). В 2020 году по сравнению с 2010 годом уровень зарегистрированных преступлений данного вида снизился на 75 %.

По результатам выявления 14 фактов преступлений, связанных с посягательством на жизнь государственного или общественного деятеля, в том числе, сотрудника ОВД, за период времени с 2010 по 2020 годы осуждено лишь 3 лица. В период времени с 2015 по 2020 годы ни одно лицо по указанной статье осуждено не было.

Таким образом, процент раскрываемости преступлений, связанных с посягательством на жизнь государственного или общественного деятеля, в том числе, сотрудника ОВД, за период времени с 2010 по 2020 годы, составляет 21,4 %.

Рассматривая сведения о количестве осужденных лиц за совершение преступлений указанной категории в контексте эффективности работы правоохранительных органов (раскрытию преступлений), следует отметить следующую тенденцию:

- в 2016 году осуждено лиц по 88,35 % выявленных преступлений, для 2015 года данный показатель составил 84,84 %;
- для 2017 г. – 83,58 %, для 2012 – 82,75 %;
- для 2014 г. – 82,44 %;
- для 2011 г. – 81,36 %;
- для 2018 г. – 81,03 %;
- для 2013 г. – 79,42 %;
- для 2010 г. – 77,75 %;
- для 2019 г. – 76,06 %;
- для первого полугодия 2020 г. – 30,3 %.

Таким образом, на протяжении 10 лет ежегодно за насильственные преступления, совершаемые в отношении государственных деятелей, лиц, осуществляющих правосудие и предварительное следствие, сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, в том числе, сотрудников органов внутренних дел, подвергаются суду в среднем 81,76 % лиц, их совершивших.

Литература:

1. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации (2010–2020 гг.). Форма № 10-а // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru>
2. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339) // СПС «Консультант-Плюс».
3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.12.2007 N 169 «Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики». URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=301&item=4428>
4. Ли Д.А. Преступность как социальное явление. М., 1997.
5. Игнатов А.Н. Убийство: криминологическое статистическое исследование : монография. Симферополь, 2012.
6. Игнатов А.Н. Латентность преступлений, совершаемых на почве ненависти / А.Н. Игнатов; Под общей ред. А.Н. Игнатова // Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе. Научные труды Международной научно-практической конференции. 2012. С. 151–156.
7. Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений. Форма федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС / Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное организационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики. URL : <http://crimestat.ru/analytics>
8. Ежемесячные сборники о состоянии преступности в России (2010–2020 гг.) / Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное организационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики. URL : <http://crimestat.ru/analytics>
9. Очкина А.В. Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития / А.В. Очкина // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 4(132). С. 69–75.
10. Чувашова Н.И. Состояние и факторы социального протеста в современной России / Н.И. Чувашова, А.Е. Шапаров; Ответст. ред. И.А. Ветренко. // Развитие политических институтов и процессов:

Literature:

1. Report on the number of those convicted for all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation (2010–2020). Form № 10-a // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <http://www.cdep.ru>
2. Order of the Prosecutor General's Office of Russia № 39, Ministry of Internal Affairs of Russia № 1070, EMERCOM of Russia № 1021, Ministry of Justice of Russia № 253, Federal Security Service of Russia № 780, Ministry of Economic Development of Russia № 353, Federal Drug Control Service of Russia № 399 dated 29.12.2005 (as amended on 15.10.2019) «On a unified registration of crimes (together with the Model Regulations on a unified procedure for the reception, registration and verification of reports of crimes», «Regulations on a unified procedure for the registration of criminal cases and registration of crimes», «Instructions on the procedure for filling out and submitting accounting documents») (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 30.12.2005 № 7339) // ATP «ConsultantPlus».
3. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of December 29, 2007 № 169 «On the approval of the Instruction for the maintenance of judicial statistics». URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=301&item=4428>
4. Lee D.A. Crime as a social phenomenon. M., 1997.
5. Ignatov A.N. Murder: Crime Statistical Study : monograph. Simferopol, 2012.
6. Ignatov A.N. Latency of hate crimes / A.N. Ignatov // Counteracting xenophobia, extremism and terrorism in modern society. Scientific works of the International Scientific and Practical Conference. under the general editorship of A.N. Ignatov, 2012. P. 151–156.
7. Information about the state of crime and the results of the investigation of crimes. Federal statistical observation form № 4-EGS / General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Main organizational and analytical department. Department of Legal Statistics. URL : <http://crimestat.ru/analytics>
8. Monthly collections on the state of crime in Russia (2010–2020) / General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Main organizational and analytical department. Department of Legal Statistics. URL : <http://crimestat.ru/analytics>
9. Ochkina A.V. Social protest in modern Russia: factors and development trends / A.V. Ochkina // Economics and Management: scientific and practical journal. 2016. № 4(132). P. 69–75.
10. Chuvashova N.I. The state and factors of social protest in modern Russia / N.I. Chuvashova, A.E. Shaparov // Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience. Materials

зарубежный и отечественный опыт. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 123–128.

11. *Козлова И.С.* Потенциал использования социальных сетей в протестных акциях в России / И.С. Козлова // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2020. № 2. С. 99–110.

12. *Игнатов А.Н.* Стратегия противодействия криминальному насилию в современном обществе / А.Н. Игнатов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6(23). С. 157–168.

of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference. Executive editor I.A. Vetrenko. 2018. P. 123–128.

11. *Kozlova I.S.* Potential of using social networks in protest actions in Russia / I.S. Kozlova // Izvestia of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics. 2020. № 2. P. 99–110.

12. *Ignatov A.N.* Strategy for countering criminal violence in modern society / A.N. Ignatov // Criminalist Library. Science Magazine. 2015. № 6(23). P. 157–168.

Авилова Оксана Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент,
Алтайский государственный университет
avilova-oksana@rambler.ru

Маркин Владимир Васильевич

кандидат философских наук,
доцент,
Алтайский государственный
педагогический университет
fil-fik@altspu.ru

Авилов Сергей Александрович

магистрант,
Алтайский государственный
педагогический университет
avilov-1975@mail.ru

**ПРИЗНАКИ НОРМАТИВНОГО
ПРАВОВОГО ДОГОВОРА:
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**



Аннотация. Статья посвящена осмыслению признаков нормативного правового договора. В статье уточняется перечень признаков нормативного правового договора, конкретизируются универсальные (характеризующие любой договор в сфере права) и собственные (характеризующие договор с нормативным правовым содержанием как способ фиксации правовых норм) признаки нормативного правового договора в общетеоретическом аспекте.

Ключевые слова: правовой договор, нормативный правовой договор, источник права, форма права, воля в праве.



Являясь источником (формой) права в рамках российской правовой системы, нормативный договор отличается от других способов внешнего выражения норм права рядом специфических, присущих только ему особенностей, которые требуют теоретического осмысления. При рассмотрении нормативного правового договора следует в первую очередь исходить из того, что он представляет собой особый тип правового договора. Это означает, что ему свойственны те черты, которые характеризуют любой договор в сфере права. Эти признаки правового договора принято именовать универсальными. Как отмечает в этой связи М.Н. Марченко, данные признаки свойственны любому договору, «возникающему в сфере международного или национального права, выступающему в качестве источника той или иной отрасли права или не являющимся таковым, обладающего публично-правовым характером или имеющего частноправовой

Oksana E. Avilova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Altai State University
avilova-oksana@rambler.ru

Vladimir V. Markin

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Altai State
Pedagogical University
fil-fik@altspu.ru

Sergey A. Avilov

Undergraduate,
Altai State pedagogical University
avilov-1975@mail.ru

**SIGNS OF A NORMATIVE
LEGAL CONTRACT:
GENERAL THEORETICAL ASPECT**



Annotation. The article is devoted to the understanding of the signs of a normative legal agreement. The article clarifies the list of signs of a normative legal agreement, specifies the universal (characterizing any contract in the field of law) and own (characterizing a agreement with normative legal content as a form of law) signs of a normative legal agreement.

Keywords: legal contract, normative legal agreement, source of law, form of law, will in law.



характер» [5, с. 386]. Рассмотрение признаков договора с нормативным правовым содержанием необходимо начать именно с тех признаков, которые присущи любому правовому договору.

Первым среди таких универсальных признаков можно назвать согласительный характер договора. Фиксируя этот признак в качестве первостепенного, большинство существующих в отечественной науке определений договора указывают на то, что договор есть выражающее волю сторон соглашение. Согласительная природа правовых норм в договорах с нормативным правовым содержанием, по справедливому замечанию О.В. Ширабон, подчеркивается оборотами «стороны договорились», «стороны условились» [10, с. 29]. Показательно, что именно согласительный характер нормативного договора обусловил его широкое распространение как источника права в контексте общественно-политической реальности последних десятилетий.

Следующим признаком договора (в том числе нормативного правового договора) является его добровольный характер. Воля сторон, заключающих договор, формируется свободно и свободно обнаруживается вовне. Добровольный характер нормативного правового договора предполагает, что стороны вправе свободно, без какого-либо насилия над их волей определять содержание нормативного правового договора (в части установления, изменения или отмены правовых норм). Конечно, автономия воли сторон не является абсолютной. Она ограничивается положениями действующего законодательства, а именно той его части, которой должен соответствовать заключаемый нормативный договор по своему месту в системе источников (форм) права конкретной правовой системы.

Третий признак договора вообще и нормативного правового договора в частности состоит в его юридической дозволенности. В случае с нормативным правовым договором это означает, что в действующей системе источников (форм) права предполагается (или прямо предусматривается) существование такого договора как самостоятельного способа закрепления правовых норм.

Четвертый универсальный признак договора состоит в том, что он носит взаимно обязательный характер. Это означает обязательность исполнения условий, предусмотренных договором всеми его сторонами. Обратная ситуация привела бы к потере смысла заключения договора. Заметим, что соблюдение взаимно обязательного характера нормативного договора зачастую приобретает политический аспект. В случае с международно-правовым и конституционно-правовым договором это проявляется наиболее ярко: нарушение условий договора, допущенное одной из сторон, «бьет» по её политической репутации.

Помимо этого, среди универсальных признаков договора выделяются и некоторые другие. Весьма распространенным является отнесение признака наличия юридической цели к числу неотъемлемых, универсальных признаков договора. Думается, что с подобным видением следует согласиться. Более того, представляется, что это едва ли не важнейший признак договора, ведь субъекты, заключая договор, стремятся именно к определенному правовому результату. Понятно, что эта цель выглядит различно применительно к частноправовым и публично-правовым договорам, применительно к договорам нормативным и индивидуальным, но она бесспорно существует.

Помимо этого, достаточно часто в ряду универсальных признаков любого договора рассматривается эквивалентность. Так, Ю.А. Тихомиров указывает на «эквивалентный, чаще всего возмездный характер» договора [8, с. 182]. Воспроизводится этот признак и некоторыми другими авторами (в частности Ю.А. Горшениной [1, с. 10]). Однако далеко не все авторы согласны с данной позицией. В частности, В.В. Иванов считает, что «эквивалентный, а тем более возмездный характер свойственен, в основном, лишь договорам сделок» [3]. Признак эквивалентности он ставит

под сомнение не только применительно к нормативным правовым договорам, но и применительно к отдельным гражданско-правовым договорам (имеется в виду, в частности, договор дарения). Некоторые авторы, рассматривая эквивалентность как признак нормативного правового договора, прибегают к своеобразной трактовке эквивалентности: они полагают, что эквивалентность и возмездность не соотносятся как целое и часть. Это позволяет им считать, что «каждый договор является эквивалентным, т.е. предполагает взаимность прав и обязанностей участвующих в нем сторон, но не каждый договор является возмездным» [7]. Думается, что за такой трактовкой просматривается игнорирование общепринятых в правовой теории представлений. На наш взгляд, проблема решается не «подгонкой» под признак эквивалентности того, что по существу ею не является, а признанием того, что эквивалентность не представляет собой универсального признака договора.

Выделение нормативного договора в качестве одного из типов договорных актов указывает на наличие не только «универсальных» признаков, но и на наличие присущих только ему признаков. Именно данные признаки позволяют разграничить нормативно-правовой договор и договор как индивидуальный правовой акт.

Основным признаком, позволяющим осуществить такое разграничение, является наличие в нормативном договоре правовых норм. Есть ученые (С.В. Липень, Н.Л. Гранат и др.), которые и вовсе считают это единственным признаком нормативного договора. Однако с данной точкой зрения сложно согласиться. Несмотря на то, что данный признак является решающим для определения договора как нормативно-правового, имеются и другие, не менее важные признаки. При этом следует отметить, что содержание нормативного правового договора может охватывать не только нормы права, но и принципы права. Конечно, в большей степени это справедливо для международно-правовых договоров. При этом сочетание норм и принципов права может быть различным. Отметим также, что некоторые авторы к признакам нормативного правового договора относят длительность действия и неоднократность применения договорных норм, а также многочисленность и неопределенность адресатов договорных норм [9, с. 14]. Выделение этих признаков представляется сомнительным, поскольку здесь описываются особенности не нормативного правового договора как такового, а особенности правовых норм, вытекающие из их общего характера.

Большинство исследователей указывает на публичный характер нормативного правового договора. Публичный характер нормативно-правового договора проявляется в наличии особых сторон договора (в том числе в виде государства, его отдельных органов и иных субъектов, наделенных правотворческими полномочиями), в закреплении в нем не частной, а общей, согласованной, и в этом смысле публичной воли. Рассматривая сферу частноправового регулирования общественных отношений, следует признать, что

нормативный правовой договор находится в ряду источников права только одной отрасли права (трудовое право), которая с некоторой мерой условности может быть отнесена к частным отрядам; таким образом, тезис о публичном характере может быть в полной мере отнесен и к коллективным договорам.

Взаимосвязанным с вышеназванным признаком является такой признак нормативного правового договора как особая, строго формальная процедура его заключения [6, с. 12]. Стадией этой процедуры является обязательное опубликование нормативного правового договора (некоторые авторы в этой связи даже полагают, что к признакам нормативного договора следует отнести общеизвестность [9, с. 14]). Существование специальной процедуры заключения (и добавим, расторжения) обусловлено выполняемой нормативно-правовым договором ролью источника права. Показательно, что отсутствие именно ясного правового регулирования порядка, условий, а также юридических последствий заключения договоров с нормативным содержанием рождает в правоприменительной практике целый комплекс проблем, на что справедливо указывается в научных публикациях [4, с. 241].

По мнению отдельных авторов, не только процедура заключения является отличительной чертой нормативного договора. Так, Демин А.В. указывает на то, что для рассмотрения споров и конфликтов, связанных с исполнением нормативного договора предусмотрен специальный порядок [2, с. 18]. Постановка вопроса об особом порядке разрешения споров, связанных с нормативным договором, представляется совершенно оправ-

Литература:

1. Горшенева Ю.А. Нормативный договор как источник права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 26 с.
2. Демин А.В. Нормативный договор как источник административного права / А.В. Демин // Государство и право. 1998. № 2. С. 15–21.
3. Иванов В.В. К вопросу об общей теории договора / В.В. Иванов // Государство и право. 2000. № 12. С. 73–79.
4. Коновалова Л.Г. Нормативные правовые договоры и нормоориентирующие акты судов как новые источники российского права: анализ через призму принципа верховенства закона / Л.Г. Коновалова // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 241–246.
5. Марченко М.Н. Источники права. М. : Проспект, 2011. 760 с.
6. Мясин А.А. Нормативный договор как источник права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 29 с.
7. Парфенова Т.А. Нормативный договор как источник российского права: история и

данной. Конечно, можно говорить о том, что эта особая процедура продиктована особенностями общественных отношений, урегулированных с помощью нормативного правового договора, но это не отменяет тот факт, что такая процедура, как правило, действительно предусматривается нормативным правовым договором и/или действующим законодательством и обуславливается согласительной природой договора.

Подводя итог исследованию признаков нормативного правового договора в общетеоретическом аспекте можно отметить следующее: отталкиваясь от того, что нормативный правовой договор является типом правового договора, с одной стороны, а с другой стороны, выступает особым источником (формой) права, признаки нормативного договора подразделяются на универсальные и собственные. К первым необходимо отнести его согласительный и взаимно обязательный характер, добровольность, юридическую дозволенность, а также стремление к юридически значимой цели. К числу собственных признаков нормативного правового договора следует отнести:

- 1) наличие в нем правовых норм (а в определенных случаях и принципов права);
- 2) публичный характер нормативного правового договора;
- 3) существование особой, формальной процедуры заключения (и расторжения) договора;
- 4) наличие специального порядка разрешения споров, связанных с неисполнением нормативного договора его сторонами.

Literature:

1. Gorsheneva Yu.A. Normative contract as a source of law : autorecast dis cand. of legal sciences. M., 2005. 26 p.
2. Demin A.V. Normative contract as a source of administrative law / A.V. Demin // State and Law. 1998. № 2. P. 15–21.
3. Ivanov V.V. On the question of the general theory of the contract / V.V. Ivanov // State and law. 2000. №12. P. 73–79.
4. Konovalova L.G. Normative legal treaties and normative acts of courts as new sources of Russian law: analysis through the prism of the principle of the rule of law / L.G. Konovalova // Bulletin of the Tomsk State University. 2020. № 453. P. 241–246.
5. Marchenko M.N. Sources of law. M. : Prospect, 2011. 760 p.
6. Myasin A.A. Normative agreement as a source of law : autorecast dis cand. of legal sciences. Saratov, 2003. 29 p.
7. Parfenova T.A. Normative agreement as a source of Russian law: history and modernity : autorecast

современность : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 178 с.

8. *Тихомиров Ю.А.* Публичное право. М. : БЕК, 1995. 496 с.

9. *Толкачев Е.А.* Нормативный договор в российской правовой системе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. – 27 с.

10. *Ширабон О.В.* Нормативно-правовой договор как источник современного российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 18 с.

dis cand. of legal sciences. Chelyabinsk, 2005. 178 p.

8. *Tikhomirov Yu.A.* Public law. M. : BEK, 1995. 496 p.

9. *Tolkachev E.A.* Normative agreement in the Russian legal system : dis cand. of legal sciences. Saratov, 2006. 27 p.

10. *Shirabon O.V.* Normative legal agreement as a source of modern Russian law : dis cand. of legal sciences. M., 2007. 18 p.

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия, Иркутск
barahevaev@bk.ru

Селиванов Олег Владимирович

студент 1 курса,
Российский государственный
университет правосудия
avadakeedavraa@yandex.ru

Степаненко Алексей Сергеевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

**ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
БРАКОРАЗВОДНОГО ПРОЦЕССА
С УЧАСТИЕМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ**



Аннотация. Данная статья посвящена исследованию практических аспектов бракоразводного процесса с участием несовершеннолетних детей. Изучен законодательный аспект разделения имущества. Определено право собственности супругов и детей. Озвучены юридические коллизии. Рассмотрена судебная практика.

Ключевые слова: бракоразводный процесс, несовершеннолетние дети, право собственности, юридические коллизии.



«Брак – основная причина разводов».

Раздел имущества регулируется 38 статьей СК РФ. Во время бракоразводного процесса суд по требованию супругов разделяет все имущество, признанное совместной собственностью на две равные доли.

Согласно статье 34 СК РФ совместной собственностью супругов признается имущество, нажитое супругами во время брака, например:

1. Любые официальные доходы супругов;
2. Пенсионные выплаты, пособия, а также иные денежные выплаты, не являющиеся специальным целевым назначением;

Eleva V. Barasheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Russian State
University of Justice, Irkutsk
barahevaev@bk.ru

Oleg V. Selivanov

1 year Student,
Russian State
University of Justice
avadakeedavraa@yandex.ru

Alexey S. Stepanenko

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Russian State
University of Justice
mail@esbrsuj.ru

**PRACTICAL ASPECTS
OF DIVORCE PROCEEDINGS
INVOLVING MINOR CHILDREN**



Annotation. This article is devoted to the study of the Practical aspects of the divorce process with the participation of minor children. Studied the legislative aspect of the division of property. The property rights of spouses and children have been determined. Legal conflicts were announced. Considered judicial practice.

Keywords: divorce process, minor children, property rights, legal conflicts.



3. Движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации;

4. Любое другое имущество супругов, вне зависимости от того кто из них имеет право собственности и фактически его приобрел.

Согласно статье 60 СК РФ ребенок имеет право собственности на личные доходы, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на средства ребенка. Право ребенка на владение и распоряжение имуществом регулируется статьями 26 и 28 ГК РФ.4

Общее правило разделение долей закреплено в статье 39 СК РФ. Пункт 2 этой статьи гласит, что суд имеет право отступить от общего правила равного разделения имущества из учета интересов несовершеннолетних и или при условии очевидно неравных вложений в формирование совместной собственности [3].

Вышеизложенная информация формирует три юридические коллизии:

1. В нашей стране распространена практика оформления собственности на родственников и друзей, тем самым супруги могут вовсе не иметь никакой совместно нажитой собственности;

2. Право распоряжения собственностью ребенка, приобретенной на его средства, с целью реализации его конституционного права на частную собственность;

3. Формулировка 39 статьи СК РФ «Суд вправе», подобная расплывчатая фраза уже в какой-то степени нарушает права ребенка, поскольку суд не обязуется учитывать интересы несовершеннолетних детей. Помимо этого суд не обязуется учитывать, очевидно, неравные вложения супругов в формирование совместной собственности, что можно отнести к нарушению третьей группы прав человека [1, 2].

Далее обратимся к судебной практике с целью определения решения вышеперечисленных юридических коллизий.

Пример разделения совместно нажитого имущества в случае возникновения первой юридической коллизии – оформление собственности на родственников. Решение № 2-458/2020 от 26 Ноября 2020 года, рассматривал Становлянский районный суд, Липецкая область.

Супруга Л.С.А. обратилась в суд с иском к супругу Л.С.В. и его родителям Л.А.А., Л.С.В. о разделе совместно нажитого имущества и признании сделок недействительными.

По закону признано совместной собственностью было следующее имущество: Земельный участок; Гараж; Легковой автомобиль комби марки ПЕЖО.

Со слов супруги, за время брака были приобретены также: Прицеп самосвал, категории Е; Прицеп общего назначения; Легковой автомобиль комби ЛАДА ГРАНТА; Грузовой самосвал; Прицеп самосвал, категории С/НЗ; Прицеп самосвал, категории Е/04.

Перечисленное движимое имущество Л.С.С. оформил на своих родителей Л.А.А. и Л.С.В. По мнению супруги, в этом случае были совершены формальные действия по постановки новым владельцем на учет спорных автомобилей и прицепов, реальная передача автомобиля, подтверждающая возникновение права собственности, произведена не была. Тем самым Л.С.А. считает, что муж намеренно вводил ее в заблуждение.

Суд ссылаясь на статью 56 ГПК РФ, пункт первый – «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений», отказал в удовлетворении второй части требований истицы. Обоснованием послужило отсутствие существенных доказательств, подтверждающих факт вложения денежных средств Л.С.А. в сделки покупки перечисленных выше автомобильных средств.

Требования Л.С.А. суд удовлетворил частично. Суд решил разделить имущество, являющееся совместной собственностью:

1. Передать в собственность Л.С.А.: легковой автомобиль комби марки ПЕЖО стоимостью 345000 рублей;

2. Передать в собственность Л.С.С.: земельный участок и расположенный на нем гараж (нежилое здание, гараж) общей стоимостью 62650,16 рублей.

В остальной части требований Л.С.А. отказать [5].

Пример разделения совместно нажитого имущества в случае возникновения второй юридической коллизии – реализация права собственности на имущество, приобретенное на средства ребенка. Решение № 2-1373/2020 от 20 Июля 2020 года, рассматривал Хабаровский районный суд, Хабаровский край.

Супруга Отмахова Н.Э. обратилась с иском к супругу Горбачеву К.А. о возложении обязанности дать разрешение на продажу доли в праве общей долевой собственности принадлежащей несовершеннолетней дочери ФИО. В связи с неоднократными отказами супруга от приобретения доли ее несовершеннолетней дочери, а также продажи дома и земельного участка с целью разделения полученной от продажи суммы на равные доли у супруги не осталось выбора, кроме разрешения спора через суд. Совместное проживание в одном доме не представлялось возможным по причинам:

1. Профессиональных занятий дочери художественной гимнастикой, посещения школы и детского сада в удаленных от этой жилплощади местах;

2. Временной регистрации по другому адресу;

3. Приглашения дочери тренироваться в другом учреждении;

4. Основным обстоятельством является психоэмоциональное состояние дочери. Ребенок боится отца, помимо этого ответчик – отец всячески портит времяпровождение в доме, в связи с этим вызывался участковый, который не принял никаких мер к ответчику в связи с тем, что он является равноправным собственником спорного жилого помещения. Обследование дочери доказало психотравмирующий фактор проживания в этом доме – повышенный уровень тревожности и фобические проявления.

Приняв во внимание все перечисленные причины и письменные доказательства по делу, суд принял решение:

1. Исковые требования Н.Э. Отмаховой к К.А. Горбачеву о возложении обязанности дать разрешение на продажу доли в праве общей долевой собственности, удовлетворить.

2. Возложить на К.А. Горбачева обязанность выдать разрешение Н.Э. Отмаховой, действующей от имени и в интересах ФИО, на продажу принадлежащую несовершеннолетней 1/4 доли в праве общей долевой собственности на земельный участок в течение десяти дней со дня вступления решения суда в законную силу [6].

39 статья СК РФ не содержит перечня заслуживающих внимания интересов несовершеннолетних детей, поэтому суд в каждом конкретном случае указывает эти обстоятельства отдельно. Изучив несколько сотен бракоразводных процессов, можно озвучить единственное условие, при котором суд отходит от общего правила равного разделения имущества. Это условие – право собственности несовершеннолетнего на это имущество в соответствии с 60 статьей СК РФ.

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод.
2. Конвенция о правах ребенка.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
5. Судебная практика – Решение № 2-458/2020 от 26 Ноября 2020 года.
6. Судебная практика – Решение № 2-1373/2020 от 20 Июля 2020 года.

Рассмотрев несколько юридических коллизий, определенно стоит предложить, как их исправить. Один из вариантов – расширение СК РФ:

1. 34 – необходимо закрепить нормы, согласно которым супруги будут обязаны давать письменное согласие на приобретение любого дорогостоящего имущества, при оформлении его не на одного из супругов. Это позволит многократно сократить факт относительно мошеннических действий, на которые идут супруги при оформлении имущества на родственников или третьих лиц.

2. 39 – необходимо определить заслуживающие внимания интересы несовершеннолетних. Также необходимо обязать суд принимать во внимание интересы несовершеннолетних и неравные вложения супругов в формирование совместной собственности.

3. 60 – необходимо уточнение возможности заключения договора мены между родственниками и третьими лицами, при соблюдении равнозначного обмена.

Literature:

1. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.
2. Convention on the Rights of the Child.
3. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 № 223.
4. Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 № 51.
5. Judicial practice – Decision № 2-458/2020 of 26.11.2020.
6. Judicial practice – Decision № 2-1373/2020 of 20.07.2020.

Веренич Игорь Васильевич
кандидат юридических наук
доцент кафедры правоведения,
Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
i-verenich@mail.ru

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Предметом настоящего исследования является рассмотрение вопросов концепции криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию преступлений, формирование понятия и сущности данного явления, рассмотрение прокурора как объекта противодействия расследованию преступлений, определение видов, форм и способов преодоления такого противодействия данным должностным лицом. Рассмотрение различных взглядов и представление авторского мнения к данной проблеме, устранение противоречий и определение единого подхода при формировании теоретических положений криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическое учение, прокурор, объект противодействия расследованию преступлений, преодоление противодействия расследованию преступлений, криминалистическое учение о преодолении противодействия, виды, формы и способы преодоления противодействия расследования преступлений.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем фактом, что среди достаточно большого количества исследований, посвященных противодействию расследованию преступлений, их видам и способам, вопросы об объекте противодействия рассматриваются крайне скупое, так как общепринятым является отнесение к таковым лишь лиц, производящих расследование. Согласиться с такой позицией сложно, несмотря на то, что основными объектами противодействия выступают лица, производящие расследование, ограничиваться их включением в перечень лиц, против деятельности которых направлено противодействие, было бы неверным, он должен включать в себя всех лиц, от решений которых зависит привлечение конкретного лица за совершение определенного преступления к уголовной ответственности. И, поскольку, прокурору принадлежат достаточно широкие надзорные полномочия в

Igor V. Verenich
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor of Law,
Northwestern Institute of Management
Russian Academy of National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
i-verenich@mail.ru

PROSECUTORIAL ACTIVITY IN THE SYSTEM OF OVERCOMING COUNTERACTION TO THE INVESTIGATION OF CRIMES

Annotation. The subject of this study is the consideration of the issues of forensic investigation of crimes, the creation of a concept and analysis of this phenomenon, the consideration of the prosecutor as an object of counteraction to the investigation of crimes, types, forms and methods of overcoming such an action of counteraction to the investigation. Consideration of various views and representations of the author's opinion to this, elimination of contradictions in the problem and determination of a unified approach in the formation of theoretical provisions of the forensic doctrine of overcoming counteraction to the investigation of crimes.

Keywords: criminalistics, forensic doctrine, prosecutor, counteraction to the investigation of crimes, overcoming counteraction to a crime, forensic doctrine on the form of overcoming the counteraction, types and methods of overcoming counteraction to the investigation of crimes.

сфере осуществления надзора за производством предварительного расследования, он выступает объектом противодействия наравне со следователями и дознавателями. К сожалению, данный вопрос в настоящее время не может считаться исследованным, поскольку существующие многочисленные труды, посвященные вопросам противодействия расследованию, не содержат широкого анализа прокурора как объекта данной деятельности, а также анализа его возможностей по ее преодолению.

Несмотря на то, что прокурор как объект противодействия расследованию обладает определенной спецификой, обусловленной особенностями его полномочий, которые преимущественно сводятся к осуществлению надзора, в целом, в данном случае могут быть использованы любые средства противодействия, используемые преступниками и иными лицам в целях не

достижения целей уголовного преследования, в связи с чем, для начала необходимо произвести краткий анализ понятия противодействия расследованию преступлений, а также его видов и способов.

В работах известного учёного криминалиста Р.С. Белкина необходимо констатировать, что противодействие в основном рассматривается как сокрытие преступления. В рамках рассматриваемой деятельности данный видный научный деятель выделяет утаивание, уничтожение, маскировку, фальсификацию следов, а также инсценировку [12, с. 663].

В.А. Ищенко в рассматриваемой проблематике предложил классификацию видов противодействия, но при этом в качестве критерия им была взята информация вербальная и материальная, заложенная в основу способов воздействия на носители информации. Также данным исследователям были предложены такие формы противодействия, как активная и пассивная [9, с. 50].

Следует обратить внимание и на исследование противодействия и его видов, проведенного В.Н. Карагодиным, который в качестве основного критерия разграничения видов противодействия использует акты противодействия, совершаемые в целях противодействия:

- выявлению преступления, его обстоятельств и участников;
- установлению ущерба, причиненного преступлением;
- в целях противодействия выявлению влияющих на степень и характер ответственности виновного обстоятельств, характеризующих его личность [11, с. 22].

Исследованию вопросов противодействия уделяли внимание различные видные научные деятели, предлагая свои виды его определения и классификацию. В целом, как отмечает И.В. Тишутина, можно констатировать существование двух подходов к определению сущности противодействия расследованию, в соответствии с первым из которых под ним понимаются любые действия, предпринимаемые виновными лицами, а также – сочувствующими последним, совершаемые в целях избежания уголовной ответственности либо ее смягчения, а в соответствии со вторым, оно представляет собой систему умышленных противоправных действий против закона [17, с. 52].

Наиболее полным нам видится определение сущности противодействия расследованию преступлений, предложенное нами ранее, согласно которому оно представляет собой систему действий, направленных на сохранение в тайне обстоятельств совершения преступления, сокрытие источников информации о содеянном и виновных лицах, а если это не удалось – то путем воздействия на лиц, осуществляющих расследование или рассмотрение дела для дезорганизации их работы по раскрытию преступления и осуществлению правосудия [4, с. 25].

Ранее в своих работах мы указывали, что под признаками противодействия можно понимать такие свойства и проявления, которые затрудняют расследование, парализуют или подавляют активность следователя (дознателя) и позволяют виновному уклониться от уголовной ответственности [3, с. 104].

Анализ следственной и судебной практики показывает, что лицо осуществляющее следствие или дознание, при наличии признаков противодействия, может определить начало и последующее направление противодействия расследованию уголовных дел.

Проведённые нами исследования позволили выделить признаки противодействия расследованию преступления, под которыми можно понимать такие свойства и проявления, которые затрудняют расследование, парализуют или подавляют активность следователя (дознателя) и позволяют виновному уклониться от уголовной ответственности. Каждому этапу расследования характерны собственные признаки и последствия.

Среди признаков, свидетельствующих о начале противодействия расследованию со стороны членов преступных формирований, можно назвать такие их разновидности, как:

- а) резкое снижение преступной активности членов отдельных преступных групп (сообществ);
- б) включение в действие механизма противодействия расследованию, куда входят такие мероприятия, как:
 - введение в действие денежного фонда «общака» или «кассы» преступной группировки;
 - подключение к противодействию коррумпированных связей (должностных лиц, общественных и политических деятелей, депутатов различных дум и т.д.);
 - осуществление членами преступной группы действий по сопротивлению правоохранительной системе (убийства, подкуп, хищения близких) и т.д.;
 - резкое изменение показаний потерпевшего и свидетелей в пользу подозреваемых (обвиняемых);
 - симуляция психического или иного заболевания и нежелание, отказ участвовать в следственных действиях;
 - уничтожение материалов уголовного дела и устранение важных свидетелей;
- в) преследование или месть в отношении законопослушных граждан, оказавших помощь в раскрытии и расследовании преступлений;
- г) негативные публикации по поводу расследования какого-то уголовного дела в средствах массовой информации или в отношении лиц, осуществляющих данное расследование, для

создания ложного или негативного общественного мнения и для дискредитации лиц, ведущих расследование, и т.д. [5, с. 616].

Данные признаки также отражаются в протоколах осмотра места происшествия и других следственных осмотров, а также – в протоколах первых допросов.

Среди признаков, говорящих о последующих этапах противодействия расследованию преступлений, можно назвать такие разновидности, как:

а) реальные угрозы или психологическое давление на следователя, на ход расследования;

б) существенные противоречия в показаниях участников преступного события на допросах и очных ставках;

в) существенные негативные (для достижения истины по делу) изменения в показаниях участников преступного события или отказ от ранее данных ими показаний;

г) уничтожение или фальсификация

ю процессуальных и иных документов, симуляции психического или физического заболевания подозреваемым (обвиняемым);

д) неожиданную и неоправданную неявку основных свидетелей или потерпевших к следователю;

е) появление новых, ранее неизвестных следствию, то есть, «подставных» свидетелей с противоречивыми и негативными для объективности показаниями;

ж) внезапные необоснованные и противоположные заявления или ходатайства потерпевших;

з) отказ суда арестовать подозреваемого, а прокурора – поддержать ходатайство следователя;

и) убийство важных свидетелей или потерпевших, реальные угрозы их жизни и здоровью и др.[5, с. 617–618].

Указанные признаки деятельности по противодействию расследованию закономерно фиксируются в протоколах последующих допросов и проверки показаний на месте, в протоколах предъявлений для опознаний и следственного эксперимента, в заключениях эксперта и специалиста и других материалах уголовного дела. Мы считаем, что такой подход к определению сущности противодействия расследованию является наиболее полным и охватывающим все его возможные способы.

Таким образом, в рассматриваемой деятельности выделяется две составляющие, которые нам видятся необходимым проанализировать более подробно.

1) прежде всего, как было отмечено выше, деятельность заключается в сокрытии самого факта преступления либо его отдельных обстоятельств.

Фактически, лицо, совершающее преступное деяние, может начинать противодействовать еще не начавшемуся расследованию, когда предпринимает такие попытки, как:

– полностью скрыть факт совершенного преступления (к примеру, совершает убийство, но маскирует его под несчастный случай или самоубийство);

– уничтожить свои следы на месте происшествия, которые могут позволить указать на него как на виновного, создать себе алиби;

– создать искусственные доказательства вины другого лица в совершении преступления (например, оставить на месте происшествия предмет, принадлежащий другому лицу).

В процессе расследования уголовного дела противодействие в целях сокрытия преступления либо его обстоятельств может проявляться и в других иных действиях:

– в отказе от дачи показаний;

– в даче ложных показаний о своей непричастности к совершению преступления, о наличии алиби, о виновности другого лица в совершении преступления;

– в предоставлении лжесвидетелей подтверждающих алиби;

– в искажении образцов, предоставляемых для исследования и т.д.

Фактически, перечисленные действия лица, привлекаемого к уголовной ответственности, не являются уголовно наказуемыми, поскольку подозреваемому, обвиняемому предоставлено право отказа от дачи показаний либо дачи ложных показаний. Если же аналогичные действия совершают, к примеру, свидетели, в интересах виновного лица, они могут быть привлечены к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний. Сюда же видится необходимым включить и оказание давления на потерпевших, свидетелей различными способами, в целях изменения последними показаний, что влечет уголовную ответственность по ст. 309 УК РФ.

2) вторая большая группа действий, целью которых является воспрепятствование расследованию, может быть определена как воздействие на лиц, осуществляющих расследование, а также контролирующих данный процесс, куда нам видится возможным включить такие действия, как:

– шантаж, насилие, угроза применения насилия к следователю, дознавателю в целях изменения хода расследования, изъятия либо изменения доказательств, прекращения уголовного дела, привлечения к уголовной ответственности другого лица; к руководителю следственного органа, начальнику органа дознания в целях дачи указаний следователю, дознавателю о ходе расследования; к прокурору в целях предотвращения направления им уголовного дела в суд; к судье в целях предотвращения вынесения им обвинительного приговора;

- подкуп вышеуказанных лиц в тех же целях;
- задействие административного ресурса на основе родственных, дружеских связей, с целью получения лицами, производящими расследование и контролирующими его процесс, распоряжений, указаний об изменении хода расследования.

Исследования учёных-криминалистов внесли существенный вклад в дальнейшее развитие научных знаний по вопросам противодействия расследованию и легли в основу иных классификаций, основанных и на иных критериях.

Так, на основе различных точек зрения, нам представляется возможным рассмотреть противодействие расследованию в зависимости от следующих критериев.

Периодичность. В зависимости от рассматриваемого основания можно выделить противодействие:

- с момента подготовки преступления до возбуждения уголовного дела (против выявления преступления);
- с момента возбуждения уголовного дела до направления его прокурором в суд (против раскрытия и расследования преступления);
- с момента направления прокурором уголовного дела в суд до вынесения приговора (против привлечения к ответственности).

Первый вид противодействия имеет своей целью создание препятствий для того, чтобы удалось выявить факт совершенного преступления. Как правило, это достигается путем инсценировки различными способами преступного события под непроступное. Такое противодействие направлено на различных представителей правоохранительных органов:

- против сотрудников следственно-оперативной группы, прибывающих первыми на место происшествия;
- против следователя, дознавателя, принимающих решение о возбуждении уголовного дела;
- против прокурора, которым проверяется законность принимаемого решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Соответственно, именно данные лица должны предпринимать меры по устранению мер противодействия [14, с. 116].

Поскольку целью нашего исследования является анализ особенностей оказания противодействия на прокурора при расследовании уголовного дела, мы полагаем целесообразным обратить внимание на существующие у прокурора возможности препятствовать такому противодействию.

Прокурору в стадии возбуждения уголовного дела представлен ряд полномочий, посредством

реализации которых он может выявлять нарушения законности. Основными из них выступают полномочия отмены незаконных решений о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела. Важность указанных прав, предоставленных прокурору неоспорима, однако процессуальная их регламентация видится не вполне совершенной.

Так, из ч. 4 ст. 146 УПК РФ [1] достаточно сложно понять, возлагается ли на лицо, принявшее решение о возбуждении уголовного дела, предоставить вместе с копией постановления о возбуждении уголовного дела материалы, являющиеся основанием принятия данного решения, либо должна предоставляться только копия такого решения, а материалы прокурор может запросить дополнительно.

Если обратиться к практике принятия решения о возбуждении уголовного дела, то можно обнаружить, что материалы прилагаются к постановлению о возбуждении уголовного дела, по результатам изучения которых прокурор подписывает статистическую карточку формы № 1 [2]. И такой подход нам представляется верным, поскольку оценить законность принятого решения без изучения имеющихся для этого оснований невозможно. Вызывает определенные вопросы и используемый законодателем термин «незамедлительно». По нашему мнению, в данном случае необходимо четко установить максимальный срок, в который копия постановления о возбуждении уголовного дела и материалы, обосновывающие принятие данного решения должны направляться прокурору [10, с. 735]. Целесообразно ограничить данный срок 24 часами с момента принятия решения.

Не содержится в УПК РФ и конкретных оснований, по которым прокурором может быть отменено решение о возбуждении уголовного дела, фактически, законодатель ограничился указанием на то, что отмене подлежат незаконные и необоснованные решения [18, с. 311]. Такая позиция законодателя является верной, поскольку предусмотреть исчерпывающий перечень нарушений законодательства, которые могут быть допущены при возбуждении уголовного дела, невозможно. Основанием для отмены может являться даже наличие технических ошибок в постановлении о возбуждении уголовного дела, неверного номера регистрации сообщения о преступлении, ошибок в данных о личности заявителя или лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело и т.д. Наиболее часто основанием для отмены постановления о возбуждении уголовного дела выступает неверная квалификация деяния. Так, например, прокурором было вынесено постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, вынесенного следователем по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ по факту тайного хищения имущества С. на сумму 4500 руб., поскольку для целей ст. 158 УК РФ сумма значительного ущерба не может составлять менее 5000 рублей [15, с. 65]. Аналогичным примером может являться отмена постановления о возбуждении уголовного дела по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ по факту насильственного хищения имущества у Р., поскольку в материалах уголовного дела содержалось

заключение медицинского эксперта, согласно которому Р. был причинен средней тяжести вред здоровью и в действиях неустановленного лица усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 162 УК РФ [15, с. 65].

Нам представляется, что совершенствование уголовно-процессуальных норм, регламентирующих вопросы надзорных полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела, позволит своевременно и наиболее полно противостоять противодействию выявления преступления.

Что касается противодействия расследованию в период времени с момента возбуждения уголовного дела до его окончания, то здесь роль надзорных полномочий прокурора не менее важна, для чего, ему предоставлено право ознакомления с материалами уголовного дела, находящимися в производстве, право дачи указаний о направлении расследования. Однако наиболее полно пресекать противодействие расследованию прокурор может в ходе изучения уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением либо обвинительным актом [6, с. 9]. Именно здесь и у прокурора имеется возможность изучения материалов уголовного дела в полном объеме, по итогам которого он может установить факт неверной квалификации действий лица, привлекаемого к уголовной ответственности, наличие либо отсутствие достаточных доказательств его вины. Устранение выявленных нарушений возможно посредством возвращения прокурором уголовного дела для производства предварительного расследования либо для пересоставления обвинительного акта. Здесь нам видится недостатком отсутствие у прокурора полномочия по прекращению уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, в то время как по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом, у него такое полномочие имеется.

Недостатком действующего законодательства видится и в отсутствие соответствующей нормы, предусматривающей четкий перечень оснований возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования.

Что касается противодействия расследованию в стадии судебного производства, здесь некоторые исследователи полагают, что в данном случае объектом противодействия расследованию будет являться только суд, однако, мы данную позицию не разделяем, полагая, что прокурор выступающий в роли государственного обвинителя, также подвергается противодействию, и именно он может наиболее эффективно препятствовать такому противодействию, последовательно приводя доказательства вины подсудимого, обосновывая их достаточность и достоверность.

Объект противодействия. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что большинство исследователей в качестве такового рассматривает: следователя и дознавателя, обосновывая это тем фактом, что даже в случае оказания влияния на потерпевших, свидетелей, в конечном счете, объектом противодействия является то

лицо, которое будет получать от него показания [16, с. 281]. Однако мы данную позицию не разделяем, и неоднократно об этом писали, что помимо указанных лиц в данную категорию надлежит включать также начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, руководителя следственного органа и прокурора, поскольку указанные лица играют огромную роль при проверке уголовных дел, принимаемых субъектами расследования преступлений, их согласовании, отмене и т.д. Соответственно, и они подвергаются противодействию.

Цели и задачи противодействия. Каждый субъект противодействия имеет свои цели. К примеру, если противодействие оказывается подозреваемым, то его цель – избежать уголовной ответственности либо смягчить ее, если субъектом противодействия является защитник – то его целью выступает недопущение привлечения к уголовной ответственности либо смягчение ответственности своего подзащитного и т. д. [8, с. 39].

Способы противодействия. В данном случае нам видится возможным использование предложенного В.А. Ищенко деление противодействия на активное и пассивное.

Конечно, возможны и классификации противодействия по иным основаниям, но, нам представляется, что предложенная классификация наиболее полно позволяет охватить все возможные виды противодействия.

Видится возможным утверждать, что прокурор выступает в качестве объекта противодействия расследованию преступлений на любом этапе уголовного судопроизводства, поскольку именно им выполняются основные надзорные функции, и, когда субъектом противодействия предпринимаются определенные действия, направленные на противодействие следователю, дознавателю, это автоматически влечет за собой и оказание противодействия на прокурора, который получает информацию о совершенном преступлении, его обстоятельствах, субъектах преступления посредством ознакомления с материалами уголовного дела. Более того, нам представляется, что, если в качестве способа противодействия рассматривать наиболее опасный, представляющий собой непосредственное воздействие на его объект – подкуп, принуждение и т.д., то здесь прокурор может выступать одним из основных объектов противодействия по причине того, что фактически именно от него зависит конечный результат расследования уголовного дела – будет ли оно направлено в суд, возвращено для дополнительного расследования либо для принятия решения о прекращении уголовного дела. Как свидетельствует практика, основные процессуальные решения по уголовному делу, следователь (дознаватель) принимает по согласованию с прокурором, что также свидетельствует о значительной роли прокурора в уголовном процессе и о том, что противодействие расследованию, в том числе, направлено и против него. К примеру, созданное подозреваемым ложное алиби, затрудняющее доказывание его вины, создает препятствия и к окончанию предварительного расследования

следователем, и к направлению прокурором дела в суд.

Также, в порядке надзора прокурором изучаются уголовные дела, предварительное расследование по которому приостановлено, в том числе, и в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. И здесь может быть установлено, что достаточных доказательств вины лица в совершении преступления не добыто по причине оказываемого противодействия (к примеру, по причине заявления подозреваемым о наличии у него алиби), и у прокурора имеется возможность отменить вынесенное постановление, дать конкретные указания о ходе расследования, например, произвести следственные действия, направленные на опровержение алиби подозреваемого.

Соответственно, можно с уверенностью утверждать, что именно прокурор – один из значимых объектов противодействия расследованию, и именно ему может принадлежать определяющая роль, как в выявлении самого факта противодействия, так и в поиске способов его преодоления. Все это свидетельствует о необходимости совершенствования средств нейтрализации противодействия расследования, которыми обладает прокурор как участник уголовного процесса, и в качестве которых выступают его надзорные полномочия, реализуемые преимущественно в стадии возбуждения уголовного дела и в стадии предварительного расследования.

Для того, чтобы у прокурора имелись наиболее эффективные средства и методы преодоления противодействия расследованию, мы считаем необходимым совершенствование уголовно-процессуальных норм, регламентирующих его надзорные полномочия на различных стадиях уголовного процесса.

Нам представляется, что более четкая и ясная конструкция норм уголовно-процессуального законодательства, закрепляющая полномочия прокурора по надзору за предварительным расследованием будет способствовать оптимизации его надзорной деятельности, которая выступает в качестве основного средства нейтрализации противодействия расследованию. Роль прокурора в данном случае нам видится наиболее значимой, поскольку именно им принимается окончательное решение по делу на основе анализа имеющихся доказательств, делается вывод об их достаточности для направления уголовного дела в суд либо об обоснованности приостановления предварительного расследования или о прекращении уголовного дела.

Детальное исследование явления противодействия расследованию преступлений является только преддверием самого главного момента в данном процессе: – разработки адекватных, своевременных и современных способов, средств и методов преодоления такового противодействия.

Анализ следственной и судебной практики однозначно констатирует тот факт, что средства и методы преодоления противодействия

расследованию преступлений должны быть реализованы в организационных началах, процессуальных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях.

Рекомендации по преодолению противодействия расследованию преступлений привел впервые А.Р. Ратинов в монографии «Теории рефлексных игр в приложении к следственной практике» [7, с. 188–197], где указал:

- создание затруднений для правильной оценки заинтересованными лицами подлинных целей следователя;
- формирование у заинтересованных лиц ошибочного представления об осведомленности следователя относительно целей, которых они добиваются;
- формирование целей, попытка достижения которых поставит заинтересованных лиц в проигрышное положение;
- формирование у заинтересованных лиц намерения воспользоваться противозаконными средствами и др.

Средства и методы преодоления противодействия расследованию преступлений в основном реализуются при производстве следственных действий и в сопровождении оперативных мероприятий.

В рамках следственных действий могут быть процессуальные меры, тактические приемы и операции (комбинации), а также, технико-криминалистические средства, разработанные учеными и практиками на базе теоретических основ криминалистической науки.

Среди оперативных мероприятий могут быть оперативно-розыскные меры: получение информации о намерениях определенных лиц противодействовать расследованию, выявление оказания давления на лиц, осуществляющих расследование, выявление коррупционных связей, документирование фактов противодействия через аудиовидеосъемку и др.

Наиболее распространенными мерами преодоления противодействия расследованию преступлений являются целенаправленные оперативно-розыскные действия, а также, с учетом сложившейся следственной ситуации, повторные допросы, очные ставки, обыски, выемки, предъявления для опознания и назначение судебных экспертиз.

Если исходить из того, что деятельность по противодействию расследованию можно классифицировать на простую, сложную и квалифицированную, то деятельность по преодолению противодействия можно определить также. Такая классификация дает возможность определить программы преодоления сопротивления на различных уровнях борьбы с преступностью.

Существующие в следственной практике и разработанные криминалистикой и теорией

оперативно-разыскной деятельности средства и методы преодоления противодействия расследованию можно разделить на две группы:

- 1) средства и методы преодоления попыток сокрытия преступлений;
- 2) средства и методы преодоления иных форм противодействия.

Анализ следственной практики указывает на наиболее эффективные меры преодоления противодействия расследованию преступлений, среди которых можно назвать:

- реализацию мер процессуального принуждения, убеждение заинтересованных в противодействии лиц в бесполезности таких попыток;
- предупреждение заинтересованных в противодействии лиц об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, разъяснение лицу последствий лжесвидетельствования и отказа давать показания;
- разоблачение субъектов противодействия производства с реализацией факторов внезапности следственных действий;
- мотивированный отказ в удовлетворении заявления лица, заинтересованного в противодействии;
- ограничение контактов с соучастниками, потерпевшими, свидетелями;
- побуждение к раскаянию и признанию вины и сотрудничеству со следствием, дезинформация противодействующей стороны об имеющейся доказательственной информации и др.

Самыми распространенными методами преодоления противодействия следователем являются:

- метод убеждения с использованием положительных качеств личности;
- метод внушения через управление следователем поведением лица;
- метод изобличения через логическое воздействие следователем на лицо и др.

Проведенные нами исследования позволили прийти к выводу о том, что в организационном аспекте непосредственные субъекты преодоления противодействия расследованию преступлений можно классифицировать по следующим правовым положениям.

На уровне следователя (органа дознания) нам представляется необходимым:

- а) уголовно-процессуальное реагирование на все факты противоправного вмешательства в предварительное расследование;
- б) расследование сложных уголовных дел, по которым имеется информация о попытках противодействия, приступать после ознакомления со всеми фактами такого противодействия и

получения консультаций по мерам нейтрализации таких попыток;

в) в ходе расследования реализовать существующие в следственной практике и разработанные криминалистикой средства и методы преодоления (нейтрализации) противодействия, которые способствуют прежде всего преодолению попыток сокрытия следов преступления, а затем преодолению иных форм противодействия;

г) добросовестное раскрытие и расследование преступлений; целенаправленное и тщательное выяснение подробностей совершения преступления и установление лиц, причастных к этому событию, а также, лиц, заинтересованных в негативном результате расследования этого дела;

д) хранение «важных» вещественных доказательств отдельно от уголовного дела и в охраняемых специализированных хранилищах;

е) неразглашение полученной информации о деталях совершенного преступления и его участниках среди коллег, сослуживцев и родственников, а особо в тех случаях, когда они интересуются теми или иными подробностями;

ж) с целью сохранения следственной тайны заменить понятых техническими средствами фиксации (Федеральный закон от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ);

з) подбор наиболее эффективных тактических приемов производства следственных действий:

- предъявление доказательств, нейтрализующих ложные показания;
- внезапная демонстрация прямых и косвенных доказательств;
- допущение легенды о наличии и объеме у следователя доказательств;
- способствование актуализации забытых обстоятельств дела: постановка уточняющих и детализирующих вопросов и др.;

и) установление всех попыток «давления» на потерпевшего или свидетелей и быстрое реагирование на эти факты, если имели место;

к) предупреждение или пресечение изменений правдивых показаний на ложные или отказов давать правдивые показания;

л) использование при производстве следственных действий специальных знаний и современных средств фиксации хода и результатов процессуальных действий следователя;

м) информирование руководителей следственных подразделений о таких фактах и т.д. [3].

На уровне руководителей следственных подразделений и органов дознания видится необходимым:

- а) поручать расследование сложных уголовных дел, по которым имеется информация о попытках

противодействия расследованию, более опытным следователям или группе следователей с разъяснением мер по нейтрализации таких попыток, привлечению к расследованию следователей (сотрудников) других аналогичных отделов, подразделений;

б) содержание в тайне от всех лиц (кроме участников мероприятия) о времени, месте и существовании будущей тактической операции или комбинации по розыску, манипулированию следователями (оперативными работниками), участвующими в расследовании уголовного дела, задержании подозреваемого или осуществлении иного мероприятия;

в) организацию задержания, доставления и содержания подозреваемых при таких условиях, чтобы исключить контакт между ним и «выход» информации об их задержании за пределы органа внутренних дел;

г) установление всех попыток давления на следователя со стороны различных лиц и быстрое реагирование на эти факты вплоть до взятия расследования под свой контроль;

д) существенное подкрепление дополнительными силами и техническими средствами следователей;

е) информирование вышестоящих руководителей и надзирающего прокурора о таких фактах (если противодействие не с их стороны);

ж) нейтрализацию действий высокопоставленных лиц, пытающихся противоправно (негативно) вмешаться в ход расследования;

з) устранение, лишение реальных властных полномочий лиц, ранее скомпрометировавших себя в таких ситуациях;

и) отстранение следователя, заподозренного в бездействии или неформальных связях с окружением преступника;

к) инициирование проведения служебного расследования в отношении лиц, заподозренных в содействии противодействию расследованию преступлений;

л) организацию выступлений и публикаций в СМИ объективной информации о ходе расследования для изменения в сторону позитива общественного мнения [3].

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2011 года № 174-ФЗ (ред. от 20.04.2020) // Российская газета. 2001. 22 декабря. № 249.
2. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэконо-

На уровне законодательных органов, как представляется, необходимо разработать и принять нормативные акты или внести изменения в действующее законодательство:

а) об определении юридической ответственности лиц, умышленно вмешивающихся в ход расследования и пытающихся его изменить в пользу обвиняемого либо создать условия для уклонения виновного от правосудия;

б) о защите подозреваемых, свидетелей и потерпевших, дающих важную и криминалистически значимую для расследования информацию [3].

На уровне научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений:

а) разработка мер по нейтрализации противодействия и обучение этими приемами следователей и дознавателей;

б) разработка законопроектов по усилению ответственности лиц, реализующих способы противодействия;

в) разработка законопроектов по защите участников уголовного судопроизводства от деятельности по противодействию и т.д. [3].

На основании вышеизложенного очевидно, что в рассматриваемых случаях роль прокурора является наиболее значимой, так как именно им принимается окончательное решение по делу на основе анализа имеющихся доказательств, делается вывод об их достаточности для направления уголовного дела в суд либо об обоснованности приостановления предварительного расследования, либо о прекращении уголовного дела.

Более четкая и ясная конструкция норм уголовно-процессуального законодательства, закрепляющая полномочия прокурора по надзору за предварительным расследованием будет способствовать оптимизации его надзорной деятельности, которая выступает в качестве основного средства нейтрализации противодействия расследованию.

Наличие на данный момент многочисленных фактов противодействия расследованию преступлений, существующие на данную проблематику различные взгляды и подходы, ставят перед научным сообществом вопрос о необходимости разработки криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию преступлений как целостной системы теоретических положений и практических рекомендаций, а также программ их реализации.

Literature:

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ of December 18, 2011 (as amended on 04/20/2020) // Rossiyskaya gazeta. 2001. December 22. № 249.
2. Order of the Prosecutor General's Office of Russia № 39, the Ministry of Internal Affairs of Russia № 1070, the Ministry of Emergency Situations of

мразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» (ред. от 15.10.2019) // Российская газета. 2006. 25 января. № 13.

3. *Веренич И.В.* Теоретические основы преодоления и нейтрализации противодействия расследованию преступлений : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 256 с.

4. *Веренич И.В.* Приемы и способы получения криминалистически значимой информации о противодействии расследованию преступлений / И.В. Веренич // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации. Материалы научно-практической конференции. 2019. С. 25.

5. *Веренич И.В.* Криминалистическая теория механизма преступления: монография / И.В. Веренич, А.М. Кустов, В.М. Прошин. М. : Юрлитинформ, 2014. 640 с.

6. *Гаврилов Б.Я.* О некоторых проблемах повышения роли прокурора в уголовном судопроизводстве: видение ученого и практика / Б.Я. Гаврилов // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 9.

7. *Гаврилов О.А.* Правовая кибернетика / О.А. Гаврилов, В.И. Иванов, В.Н. Кудрявцев; Отв. ред. Л.Г. Эдзубов. М., 1970. 335 с.

8. *Гармаев Ю.П.* Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве, средства предупреждения и нейтрализации. 7-е издание : монография. М. : «ТилКом», 2019. 492 с.

9. *Ищенко В.А.* Противодействие предварительному расследованию в местах лишения свободы и направления его нейтрализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 176 с.

10. *Каправлов Д.А.* Надзор прокурора за исполнением законов органами следствия на стадии возбуждения уголовного дела / Д.А. Каправлов, А.А. Тарасов // E-Scio. 2019. № 6(33). С. 735.

11. *Карагодин В.Н.* Основы криминалистического учения и преодоления противодействия расследованию : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 388 с.

12. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г., Корухов, Е.Р. Россинская. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012. 990 с.

13. *Кустов А.М.* Противодействие расследованию: понятие, содержание, виды / А.М. Кустов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6(11). С. 309.

14. *Лысенко В.В.* О понятии противодействия расследованию преступлений / В.В. Лысенко // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33). С. 116.

Russia № 1021, the Ministry of Justice of Russia № 253, the FSB of Russia № 780, the Ministry of Economic Development of Russia № 353, the Federal Drug Control Service of Russia № 399 dated 29.12.2005 «On unified accounting of crimes» (ed. dated 15.10.2019) // Rossiyskaya gazeta. 2006. January 25. № 13.

3. *Verenich I.V.* Theoretical foundations of overcoming and neutralizing counteraction to the investigation of crimes : monograph. M. : Yurлитinform, 2018. 256 p.

4. *Verenich I.V.* Techniques and methods of obtaining criminalistically significant information on countering the investigation of crimes / I.V. Verenich // Problems of obtaining and using evidentiary and criminalistically significant information. Materials of the scientific and practical conference. 2019. P. 25.

5. *Verenich I.V.* Criminalistic theory of the mechanism of crime : monograph / I.V. Verenich, A.M. Kustov, V.M. Proshin. M. : Yurлитinform, 2014. 640 p.

6. *Gavrilov B.Ya.* On some problems of increasing the role of the prosecutor in criminal proceedings: the scientist's vision and practice / B.Ya. Gavrilov // Bulletin of Economic Security. 2019. № 1. P. 9.

7. *Gavrilov O.A.* Legal Cybernetics / O.A. Gavrilov, V.I. Ivanov, V.N. Kudryavtsev; Editor-in-chief L.G. Edzhubov. M., 1970. 335 p.

8. *Garmaev Yu.P.* Illegal activity of lawyers in criminal proceedings, means of prevention and neutralization. 7th edition : monograph. M. : «Tilkom», 2019. 492 p.

9. *Ishchenko V.A.* Counteraction to preliminary investigation in places of deprivation of liberty and directions of its neutralization : dis. ... candidate of law sciences. M., 2007. 176 p.

10. *Kappravlov D.A.* Supervision of the prosecutor over the execution of laws by investigative bodies at the stage of initiation of a criminal case / D.A. Kappravlov, A.A. Tarasov // E-Scio. 2019. № 6(33). P. 735.

11. *Karagodin V.N.* Fundamentals of criminalistic teaching and overcoming counteraction to investigation : dis. ... candidate of law sciences. Yekaterinburg, 1992. 388 p.

12. Criminalistics : textbook / T.V. Averyanova, R.S. Belkin, Yu.G., Korukhov, E.R. Rossinskaya. 3rd ed., reprint. and additional M., 2012. 990 p.

13. *Kustov A.M.* Counteraction to investigation: concept, content, types / A.M. Kustov // Library of criminalist. Scientific journal. 2013. № 6(11). P. 309.

14. *Lysenko V.V.* On the concept of countering the investigation of crimes / V.V. Lysenko // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1(33). P. 116.

15. Обзор Следственного департамента МВД России «О фактах нарушения законности, допускаемых органами предварительного следствия в стадии возбуждения уголовного дела». М., 2019. С. 65.

16. Семенов В.В. Противодействие расследованию: виды, способы, этапы / В.В. Семенов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4(28). С. 281.

17. Тишутина И.В. О развитии криминалистической теории преодоления противодействия расследованию преступлений / И.В. Тишутина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. № 2-1. С. 52.

18. Якубина Ю.П. Полномочия прокурора при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия на стадии возбуждения уголовного дела / Ю.П. Якубина // Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства. Сборник статей. Материалы регионального круглого стола и всероссийской заочной научно-практической конференции. 2017. С. 311.

15. Review of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia «On the facts of violations of the rule of law allowed by the preliminary investigation bodies at the stage of initiating a criminal case». М., 2019. P. 65.

16. Semenov V.V. Counteraction to the investigation: types, methods, stages / V.V. Semenov // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 4(28). P. 281.

17. Tishutina I.V. On the development of the criminalistic theory of overcoming counteraction to the investigation of crimes / I.V. Tishutina // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2010. № 2-1. P. 52.

18. Yakubina Yu.P. The powers of the prosecutor in the supervision of the procedural activities of the preliminary investigation bodies at the stage of initiation of a criminal case / Yu.P. Yakubina // Trends in the reform of the judicial system, the current criminal, criminal procedural and civil procedural legislation. Collection of articles. Materials of the regional round table and the All-Russian correspondence scientific and practical conference. 2017. P. 311.

Галиакбаров Ромэн Рахиммулович

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры уголовного права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
cshulga@rambler.ru

Шульга Андрей Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой уголовного права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
cshulga@rambler.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Аннотация. Вопросы квалификация преступлений, совершенных в соучастии, остаются особо актуальными на сегодняшний день, несмотря на то, что данным проблемам уделялось и уделяется очень пристальное внимание. По мнению авторов публикации, соучастие в уголовном праве до настоящего времени является вопросом, не потерявшим своей актуальности. Установление объективных и субъективных признаков соучастия продолжает вызывать трудности и порождает коллизии. То же относится и к классификации форм соучастия. В связи с этим, авторами предпринята попытка дополнительного анализа вышеуказанных признаков соучастия и форм соучастия.

Ключевые слова: уголовное право, соучастие, объективные и субъективные признаки соучастия, формы соучастия, виды соучастия.

Вопросы квалификация преступлений, совершенных в соучастии, остаются особо актуальными на сегодняшний день, несмотря на то, что данным проблемам уделялось и уделяется очень пристальное внимание [2, с. 247].

Исходя их определения, предусмотренного в законе (ст. 32 УК РФ), под соучастием понимается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [1]. Исходя из законодательного определения соучастия, исследователи выделяют ряд его объективных (внешних) и субъективных (внутренних) характеристик. К объективному признаку соучастия необходимо отнести, в первую очередь, такой количественный признак, как участие в совершении преступления двух либо более лиц. Понятие «лицо в соучастии» законом не раскрывается, но на практике под таковым признают субъектов

Romain R. Galiakbarov

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department of Criminal Law,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
cshulga@rambler.ru

Andrey V. Shulga

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
cshulga@rambler.ru

**CURRENT ISSUES OF COMPLICITY
IN CRIMINAL LAW**

Annotation. The issues of qualification of crimes committed in complicity remain particularly relevant today, despite the fact that these problems have been and are being given very close attention. Complicity in criminal law is still an issue that has not lost its relevance. The establishment of objective and subjective signs of complicity continues to cause difficulties and generates collisions. The same applies to the classification of forms of complicity. In this regard, an attempt has been made to further analyze the above-mentioned signs of complicity and forms of complicity.

Keywords: criminal law, complicity, objective and subjective signs of complicity, forms of complicity, types of complicity.

преступления (вменяемых и достигших возраста уголовной ответственности).

К объективным признакам соучастия относят также совместность указанных лиц в совершенных преступлениях. Совместность характеризуется тем, что деяния двух или более лиц составляют общее, единое для соучастников преступление (одно и то же). То есть, при совершении единого преступления происходит объединение усилий соучастников и при этом достигается единый преступный результат в рамках определённого состава преступления. Признаки объективной стороны преступлений, выполненных в соучастии, характеризуется тем, что опасные деяния соучастников взаимно обусловлены. В результате преступного поведения нескольких лиц наступают одни и те же преступные последствия (единый преступный результат), и этот

преступный результат находится в причинной связи с вышеуказанными действиями соучастников.

Субъективные признаки соучастия также усложнены, что обусловлено совершением преступления несколькими лицами. При совершении преступления в соучастии сознание и воля каждого их соучастников охватывает не только его личные деяния, но и преступную деятельность иных соучастников, охватывает совместность деяний и, наступающий именно от совместных действий, единый преступный результат. Поэтому в соответствии со ст. 32 УК РФ, в деяниях соучастников с субъективной стороны всегда имеет место умышленная форма вины. Именно поэтому в соучастии невозможно совершить преступление по неосторожности, так как в соучастии проявляется единая воля субъектов, единое целенаправленное желание совершить преступление и достичь преступного результата. Если несколько лиц участвуют в совершении неосторожного преступления, то соучастия в уголовно-правовом смысле в таких деяниях нет. Исходя из этого, субъективным признаком соучастия необходимо считать присутствие умысла у каждого из соучастников по отношению к совершаемому совместно преступлению.

Помимо названного, субъективным признаком соучастия считается также наличие взаимной осведомленности о совершаемом совместно преступном деянии. Через сознание каждого соучастника (интеллектуальный момент умысла) проходит понимание того, что он не один, а совместно с другими лицами совершает одно и то же противоправное деяние заведомо сообщая. В различных формах соучастия такая осведомленность проявляется по-разному. В сложном соучастии, когда организатор, пособник либо подстрекатель своими действиями непосредственно не реализовывали объективной стороны состава преступления, необходимо, чтобы они были осведомлены об исполнителе и том преступлении, которое он совершает, а исполнитель, в свою очередь, должен осознавать, что действует в соучастии и в каждом действии соучастников, образующем единый состав преступления.

Если речь вести о групповом преступлении, когда в реализации объективной стороны состава участвуют несколько исполнителей (соисполнителей), то взаимная осведомленность каждого соисполнителей заключается в осознании того факта, что преступление совершается ими заведомо сообщая.

Между исполнителем и другими соучастниками должна иметь место двусторонняя субъективная связь. То есть, исполнитель должен осознавать, что общественная опасность присутствует не только в его деянии, но и в деяниях других соучастников, когда совершается единое преступление. Также, исполнитель должен предвидеть, что общественно опасные последствия наступят не только в связи с его собственными действиями, но и в связи с деяниями всех других соучастников (в этом состоит интеллектуальный момент умысла при соучастии). Волевой момент умысла

при соучастии заключается в том, что исполнитель желает достижения общественно опасного результата от своих деяний и деяний иных соучастников совершаемого совместно преступлением. Организатор, пособник и подстрекатель, находясь на другой стороне от исполнительских действий, также осведомлены о деянии исполнителя и желают достижения преступного результата не только от своих деяний, но и от деяний других исполнителей.

При этом в такой двусторонней субъективной связи должен обязательно присутствовать исполнитель преступления. Другими словами, установление двусторонней субъективной связи исключительно между подстрекателем, организатором и пособником не обязательно.

Соучастие необходимо подразделять на формы по единому (сквозному) классификатору. Им является характер участия соучастников в преступлении. По этому критерию исследователи выделяют сложное соучастие, соисполнительство, преступную группу, преступное сообщество.

Сами формы соучастия могут внутри разделяться на отдельные виды. Такое подразделение может указывать на повышение или понижение степени опасности той или иной формы соучастия. К примеру, группа лиц как форма соучастия может подразделяться на виды – группа лиц по предварительному сговору, без предварительного сговора и организованную группу.

Сложным следует признавать соучастие, когда организатор, пособник и подстрекатель не выполняют объективную сторону преступления своими непосредственными действиями, а лишь создают условия для благоприятного выполнения преступных действий исполнителем (соисполнителями).

При соисполнительстве объективная сторона преступления полностью либо частично выполняется несколькими лицами (соисполнителями). То есть, соисполнительство не отражено ни в качестве основного, ни в качестве квалифицирующего признака в статьях особенной части УК РФ. К примеру, убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, совершенное несколькими лицами, не закрепляется в ст. 108 УК РФ и учитывается только как отягчающее обстоятельство (ст. 63 УК РФ).

Если соисполнительство предусмотрено в качестве признака основного либо квалифицированного (особо квалифицированного) состава преступления, то речь необходимо вести о такой форме соучастия, как групповое преступление. Наряду с основными признаками, присущими соучастию вообще, групповое преступление обладает рядом специфических качественных характеристик:

- 1) в совершении преступления участвуют все субъекты, объединяя свои усилия;
- 2) каждый исполнитель группового преступления осознает, что в совершении преступления

участвуют и другие соисполнители, что их действия направлены на совершение этого же преступления и преступный результат наступит от совместных усилий всех соисполнителей;

3) участники группы действуют согласованно, взаимно осведомлены о совместном совершении преступления.

Этому может способствовать сговор либо предварительный сговор на совершение преступного деяния [3, с. 176].

Исходя из вышеперечисленных признаков, под групповым следует признавать такое преступление, каждый участник которого умышленно, согласованно с другими соисполнителями, совместно, частично либо в полном объеме выполняет единое для участников преступление.

Помимо всех вышеназванных признаков группового преступления, организованной группе свойственен такой главный признак, как устойчивость. Устойчивость прямо не определяется законодательством, кроме как признаком ранее состоявшегося объединения соучастников (ч. 3 ст. 35 УК РФ), поэтому является оценочным признаком. Но среди прочих показателей устойчивости организованной группы судебная практика называет такие, как:

- длительное ее существование (хотя срок такого существования тоже, сам по себе, является оценочным);
- распределение ролей, которое известно всем соучастникам;
- прочность связей между такими соучастниками;

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 24 мая 1996 г. // Собрание законодательства. 1996 г. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовное право : в 2 т. Т. 2: Особенная часть : учебник / Р.З. Абдулгазиев, Е.А. Антонян, П.В. Волосюк, Т.Г. Жукова, О.К. Зателепин, Л.В. Иногамова-Хегай, Н.А. Лопашенко, И.Л. Мармута, А.Ю. Морозов, Н.И. Пикуров, Ю.В. Сапронов, А.Ю. Сичкарченко, А.А. Толкаченко, М.И. Третьяк, А.В. Шульга, Б.В. Яцеленко. М., 2017. Сер. 58 Бачалавр. Академический курс (5-е изд., пер. и доп).
3. *Галиакбаров Р.Р.* Понятие и признаки группового преступления в уголовном праве / Р.Р. Галиакбаров; Отв. за выпуск А.Г. Коцаев // В книге: Научно-технологическое обеспечение агропромышленного комплекса России: проблемы и решения. Сборник тезисов по материалам III Национальной конференции. 2019.

– тщательную проработку планов совершения одного либо ряда преступлений.

В соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ, к наиболее опасной форме соучастия относится преступное сообщество (преступная организация). Среди основных признаков преступной организации, помимо вышеназванных, необходимо отметить совершение ее участниками тяжких или особо тяжких преступлений, сплочённость, а также – объединение нескольких организованных групп в составе преступного сообщества. Среди этих признаков оценочным является сплоченность. Под сплоченностью можно понимать наиболее выраженную форму устойчивости, которая может проявляться:

- в четкой иерархии, существовании своеобразных органов управления;
- в соподчиненности членов преступной организации, в жесткой дисциплине и ответственности внутри сообщества;
- в существовании преступных подразделений, специализирующихся на определенном виде преступной деятельности;
- в разветвленной сети таких подразделений на обширной территории;
- в коррумпированных связях с представителями государственных органов и др.

При установлении общественной опасности соучастия, его форм, необходимо в каждом конкретном случае определять вышеназванные признаки в целях осуществления квалификации преступлений.

Literature:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of May 24, 1996 // Collection of legislation. 1996. № 25. Art. 2954.
2. Criminal law : in 2 vol. Vol. 2: Special part : textbook / R.Z. Abdulgaziev, E.A. Antonyan, P.V. Volosyuk, T.G. Zhukova, O.K. Zatelepin, L.V. Inogamova-Khegai, N.A. Lopashenko, I.L. Marmut, A.Yu. Morozov, N.I. Pikurov, Yu.V. Sapronov, A.Yu. Sichkarenko, A.A. Tolkachenko, M.I. Tretyak, A.V. Shulga, B.V. Yatselenko. M., 2017. Ser. 58 Bachelor. Academic course (5th ed., transl. and Add.).
3. *Galiakbarov R.R.* The concept and signs of a group crime in criminal law. In the book: Scientific and technological support of the agro-industrial complex of Russia: problems and solutions. Collection of abstracts based on the materials of the III National Conference. Rel. for the release of A.G. Koshchaev. 2019.

Емельянец Алексей Эдуардович
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Крымский филиал
Российского государственного
университета правосудия
79787437072@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ КАК ГАРАНТИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Осуществление законодательной власти, в том числе, и региональной, является одним из ключевых правовых институтов от своевременной и качественной работы которого будет зависеть качество и принимаемых законов и отдельных их положений. В данной статье оценивается влияние профессионального уровня депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъектов Российской Федерации на эффективность законодательного процесса. Анализируется и отмечается опыт нормативного регулирования в различных субъектах Российской Федерации в сфере повышения профессионального уровня депутатов, даются рекомендации по усовершенствованию законодательства Республики Крым в рамках данного объекта исследования.

Ключевые слова: депутат Государственного Совета Республики Крым, законодательный процесс, законодательный (представительный) орган, субъекты Российской Федерации, нормативное регулирование, Республика Крым.

В ежегодных Посланиях Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию отмечается необходимость повышения эффективности органов государственной власти и должностных лиц всех уровней. Президент Российской Федерации справедливо отмечает: «Чиновники должны быть заинтересованы в повышении своей эффективности и быть жёстко нацелены на получение конкретного результата. Именно в такой логике должна быть построена вся система государственной службы». Институт законодательной власти, в том числе, и региональной, является одним из ключевых правовых институтов от своевременной и качественной

¹ Исследование выполнено за счет гранта Государственного совета Республики Крым молодым ученым Республики Крым (проект «Усовершенствование механизма реализации права законодательной инициативы

Alexey E. Emeliantsev
Lecturer of the Department
of State and Legal Disciplines,
Crimean branch
of the Russian State University of Justice
79787437072@yandex.ru

PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF DEPUTIES OF THE STATE COUNCIL OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AS A GUARANTEE OF AN EFFECTIVE LEGISLATIVE PROCESS

Annotation. The exercise of legislative power, including regional, is one of the key legal institutions on the timely and high-quality work of which the quality of the adopted laws and their individual provisions will depend. This article evaluates the impact of the professional level of deputies of the legislative (representative) body of state power of the constituent entities of the Russian Federation on the effectiveness of the legislative process. The experience of regulatory regulation in various constituent entities of the Russian Federation in the field of improving the professional level of deputies is analyzed and noted, recommendations are given for improving the legislation of the Republic of Crimea within the framework of this research object.

Keywords: deputy of the State Council of the Republic of Crimea, legislative process, legislative (representative) body, subjects of the Russian Federation, regulatory regulation, Republic of Crimea.

работы которого будет зависеть качество и своевременность принимаемых законов и отдельных их положений [1, с. 182]¹.

В современных условиях социально-экономических испытаний для нашего государства и общества, вызванных распространением новой коронавирусной инфекции и принятием нормативно-правовых актов, устанавливающих режим повышенной готовности в Российской Федерации и в отдельных ее субъектах, включая Республику Крым, роль региональных органов государственной власти значительно повысилась. Высокий уровень социальной, правовой ответственности

представительных органов муниципальных образований Республики Крым в законодательном процессе Республики Крым»).

возлагает на депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации значительные требования к их уровню правовой культуры, квалификации, и даже – отличных знаний юридической техники.

В этой связи, огромное место занимает повышение уровня знания депутатов, устранению некоторых пробелов в знаниях в различных отраслях, особенно данное условие важно для депутатов, осуществляющих депутатские полномочия на постоянной профессиональной основе.

Повышение квалификации депутатов, не вновь возникшая практика принятая и реализованная в некоторых региональных парламентах субъектов Российской Федерации, что полностью соответствует положениям, изложенным в Послании **Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию**. К примеру, в Астраханской области депутаты по согласованию с Председателем Думы Астраханской области имеют право на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации, включая обучение новым профессиям и специальностям, по очно-заочной (вечерней) или заочной форме обучения за счет средств бюджета Астраханской области, предусмотренных на содержание Думы [2].

Анализируя особенности статуса депутата Государственного Совета Республики Крым, предусмотренных отдельным региональным законом, необходимо отметить, что законодательство Республики Крым не содержит подобной нормы, что, на наш взгляд, является упущением, так как отсутствие данной возможности противоречит целям таких федеральных и региональных программ, направленных на развитие Республики Крым, как федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 года № 790, Государственной программы Республики Крым «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденной постановлением Совета министров Республики Крым от 18 января 2017 года № 9 [1].

Повышение квалификации депутатов позволит в значительной мере увеличить их законодательскую активность, более эффективно реализовывать предоставленные им федеральным и региональным законодательством права и обязанности, что, на наш взгляд, в значительной мере улучшит качество принимаемых законов и

Литература:

1. Нормотворческий процесс в Республике Крым и Севастополе : По материалам 2018 года / И.В. Бондарчук, О.В. Буткевич, А.В. Руденко [и др.]; Под ред. С.А. Трофимова, И.В. Бондарчука. Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью Издательство Типография «Ариал», 2019. 424 с.

решений, изложенных в них, что позволит снизить влияние факторов, вызывающих социальную нестабильность в таком важном регионе Российской Федерации, как Республика Крым.

Предвидя альтернативные взгляды на данную инициативу, выраженные в аргументах, связанных с первичной необходимостью повышения квалификации сотрудников Аппарата Государственного Совета Республики Крым, а также помощников депутатов Государственного Совета Республики Крым, следует отметить тот факт, что данные лица лишь содействуют реализации возложенных на депутатов прав и обязанностей и не имеют права законодательной инициативы. Из этого следует, что инициатива по созданию, дополнению, изменению либо отмене нормативных актов, либо отдельных норм закона должна исходить непосредственно от субъектов законодательной инициативы в лице депутатов регионального парламента [3].

Так, чем обоснованно, своевременно, и качественно будет реализована такая инициатива, изложенная в виде проекта закона, предложенная либо группой депутатов, либо отдельным депутатом регионального парламента – тем больше шансов, что данное положение качественно отразится на общественных отношениях, осуществляемых на региональном уровне, а в некоторых случаях и на федеральном уровне.

В соответствии с этим, считаем целесообразным дополнить отдельной нормой Закон Республики Крым «О статусе депутата Государственного Совета Республики Крым» подобного содержания [4]: «Статья (номер статьи): Право депутата Государственного Совета Республики Крым на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации.

Депутаты Государственного Совета Республики Крым имеют право на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации, включая обучение новым профессиям и специальностям, по очно-заочной (вечерней) или заочной форме обучения за счет средств бюджета Республики Крым, предусмотренного на содержание Государственного Совета Республики Крым. Решение о профессиональной подготовке, переподготовке и повышении квалификации депутата Государственного Совета Республики Крым принимается Председателем Государственного Совета Республики Крым в случае, если повышение образовательного уровня депутата необходимо для полного и всестороннего исполнения им своих депутатских полномочий».

Literature:

1. The legislative process in the Republic of Crimea and Sevastopol: Based on the materials of 2018 / I.V. Bondarchuk, O.V. Butkevich, A.V. Rudenko [et al.]; Ed. by S.A. Trofimov, I.V. Bondarchuk. Simferopol : Limited Liability Company Publishing House Printing House «Arial», 2019. 424 p.

2. Закон Астраханской области от 22 июля 2003 г. № 35/2003-ОЗ «О статусе депутата Думы Астраханской области» // Астраханские известия от 21 августа 2003 г. № 34(657)

3. Правовой статус Республики Крым и города Севастополя: актуальные проблемы правового регулирования и реализации : монография / Н.Ф. Авдеева, И.А. Алешкова, М.С. Алябышев [и др.]; Под общ. научн. ред. И.А. Умновой (Конюховой), Н.А. Фроловой. Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. 224 с.

4. Закон Республики Крым от 10 сентября 2014 г. № 64-ЗРК «О статусе депутата Государственного Совета Республики Крым» (с изменениями и дополнениями) // Крымские известия от 11 сентября 2014 г. № 183.

2. The Law of the Astrakhan region of July 22, 2003 № 35/2003-OZ «On the status of a deputy of the Duma of the Astrakhan region» // Astrakhan News of August 21, 2003. № 34(657)

3. The legal status of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol: actual problems of legal regulation and implementation : monograph / N.F. Avdeeva, I.A. Aleshkova, M.S. Alyabyshev [et al.]; Under the general scientific ed. of I.A. Umnova (Konyukhova), N.A. Frolova. Simferopol : limited liability company Publishing house Printing house «Arial», 2018. 224 p.

4. The law of the Republic of Crimea on September 10, 2014 № 64-ZRK «On the status of deputies of the State Council of the Republic of Crimea» (with changes and additions) // the Crimean news from 11 September 2014. № 183.

Зеленский Владимир Дмитриевич

Заслуженный юрист
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор
Kgau-uf@mail.ru

Vladimir D. Zelensky

Honored Lawyer
of the Russian Federation
Doctor of Law,
Professor
Kgau-uf@mail.ru

Корчагин Александр Юрьевич

Заслуженный юрист Кубани,
доктор юридических наук,
профессор
Kgau-uf@mail.ru

Alexander Yu. Korchagin

Honored Lawyer of the Kuban,
Doctor of Law,
Professor
Kgau-uf@mail.ru

**О ПОНЯТИИ И СТРУКТУРЕ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

**ON THE CONCEPT AND STRUCTURE
OF THE FORENSIC METHODOLOGY
OF JUDICIAL PROCEEDINGS**

Аннотация. Методика любой социальной деятельности – это система способов практической реализации этой деятельности с целью её оптимизации. Применительно к уголовному судопроизводству, методика представляет собой систему теоретических положений и научно-практических рекомендаций по реализации требований уголовного процесса, криминалистики и иных юридических наук с целью законного и обоснованного достижения целей судопроизводства. В статье рассматриваются теоретические вопросы понятия криминалистической методики судебного разбирательства уголовных дел. Авторами исследуются основные структурные элементы методики в их взаимосвязи. Показаны основные направления методики на оптимизацию судебного процесса.

Annotation. The methodology of any social activity is a system of ways to practically implement this activity in order to optimize it. With regard to criminal proceedings, the methodology is a system of theoretical provisions and scientific and practical recommendations for the implementation of the requirements of criminal procedure, criminology and other legal sciences in order to lawfully and reasonably achieve the goals of legal proceedings. The article deals with the theoretical issues of the concept of criminalistic methods of criminal proceedings. The main structural elements of the methodology in their interrelation are investigated. The main directions of the methodology for optimizing the judicial process are shown.

Ключевые слова: криминалистическая методика, судебное разбирательство, организация судебного процесса, судебные следствия.

Keywords: criminalistic methodology, judicial proceedings, organization of the trial, judicial investigations.

Методика любой социальной деятельности – это система способов практической реализации этой деятельности с целью её оптимизации. Применительно к уголовному судопроизводству, методика представляет собой систему теоретических положений и научно-практических рекомендаций по реализации требований уголовного процесса, криминалистики и иных юридических наук с целью законного и обоснованного достижения целей судопроизводства. В данной системе наиболее полно разработана методика расследования преступлений или криминалистическая методика.

батывает всю стратегию деятельности по расследованию преступлений [1, с. 141].

Основы методики расследования разрабатывались известными российскими криминалистами И.Н. Якимовым, С.А. Голунским, Б.Н. Шавером и другими. Значительный вклад в учение о криминалистической методике внесли А.Н. Васильев, И.А. Возгрин, Р.С. Белкин, В.Г. Танасевич, А.Н. Колесниченко, В.Е. Корноухов, В.К. Гавло, А.Ф. Лубин, А.М. Кустов, Н.П. Яблоков и другие российские ученые.

Криминалистическая методика – это часть науки криминалистики, основным содержанием которой являются научно-практические рекомендации по расследованию преступлений. Верно мнение о том, что криминалистическая методика разра-

Существует несколько определений криминалистической методики. В них отмечается целевое назначение методики, основное содержание данной криминалистической теории. Мы полагаем, что удачным является определение, данное С.А., Куемжиевой: криминалистическая

методика – это система теоретических положений о содержательной стороне расследования и основанных на этих положениях научно-практических рекомендаций по рациональному и эффективному расследованию [2, с. 19]. Данное определение основано на положениях работ Р.С. Белкина, в которых обоснованно выделялись такие элементы, как теоретические положения и их реализация в содержании научно-практических рекомендаций по расследованию [3, с. 166–172].

Методика расследования отдельных видов преступлений структурно содержит элементы, обеспечивающие теоретическое исследование и выработку практических рекомендаций по реализации расследования как деятельности от возбуждения уголовного дела до достижения конечной цели расследования. Значение учения о криминалистической методике расследования велико, что мы уже отмечали. Но все это – о расследовании. Возникает вопрос: Каково содержание этого учения применительно к судебному разбирательству уголовных дел?

Судебное разбирательство является основной частью уголовного судопроизводства, наряду с досудебным следствием. Как известно, это разные, но взаимосвязанные виды социальной деятельности. Безусловно, что положения криминалистики распространяются на многие элементы судебного разбирательства. Такого взгляда придерживается и большинство практиков. Изучение практики, произведенные одним из авторов настоящей статьи, показывает, что мнение о необходимости использования криминалистических знаний в суде придерживались 91 % опрошенных прокуроров, 81,4 % адвокатов, 61,2 % судей – судов Краснодарского и Ставропольского краев (данные 2009 г.) [4, с. 66–67].

Один из авторов данного исследования на основе своего многолетнего опыта работы адвокатом, судьей, председателем городского суда, заместителем председателя и председателем краевого суда сделал вывод о том, что наиболее квалифицированные прокуроры, адвокаты и судьи – это те специалисты, которые знают уголовный процесс и криминалистику и используют эти знания в практической деятельности.

Для рассмотрения вопроса о методике судебного разбирательства и ее связи с криминалистической методикой необходимо использовать сведения о структуре последней. При наличии незначительных расхождений у криминалистов существует взгляд на структуру методики как исследование:

- криминалистической характеристики преступления, обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу;
- следственных версий;
- организации первоначального этапа расследования;
- типичных следственных связей по уголовному делу;

- особенности производства следственных действий;

- особенности использования специальных знаний в расследовании и др.

Применительно к судебному разбирательству уголовных дел, очевидны:

- потребность в использовании положений криминалистики, исследование организации судебного разбирательства, конкретизация предмета расследования судебного разбирательства, изучение судебной ситуации начального этапа разбирательства;

- особенности тактики судебного допроса, установление обстоятельств преступления и доказывание виновности подсудимого и др.

Система теоретических положений и научно-практических рекомендаций обусловлена необходимостью криминалистического обеспечения указанных элементов судебного разбирательства. В совокупности своих составных частей указанная система является частью криминалистической методики. Эта часть (можно назвать ее криминалистическая методика судебного разбирательства уголовного дела) состоит, в свою очередь, из двух частей: общей и частной методики.

В научных основах методики исследуется криминалистическое обеспечение основных элементов судебного разбирательства уголовных дел. Разрабатываются теоретические основы понятия, предмета, задачи методики; содержание судебных ситуаций; типичные способы противодействия установлению истины и методы их преодоления, а также принципы методики судебного разбирательства.

В общей части методики изучается процесс организации судебного разбирательства.

Частная методика судебного разбирательства состоит из научно-практических рекомендаций по оптимальной организации и проведении судебного заседания, прежде всего, судебного следствия как основного раздела разбирательства по установлению обстоятельств предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ).

В настоящей работе, ввиду ее краткости, мы попытаемся изложить отдельные существенные элементы методики судебного разбирательства: конкретизацию предмета судебного разбирательства, методы оптимизации исследования материалов уголовного дела.

Конкретизация предмета судебного разбирательства является важным структурным элементом предстоящего судебного следствия. Этот процесс начинается с изучения судьей материалов уголовного дела и осознания степени полноты досудебного следствия, выявления недостатков и упущений расследования и их предварительной оценки. Затем, с учетом доводов защиты, противопоставленных материалам расследования, конкретизируется предмет судебного разбирательства.

В процессе подготовки судья может строить судебные версии о событии преступления в целом, его отдельных обстоятельствах и виновности подсудимого. Из версии выводятся логические следствия – факты, которые должны существовать при условии, что данная версия верна. Таким путем конкретизируются установленные и не установленные промежуточные факты и вся система обстоятельств, подлежащих исследованию в ходе судебного следствия.

С целеопределением сопряжено планирование судебного следствия. Р.С. Белкин разделял этап планирования судебного следствия на две части: до судебного исследования и в ходе судебного следствия [5, с. 386–387]. Полагаем, можно согласиться с таким выводом с уточнением, что основная часть планирования осуществляется до начала судебного заседания. К этому моменту должен быть конкретизирован предмет судебного разбирательства, составлен план судебного следствия и отдельных судебных действий, прежде всего, допросов подсудимого, потерпевшего, свидетелей – очевидцев.

В специальной части методики должна разрабатываться (она фактически разрабатывается) система судебных действий и последовательность их производства при рассмотрении различных видов преступлений, с учетом содержания типовых судебных ситуаций. Конкретизируются и особенности тактики производства судебных действий.

Криминалистическая методика разрабатывает содержание оценки гособвинителем, судьей материалов досудебного следствия и прогнозирования содержания судебного следствия. Необходимо прогнозировать поведение участников процесса (типичные варианты поведения разра-

Литература:

1. Яблоков Н.П. Криминалистика: природа и система / Н.П. Яблоков, А.Ю. Головин. М., 2005.
2. Куемжиева С.А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. М. 2018.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы от теории к практике. М., 1988.
4. Корчагин А.Ю. Основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел. М., 2009.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 2.

ботаны); возможные изменения объема и содержания доказательств; возможные результаты судебных действий.

Отметим еще один важный элемент криминалистической методики: разработку научно-практических рекомендаций по обоснованию промежуточных и окончательного решения суда по уголовному делу. Указанные рекомендации носят не только криминалистический характер, но и организационный, уголовно-процессуальной, методической.

Итак, основные элементы частной методики судебного разбирательства:

- конкретизация предмета судебного разбирательства;
- организация судебного следствия;
- использование судебных ситуаций;
- разработка системы судебных действий по определенным категориям уголовных дел;
- особенности тактики судебных допросов и других действий;
- исследование специальных знаний в суде по отдельным категориям уголовных дел;
- рекомендации по методике подготовки промежуточного и окончательного решения по уголовному делу.

Криминалистическая методика судебного разбирательства способствует оптимизации его производства.

Literature:

1. Yablokov I.P. Forensic science: the nature of the system / I.P. Yablokov, A.Yu.Golovin. M., 2005.
2. Chemija S.A. Methods of investigation of crimes against the family and minors. M., 2018.
3. Belkin R.S. Criminalistics: problems, trends, prospects from theory to practice. M., 1988.
4. Korchagin A.Yu. Fundamentals of forensic support for criminal proceedings. M., 2009.
5. Belkin R.S. Criminalistics course. M., 1997. Vol. 2.

Зяблова Татьяна Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
tizet69@mail.ru

Комарова Яна Бахрузовна

старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Ya.Ireland@mail.ru

**Влияние перевода
КОДЕКСА НАПОЛЕОНА НА РАЗВИТИЕ
ПОЛЬСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ**



Аннотация. Кодекс Наполеона, признаваемый одним из наиболее значительных памятников права, высоко оценивается историко-правовой наукой. В статье характеризуется состояние польского языка права и юридической лексики до начала XVIII и раскрывается переломное значение перевода Кодекса Наполеона на польский язык для развития польской юридической лексики. Доказывается влияние перевода КН на процесс ее модернизации, полонизации и систематизации.

Ключевые слова: галлицизмы, Кодекс Наполеона, кодификация, перевод, правовая терминология, семантизация, юридическая лексика.



Кодекс Наполеона (далее – КН), признаваемый одним из наиболее значительных памятников права, высоко оценивается историко-правовой наукой в нескольких аспектах, в том числе, во многом благодаря его языку, который польские исследователи характеризуют как лаконичный, простой и понятный, лишенный казуистики, но, вместе с тем, и не отягощенный излишне абстрактными и затеоретизированными конструкциями. Элегантность его формулировок давала ему возможность в будущем подвергаться творческой судебной интерпретации и находить применение вплоть до настоящего времени. Будучи рецепирированным в 1808 г., в Польше КН в части обязательств действовал до 1933 г., в отношении других правовых институтов с некоторыми изменениями до 1946 г., а ст. 713 действует и сейчас, поскольку согласно решению Верховного Суда Польши от 27 июня 2013 г., она может

Tatiana E. Zyablova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Theory
and the history of the State and Law,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
tizet69@mail.ru

Yana B. Komarova

Senior Lecturer of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia
Ya.Ireland@mail.ru

**THE INFLUENCE OF THE TRANSLATION
OF THE NAPOLEON CODE
ON THE DEVELOPMENT
OF POLISH LEGAL LEXICON**



Annotation. The Napoleonic Code, recognized as one of the most significant monuments of law, is highly appreciated by historical and legal science. The article characterizes the state of the Polish language of law and legal vocabulary before the beginning of the 18th century and reveals the crucial significance of the translation of the Napoleon Code into Polish for the development of the Polish legal vocabulary. The influence of the translation of the CN on the process of its modernization, polonization and systematization is proved.

Keywords: gallicisms, Napoleon's Code, codification, translation, legal terminology, semantisation, legal vocabulary.



служить самостоятельным основанием для внесения записи в Поземельную книгу недвижимости в пользу Казны [4].

Необходимость обращения к КН как к источнику и памятнику права для интерпретации ряда исторических событий и фактов, генезиса правовых институтов, проведения исследований в области теории государства и права, сравнительного правоведения, гражданского права и др. делает актуальным обращение к языку кодекса, в том числе, к польской юридической лексике, которая, с одной стороны, позволила выразить содержание норм написанного по-французски кодекса, а, с другой, – подверглась под его влиянием серьезным изменениям.

Л. Илюк отмечает, что использование КН повлияло не только на развитие правовой культуры

заимствовавших его стран, в целом, но, в частности, и на развитие правовой терминологии. Несмотря на ее частичное изменение в более позднее время, нормативные правовые акты, издаваемые на основе КН, идеально подходят для проведения сравнительных исследований в рамках перевода [2, с. 49].

Различные аспекты проблемы перевода и юридической лексики КН в Польше не обделены научным вниманием; в той или иной степени, они отражены в работах польских юристов и историков, что не умаляет актуальности их разработки, поскольку целый ряд вопросов еще остается нерешенным. Кроме того, мы считаем также важным и ознакомление с достижениями польской науки по заявленной проблеме представителей российской научной общественности, что и определяет цель настоящей статьи.

КН был принят в Княжестве Варшавском на языке оригинала. Декретом от 10.10.1809 г. устанавливалось, что «французский оригинал является законом до той поры, пока аутентичный перевод на польский язык не будет оглашен как официальный».

Незнание французского большей частью населения, включая юристов, требовало его перевода на польский. Министр юстиции Ф. Лубеньский поручил сделать это Ф.К. Шанявскому, ставшему, таким образом, первым переводчиком кодекса. Этот перевод с незначительными изменениями был переиздан 6 раз (ежегодно с 1808 по 1811 г., а затем в 1813 и 1829 гг.). Другой перевод был сделан М.К. Богушем. Впоследствии ни один из переводов не стал официальным, поэтому в качестве такового до 1947 г. действовал франкоязычный оригинал, перевод же был использован как «*informationis causa*».

Трудности перевода КН состояли как в решении общих для этого вида деятельности, так и частных проблем. В качестве общей проблемы необходимо было преодолеть старинную дилемму: сделать выбор в пользу точности перевода, хотя бы от этого страдали его доступность и общепонятность, или – удобочитаемости в ущерб буквальности [3, с. 8].

В качестве частной проблемы И.С. Перетерский, переводчик КН на русский язык, упоминает своеобразные черты французских понятий, использование терминов (например, «*titre*», «означающий «делку», «правооснование», «основание какого-либо соглашения», «документ», «письменное доказательство», «качество лица»), отсутствующих в языке перевода и поэтому требующих описательного или приблизительного перевода [3, с. 69].

Наряду с названными в ходе работы над КН. ясно обозначились и специфические польские проблемы теоретического и практического характера, а именно: отсутствие в доктрине общепринятого представления о юридическом термине, его значении, содержании, сущности и,

соответственно, – дефиниции, и возможность использования прежней правовой лексики для обозначения новых институтов и понятий.

Переводчики КН хорошо понимали свою задачу приближения польской правовой терминологии к уровню французской, но, в отличие от современных законодателей, они не имели в своем распоряжении соответствующей современным требованиям терминологии и приемов редактирования текстов.

Для того, чтобы понять и оценить значение работы Ф.К. Шанявского и М.К. Богуша, следует иметь в виду, что в период до введения КН польские правовые термины не соответствовали требованиям, предъявляемым к ним в юридической науке. Они не имели семантической определенности, т.е., строгой установленности значения термина его понятийному содержанию, не отличались точностью и однозначностью, изобиловали синонимичностью.

В отличие от французского, польский юридический язык того времени не знал корректных дефиниций, а также - различий между значением слова в его общеупотребительном значении и как юридического термина, что заставило Ф.К. Шанявского снабдить перевод ссылками, объясняющими значение некоторых из них. В ряде случаев, с целью уточнения понимания используемого в тексте КН термина, переводчик также давал в сносках его латинский эквивалент и даже другие возможные эквиваленты перевода на польский язык [6, с. 63].

Язык права начала XIX в. характеризовался архаичностью. Уровень его развития был значительно ниже уровня развития французского языка. Ф. К. Шанявский диагностировал состояние польской правовой терминологии до принятия французского права следующим образом: «В польском языке до настоящего времени не было обширной научно систематизированной юриспруденции, что затрудняло выражение на родном языке предписаний Кодекса. В прежнем польском праве было много латыни, и для одного понятия использовались разные слова без определения их точного значения. В связи с этим, неудивительно, что, как отмечал автор, «Кодекс Наполеона многим полякам был непонятен. Он представлялся им чем-то вроде формул алгебры, химии и медицины, написанных по-польски» [6, с. 60–62].

Необходимость перевода на польский язык французских терминов вызвала размышления о значении слов, поскольку от этого зависела интерпретация правовой нормы и, в последующем, правовая квалификация деяния и решение суда. Поэтому Ф.К. Шанявский размышлял о том, например, каково содержание понятий *excès, sèvices i injures graves*, обозначавших основания для развода, обращаясь за разъяснениями к комментариям законодателей.

Работа над переводом КН обратила внимание переводчиков также на явление юридической

семантизации. Так, юридическими терминами стали слова «familia» и «biegły». Первое в качестве общеупотребительного означавшее «род», «общность всех домочадцев» сузило свое значение в языке права, получив значение «союза кровных родственников». Слово «biegły», с XVI в. обозначавшее «лицо, обладающее совершенными знаниями в отношении чего-либо», согласно дефиниции сформулированной Ф.К. Шанявским, стало значить «лицо, уполномоченное судом для выражения в судебном заседании мнения о чем-либо» [6, 62–63].

По мнению Э. Возняк и М. Висмонт, заслугой переводчиков КН является редукция числа синонимов, являющаяся показателем более высокого уровня правовой культуры. Более того, Ф.К. Шанявский и М.К. Богуш старались использовать для одного и того же понятия один и тот же термин во всех статьях кодекса [6, с. 64].

Модернизация юридической терминологии в процессе перевода КН на польский язык имела и собственно семантический аспект, нашедший отражение во введении и сохранении ранее использовавшихся терминов в новом значении, что, по мнению Э. Возняк и М. Висмонт, особенно наглядно свидетельствует о глубоком преобразовании юридической лексики со времени принятия КН. Особенно наглядно это видно на примере термина «prokurator». Средневековый прокурор – это непрофессиональный защитник, как правило, приятель, родственник, подвластное лицо или господин, а со времен введения КН – лицо,

Литература:

1. Ягуш Д. Из истории французской модели прокуратуры на польских землях / Д. Ягуш // Прокуратура и право. 2014. № 4. Р. 140–148.
2. Илук Т. Гражданский кодекс Луизианы как средство установления и проверки терминологических эквивалентов для трансляционных и лексикографических целей / Т. Илук // Сравнительная легилингвистика. 2016. № 25. Р. 41–59.
3. Перетерский И.С. Предисловие. Французский гражданский кодекс 1804 г. с позднейшими изменениями до 1939 г. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. С. 3–15.
4. Подписание Закона III CZP 29/13, постановление от 27 июня 2013 г. URL : docs.yandex.ru (дата обращения 22.10.2021).
5. Висмонт М. Дзевастнастовейские основы Кодекса традиций Польши в польской правовой терминологии / М. Висмонт, Э. Возняк // Труды по лингвистике. 2020. XXII / 4. Р. 253–263.
6. Висмонт М. Роль Наполеоновского кодекса в систематизации польской правовой терминологии / М. Висмонт, Э. Возняк // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica. 2020. № 54. Р. 59–69.

профессионально выполняющее в судебном процессе функцию представителя обвинения [6, с. 63; 1, с. 140].

Обобщая деятельность польских переводчиков КН, можно сделать вывод о том, что сам факт работы по переводу КН на польский язык стал значимым фактором влияния КН на правовую жизнь Польши. Э. Возняк и Р. Зарембский указали на три области, в которых значение КН было наиболее значительным. Это – правовая терминология, административно-канцелярские жанры и стиль изложения правовых текстов. Но особенно значительным было его влияние на польскую правовую терминологию, проявившееся в стремлении исключения латинизмов, уклонения от галлицизмов, и создания структурных калек с французского, опирающихся на родную основу. Была проведена систематизация правовых терминов, выстроены категориально-понятийные ряды. В текст КН в ряде случаев при переводе были включены дефиниции [6, с. 59–69].

Вместе с тем, переводчиками была сохранена и часть терминов, использовавшихся в польском юридическом языке с XVI в., т.е., наряду с изменениями переломного характера, произошедшими после введения КН, в языке права сохраняются и преемственность [5, с. 253–263].

Все вышеизложенное подтверждает вывод польских лингвистов о том, что именно с перевода КН и начинается современная польская правовая терминология.

Literature:

1. Jagusz D. From the history of the French model of the prosecutor's office on Polish lands / D. Jagusz // Prosecutor's office and law. 2014. № 4. Р. 140–148.
2. Iluk T. Louisiana Civil Code as a means of establishing and verifying terminological equivalents for translational and lexicographic purposes/ T. Iluk // Comparative Legilinguistics. 2016. № 25. Р. 41–59.
3. Peretersky I.S. Preface. The French Civil Code of 1804 with later amendments until 1939. M. : Legal Publishing House of the NKYU of the USSR, 1941. P. 3–15.
4. Signature Act III CZP 29/13, resolution of 27 June 2013. URL : docs.yandex.ru (date of application 22.10.2021).
5. Wismont M. Dzewastnastowski foundations of the Polish Code of Traditions in Polish legal terminology / M. Wismont, E. Wozniak // Works on linguistics. 2020. XXII / 4. P. 253–263.
6. Wismont M. The role of the Napoleonic Code in systematizing Polish legal terminology / M. Wismont, E. Wozniak // Acta universitatis lodzensis. Folia Linguistica. 2020. № 54. Р. 59–69.

Изосимов Вадим Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Нижегородский филиал
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета
Российской Федерации
VEKiz@yandex.ru

Гущев Максим Евгеньевич

кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии,
Нижегородский филиал
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета
Российской Федерации
VEKiz@yandex.ru

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В СТАТЬЮ 289 УК РФ В СООТВЕТСТВИИ
С УКАЗОМ ПРЕЗИДЕНТА РФ
«О НАЦИОНАЛЬНОМ ПЛАНЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
НА 2021–2024 ГОДЫ»**



Аннотация. В настоящей статье автором рассматриваются недостатки технико-юридического характера состава преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ. В работе предлагается включить в состав преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ новый квалифицирующий признак. При аргументации своей позиции автор проводит анализ современного уголовного законодательства, обращается к положениям Федерального закона от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Указу Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы». В заключении автором предлагается новая редакция ст. 289 УК РФ.

Ключевые слова: коррупция, незаконное участие в предпринимательской деятельности, проблемы квалификация, квалифицирующий признак.



В настоящее время, укоренившаяся в России коррупция, представляет собой угрозу национальной безопасности нашей страны. Типичным видом ее проявления является незаконное участие должностных лиц в предпринимательской деятельности. Рассматриваемое деяние, помимо

Vadim S. Izosimov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Nizhny Novgorod branch
St. Petersburg Academy
the Investigative Committee
Russian Federation
VEKiz@yandex.ru

Maxim E. Gushchev

Candidate of Legal Sciences,
Head of Department
Criminal Law and Criminology,
Nizhny Novgorod branch
St. Petersburg Academy
The Investigative Committee
Russian Federation
VEKiz@yandex.ru

**ON AMENDMENTS TO ARTICLE 289
OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN ACCORDANCE WITH
THE DECREE OF THE PRESIDENT
OF THE RUSSIAN FEDERATION
«ON THE NATIONAL ANTI-CORRUPTION
PLAN FOR 2021–2024»**



Annotation. In this article, the author examines the shortcomings of the technical and legal nature of the corpus delicti provided for in Article 289 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper proposes to include a new qualifying feature in the composition of the crime under Article 289 of the Criminal Code of the Russian Federation. In arguing his position, the author analyzes modern criminal legislation, refers to the provisions of Federal Law № 273-FZ of December 25, 2008 «On Combating Corruption» and Decree of the President of the Russian Federation № 478 of August 16, 2021 «On the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024». In conclusion, the author proposes a new version of Article 289 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: corruption, illegal participation in entrepreneurial activity, problems of qualification, qualifying attribute.



того что является достаточно распространенным, имеет высокую степень общественной опасности, еще несет в себе и угрозу для политической системы государства и его национальной экономики. Вместе с тем, отметим, что правоприменитель сталкивается с рядом трудностей,



возникающих при квалификации подобных преступных деяний, которые обусловлены, недостатками технико-юридического характера состава преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ. Остановим свое внимание на рассмотрении некоторых из них.

Говоря о субъекте рассматриваемого преступного деяния, необходимо отметить, что им может быть только должностное лицо. Учитывая данное обстоятельство, особого внимания со стороны правоохранительных органов заслуживают лица, которые занимают государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, либо являются главами органов местного самоуправления. Указанным лицам «запрещается заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц» [3], однако, часто именно они являются субъектом преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ.

Разумеется, именно данная категория лиц по своему должностному положению обладает широким спектром полномочий и наиболее влиятельна по сравнению с иными должностными лицами, что, несомненно, повышает характер и степень общественной опасности преступных деяний, совершаемых ими. Указанное обстоятельство позволило законодателю в ряде должностных преступлений (ст. 285, 286, 287, 290 УК РФ) выделить соответствующий квалифицирующий признак. Однако по непонятным причинам в составе незаконного участия в предпринимательской деятельности такой квалифицирующий признак отсутствует.

На указанный недостаток конструирования рассматриваемой уголовно-правовой нормы обратил внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин в Указе от 16 августа 2021 года № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы». Так, в пункте 18 пятого раздела Национального плана Министерству юстиции Российской Федерации дано поручение совместно с СК России, МВД РФ и ФСБ РФ подготовить предложения о внесении в ст. 289 УК РФ изменений, касающихся включения в указанный состав преступления квалифицирующего признака незаконного участия в предпринимательской деятельности лица, занимающего государственную должность Российской Федерации, государственную должность субъекта Российской Федерации, или главы органа местного самоуправления [2].

Мы полагаем, что необходимость устранения указанного недостатка весьма закономерна и обоснована. Включение данного квалифицирующего признака в состав преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, на наш взгляд, позволит правоприменителю наиболее точно квалифици-

ровать подобное преступное деяние и назначать за него справедливое наказание. Кроме того, наличие этого квалифицирующего признака в рассматриваемой норме будет способствовать дифференциации преступлений, отличающихся различной степенью общественной опасности, а также позволит унифицировать родственные нормы, предусматривающие ответственность за должностные злоупотребления. Таким образом, реализация поручения Президента Российской Федерации, в этой части, будет наиболее полно соответствовать задачам антикоррупционной политики, проводимой в стране. С учетом вышеизложенного, мы считаем целесообразным предложить следующую редакцию рассматриваемой нормы:

Статья 289. Незаконное участие в предпринимательской деятельности

«1. Учреждение должностным лицом организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, либо участие в управлении такой организацией лично или через доверенное лицо вопреки запрету, установленному законом, если эти деяния связаны с предоставлением такой организации льгот и преимуществ или с покровительством в иной форме, – наказывается... (преступление небольшой тяжести).

2. Учреждение лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, либо участие в управлении такой организацией лично или через доверенное лицо вопреки запрету, установленному законом, если эти деяния связаны с предоставлением такой организации льгот и преимуществ или с покровительством в иной форме, – наказывается... (преступление средней тяжести)» [1, с. 140].

В заключение хотелось бы отметить, что для усовершенствования рассматриваемой нормы законодателю необходимо рассмотреть вопрос о включении в нее и других, квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков рассматриваемого общественно опасного деяния, если оно совершено:

- с причинением крупного (особо крупного) ущерба;
- с извлечением крупного (особо крупного) дохода;
- группой лиц по предварительному сговору;
- организованной группой.

Литература:

1. *Изосимов В.С.* Незаконное участие в предпринимательской деятельности: уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Изосимов Вадим Сергеевич. М., 2014. 268 с.

Literature:

1. *Izosimov V.S.* Illegal participation in entrepreneurial activity: criminal law and criminological research : dis. ... cand. law sciences: 12.00.08 / Izosimov Vadim Sergeevich. M., 2014. 268 p.

2. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 23 августа 2021 г. № 34. Ст. 6170.

3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 52 (часть I). Ст. 6228.

2. Decree of the President of the Russian Federation № 478 dated August 16, 2021 «On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024» // Legislative Meeting of the Russian Federation dated August 23, 2021. № 34. Art. 6170.

3. Federal Law № 273-FZ of December 25, 2008 «On Combating Corruption» // Legislative Meeting of the Russian Federation № 52 of 29 December 2008 (part I). Art. 6228.

Капитан Михаил Юрьевич
начальник отдела
управления экономической безопасности
и противодействия коррупции,
Министерство внутренних дел
по Республике Крым
Milena.555@mail.ru

СУЩНОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД (ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОКЬЮРЕМЕНТА)

Аннотация. В статье проанализировано содержание непосредственного и дополнительных объектов преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (государственного прокьюремента). На основе характеристики объекта преступления в исследуемой сфере сделаны выводы о том, что спектр общественных отношений, которые наполняют содержание объекта преступлений в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд многогранен, он включает в себе разнообразные общественные отношения, находящиеся под охраной действующего законодательства, к ним относятся общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья, авторитет органов государственной и муниципальной власти, транспарентную конкуренцию между хозяйствующими субъектами, экономические интересы государства и общества.

Ключевые слова: объект преступления, общественные отношения, преступление, сфера государственных закупок товаров.

Современное демократическое и социальное государство, каковым является Российская Федерация, выступает не только регулятором общественных отношений в экономической сфере, но и активным участником экономических отношений, так как реализация культурных, образовательных, демографических, охранительных и иных функций которых обеспечивает государство, невозможно без привлечения сил хозяйствующих субъектов. Указанное обстоятельство является основным, которое отличает государство с рыночной экономикой от государств с административно-хозяйственной системой

Mikhail Yu. Captain
Head of Department
Economic Security Management
and Combating Corruption,
Ministry of the Interior
in the Republic of Crimea
Milena.555@mail.ru

THE ESSENCE OF THE CONTENT OF THE OBJECT OF CRIMES IN THE PROCUREMENT OF GOODS, SERVICES TO MEET STATE OR MUNICIPAL NEEDS (STATE PROCUREMENT)

Annotation. The article analyzes the content of direct and additional objects of crimes that infringe on public relations in the field of public procurement of goods and services to meet state or municipal needs (state procurement). Based on the characteristics of the object of the crime in the investigated area, it was concluded that the spectrum of public relations that fill the content of the object of crimes in the field of public procurement of goods, services to meet state or municipal needs is multifaceted, it includes a variety of social relations that are under the protection of the current legislation, these include public relations that ensure the protection of life and health, the authority of state and municipal authorities, transparent competition between business entities, the economic interests of the state and society.

Keywords: object of crime, public relations, crime, the sphere of public procurement of goods.

управления экономикой. При осуществлении государственных закупок (государственного или муниципального прокьюремента) государство выступает покупателем. Так, согласно авторитетному мнению авторов доклада, подготовленного Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», «Регламентированные закупки в России: как повысить стимулирующую роль расходов бюджетов и регулируемых компаний», «Регламентированные закупки – госзаказ, закупки компаний с госучастием, регулируемых компаний, автономных учреждений, ГУПов и МУПов, – объем которых достигает почти 1/5

объёма ВВП России, – сегодня становятся главным драйвером расходов, поддерживающими экономическую активность» [1], также, справочно отметим, что согласно аналитического отчёта по результатам осуществления мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее Федеральный закон № 44-ФЗ) по итогам I квартала 2021 года заказчиками размещено 138 тыс. планов-графиков, содержащих 1,99 млн позиций общим объёмом 6,2 трлн рублей [2]. Вместе с тем, по данным Счётной палаты Российской Федерации, в 2017 году в бюджетной сфере выявлено 6455 нарушений на сумму [3] у 1 трлн 865,6 млрд рублей, в 2018 году нарушений 9235 на сумму 772,7 млрд рублей, 2019 году 4443 нарушения на сумму 884,6 млрд рублей.

Многомиллиардные затраты государства на приобретение товаров и услуг, масштабные объёмы государственных заказов делают сферу госзакупок криминогенно привлекательной. С целью минимизации криминализации общественных отношений в сфере государственных закупок, государство в лице законодателя разработало и приняло ряд законодательных актов, основными задачами которых являются регулирование и охрана общественных отношений в указанной сфере.

Охрана общественных отношений в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд обеспечивается нормами административно-делiktного права и уголовного права.

Статьи УК РФ образуют систему норм обеспечивающих охрану общественных отношений в исследуемой сфере. Отметим, что некоторые из указанных статей являются универсальными (общими) и обеспечивают охрану более широкого круга общественных отношений, к ним относятся ст. 201.1, ст. 204–204.2, ст. 285–285.2 ст. 285.4, ст. 290–291.2 УК РФ, специальными уголовно-правовыми нормами в исследуемой сфере являются только преступления, предусмотренные ст. 200.4. «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» УК РФ, ст. 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок» УК РФ и ст. 200.6 «Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» УК РФ, указанный тезис нами будет раскрыт позже при характеристике объективных и субъективных признаков преступлений в исследуемой сфере.

Общественная опасность преступлений в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, как нам представляется, обусловлена двумя взаимодополняющими факторами. Одним из таких факторов является то обстоятельство,

что оплата государственных закупок для обеспечения государственных нужд осуществляется за счёт бюджетных средств либо внебюджетных целевых фондов, которые, как известно в наибольшей степени формируются за счёт налогов, сборов и иных обязательных платежей, основными плательщиками которых являются физические и юридические лица – резиденты Российской Федерации либо от реализации природных ресурсов России, иными словами нарушения в сфере государственных закупок опосредованно причиняют вред каждому налогоплательщику, бюджетной системе государства. Другим фактором, который также свидетельствует об общественной опасности преступлений в указанной сфере, является то, что потребителями некачественных товаров и услуг, приобретённых государством для реализации своих функций, выступают все те же резиденты Российской Федерации. Кроме того, по качеству предоставляемых Россией услуг формируется мнение мирового сообщества о благосостоянии граждан в нашем государстве. Следует также отметить, что преступления в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд причиняют существенный вред авторитету органов публичной власти. Как отмечается в исследованиях: «Авторитет органов публичной власти является абстрактным понятием, которое не имеет материального выражения. Совершая какое-либо должностное преступление, либо преступление с использованием служебного положения, должностное лицо органа публичной власти, посягая на конкретные общественные отношения – деятельность органов публичной власти, определённый порядок управления, наносит ущерб и абстрактным ценностям (ценности признаются нами составной частью общественных отношений) – авторитету этих органов, который сформирован в сознании населения (неограниченного круга лиц). Авторитет органов публичной власти выступает как составная и неотъемлемая часть объекта, совершенного должностным лицом органа публичной власти преступления. Факт совершения должностного преступления либо преступления с использованием служебного положения должностным лицом органа публичной власти создаёт в сознании гражданина (потерпевшего, обывателя) образ, который даёт основание отождествлять преступное поведение должностного лица органа публичной власти со всем аппаратом государственного управления, а также считать, что публичная власть в государстве не способна обеспечивать выполнение взятых на себя обязательств, которые нашли своё закрепление в Конституции РФ и в других нормативных правовых актах» [4, с. 47], подрыв авторитета органов публичной власти влечёт системные разрушительные последствия, подрывающие доверие к власти и общественным институтам, выражающиеся в нарушении равноправия в доступе к получению государственных (муниципальных) услуг [5, с. 185]. Как нам представляется, приведённый тезис может быть распространён и на специальные преступления в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд в силу того, что отграничение субъектов универсальных (общих) преступлений от субъектов специальных преступ-

лений в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд иногда вызывают затруднения среди сотрудников правоохранительных органов, не говоря уже об обывательском представлении правового статуса лица, которое находится в трудовых или профессиональных с органом публичной власти.

Также, в современной уголовно-правовой литературе отмечается, что в сфере исполнения обязательств сторонами государственного или муниципального контракта существуют уголовно-правовые риски. К такого рода рискам относятся: «риски контроля, цели и ненадлежащего предпринимательства, возникающим на этапе исполнения обязательств поставщиком (подрядчиком, исполнителем) и на этапе исполнения обязательств заказчиком. Риски контроля возникают на этапе исполнения обязательств со стороны поставщика (подрядчика, исполнителя) при фактическом отсутствии исполнения с его стороны и соотносимы при наличии иных конститутивных признаков с составами злоупотребления должными полномочиями, халатности и мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Риски цели, приводящие к совершению нецелевого расходования бюджетных средств или средств государственных внебюджетных фондов, возникают на этапе исполнения обязательств заказчиком по оплате в ситуациях фактического исполнения несуществующих обязательств из контракта или непредусмотренного контрактом авансирования. Свойственные для всей сферы исполнения контрактов риски ненадлежащего предпринимательства наиболее часто имеют место в условиях осуществления предпринимательской деятельности в сфере публичного прокьюрмента без регистрации и (или) без лицензии» [6].

Уголовно-правовая характеристика преступлений осуществляется посредством детального рассмотрения элементов состава преступления; именно установление содержания элементов состава преступлений даёт основание для отграничения одного состава преступления от другого.

Размещение уголовно-правовой нормы (группы уголовно-правовых норм) в Особой части УК РФ представляет исследователю возможность определения родового, видового и группового объекта преступления и соответственно даёт возможность для отграничения смежных составов преступлений, которые размещены в разных Разделах и Главах УК РФ.

В отечественной теории уголовного права нет единства мнений относительно характеристики понятия «объект преступления» и, соответственно, его классификации как по вертикали, так и по горизонтали.

Что касается содержания понятия «объект преступления» современные исследователи указывают на то, что: «В современной науке, во многом под воздействием научных работ А.В. Наумова, наблюдается пересмотр устоявшихся схем и концепций объекта преступления. Ряд специалистов все более активно начинает отстаивать теорию

интереса (блага) при характеристике объекта преступления. И в этой связи, именно между ней и теорией общественных отношений сегодня предполагается основной спектр мнений по рассматриваемому вопросу. По нашему убеждению, между данными теориями нет принципиальных противоречий, а имеющаяся дискуссия, в большей степени, имеет политизированный оттенок, отражает стремление представителей теории интереса (блага) дистанцироваться от советской школы уголовного права и использовать в своих рассуждениях «нейтральное» понятие интереса или блага вместо «имеющего ложный идеологический заряд» понятия «общественные отношения». В действительности же категория общественных отношений объективна и не имеет политической или идеологической окраски» [7, с. 44], также отметим, что «современный учёный стоит не столько перед задачей обоснования новой оригинальной концепции объекта, сколько перед необходимостью выбора приемлемой для себя теории, той, которая позволит ему оптимально решать целостный комплекс задач уголовно-правового регулирования. Здесь принципиально важно, что выбор теории объекта (как, впрочем, и любой иной методологической платформы) обуславливает необходимость соблюдения её концептуальных требований и недопустимость произвольного манипулирования теми или иными понятиями и теоретическими построениями» [8, с. 119–120].

С целью избежать теоретических дискуссий относительно содержания объекта преступления, согласимся с одним из наиболее лапидарных определений объекта преступления, под которым понимается то, чему причиняется вред преступлением, это могут быть общественные отношения, блага, ценности, интересы.

Ранее нами отмечалось, что систему специальных преступлений в сфере госзакупок образуют преступления, предусмотренные ст. 200.4–200.6 УК РФ. Указанные преступления законодатель разместил в Главе 22 УК РФ (Преступления в сфере экономической деятельности), что даёт нам основание утверждать, что видовым объектом данных преступлений выступают общественные отношения в сфере экономической деятельности. Размещая указанные преступления в Главе 22 УК РФ, законодатель подтверждает сделанный нами ранее вывод о том, что в результате совершения преступлений в сфере государственных закупок, причиняется вред экономическим интересам государства как участника гражданско-правовых отношений, который вступает в отношения со контрагентами с целью реализации своих функций.

Именно авторитет органа публичной власти, о котором мы упоминали ранее, выступает в качестве одного из дополнительных объектов преступлений, предусмотренных ст. 200.4 УК РФ и ст. 200.5 УК РФ, и обуславливает их взаимосвязь с преступлениями, предусмотренными Главой 30 УК РФ. Относительно взаимосвязи со ст. 200.6 УК РФ следует отметить, что авторитет органа публичной власти в данном преступлении может выступать в качестве дополнительного объекта

преступления только при условии, что заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд осуществляет государственный эксперт в сфере госзакупок.

Устанавливая непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ, следует обратить внимание на содержание диспозиции анализируемой статьи, исходя из чего, мы полагаем, что непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, которые обеспечивают реализацию норм действующего законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд работником контрактной службы, хотя в литературе встречается и иная точка зрения: «Объектом преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ, являются общественные отношения в сфере функционирования контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [9].

Характеризуя непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 200.5 УК РФ, следует исходить из того, что данная норма содержит два самостоятельных состава, которые предусмотрены ч. 1 ст. 200.5 УК РФ (незаконная передача предметов преступлений, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 200.5 УК РФ) и ч. 4 ст. 200.5 УК РФ (незаконное получение предметов преступлений, указанных в диспозиции ч. 4 ст. 200.5 УК РФ). Мы полагаем, что объекты указанных преступлений являются общими, а именно - общественные отношения в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Вместе с тем, справедливо отметить, что в теории уголовного права набирает популярность идея существования полиобъектных составов преступлений [10, с. 118–123].

Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 200.6 УК РФ, шире по сравнению

с иными объектами специальных преступлений в сфере публичного прокуратуры, так как преступлением, предусмотренным ст. 200.6 УК РФ, наряду с общественными отношениями в сфере государственных закупок вред причиняется авторитету экспертных организаций, привлекаемых для проведения экспертизы в сфере госзакупок.

Исходя из содержания ч. 2 и ч. 3 ст. 200.6 УК РФ, жизнь и здоровье человека являются дополнительным факультативным объектом указанного преступления.

Ещё одним дополнительным объектом преступлений, предусмотренных ст. 200.4 УК РФ, ч. 1 и ч. 4 ст. 200.5 УК РФ, а также ст. 200.6 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие честную и транспарентную конкуренцию хозяйствующих субъектов, которые планируют принять участие в реализации государственных закупок. К такому выводу мы приходим в силу того, что в случае нарушения положений действующего законодательства в сфере государственных закупок, а именно, Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 30.04.2021), к участию в конкурсе не допускаются иные хозяйствующие субъекты либо ограничиваются их конкурентные возможности, либо занимают менее выгодную позицию в рейтинге участников конкурса.

В качестве промежуточного вывода можно заключить следующие. Спектр общественных отношений, которые наполняют содержание объекта преступлений в сфере государственных закупок товаров, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд многогранен. Он включает в себя разнообразные общественные отношения, находящиеся под охраной действующего законодательства. К ним относятся общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья, авторитет органов государственной и муниципальной власти, транспарентную конкуренцию между хозяйствующими субъектами, экономические интересы государства и общества.

Литература:

1. Регламентированные закупки в России: как повысить стимулирующую роль расходов бюджетов и регулируемыми компаний. Доклад НИУ ВШЭ. URL : https://www.hse.ru/data/2020/04/27/1544983257/Регламентированные%20закупки%20v.1304_footnotes.pdf

2. Аналитический отчёт по результатам осуществления мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам I квартала 2021 года. URL : https://minfin.gov.ru/ru/performance/contracts/purchases/?id_38=133411-analiticheskii_otchet_po_rezultatam_osushchestvleniya_monitoringa_zakupok_tovarov_rabot_uslug_dlya_obespecheniya_gosudarstvennykh_i_munitsipalnykh_nuzh

Literature:

1. Regulated procurement in Russia: how to increase the stimulating role of spending by budgets and regulated companies. HSE report. URL : https://www.hse.ru/data/2020/04/27/1544983257/Regulated%20purchases%20v.1304_footnotes.pdf

2. Analytical report on the results of monitoring the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs in accordance with the Federal Law of 05.04.2013 № 44-FZ «On the contract system in the procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs» based on the results of the first quarter of 2021. URL : https://minfin.gov.ru/ru/performance/contracts/purchases/?id_38=133411-analiticheskii_otchet_po_rezultatam_osushchestvleniya_monitoringa_zakupok_tovarov_rabot_uslug_dishnitsy_pot_vleniya_monitoringa_zakupok_tovarov_rabot_uslug_duchenyes

3. Счетная палата в 2019 году выявила нарушения на 890 млрд рублей. URL : <https://www.interfax.ru/business/699672>
4. *Кашкаров А.А.* Авторитет органа публичной власти как системообразующий признак должностной преступности / А.А. Кашкаров // Общество и право. 2017. № 1(59). С. 46–49; С. 47.
5. *Трунцевский Ю.В.* Сокращение масштабов коррупции и взяточничества как цель устойчивого развития / Ю.В. Трунцевский // Глобальный диалог о целях устойчивого развития: правовое измерение. материалы Международной научно-практической конференции (к 75-летию образования ООН). М., 2020. С. 181–186; С. 182.
6. *Нечаев А.Д.* Уголовно-правовые риски в сфере исполнения обязательств сторонами государственного и муниципального контракта / А.Д. Нечаев, Е.В. Тищенко // Пространство экономики. 2013. № 3-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-riski-v-sfere-ispolneniya-obyazatelstv-storonami-gosudarstvennogo-i-munitsipalnogo-kontrakta> (дата обращения 30.05.2021).
7. *Пудовочкин Ю.Е.* Учение о составе преступления : учеб. пособие. М. : Юрлитинформ, 2009. С. 44.
8. *Пудовочкин Ю.Е.* Полиобъектные составы преступлений / Ю.Е. Пудовочкин, А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 119–120.
9. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации : в 2-х т. Т. 2 / Коллектив авторов; Отв. ред. д.ю.н., проф. И.И. Кучеров, д.ю.н., проф. О.А. Зайцев, д.ю.н., доц. С.Л. Нудель. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М. : ООО «Юридическая фирма Контракт», 2020. 456 с. URL : <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F77252988%2Fparagraph%2F1994%2Fdoclist%2F6759%2Fshowentries%2F0%2Fhighlight%2F%3A7>
10. *Пудовочкин Ю.Е.* Полиобъектные составы преступлений / Ю.Е. Пудовочкин, А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 118–123.
3. The Accounts Chamber in 2019 revealed violations for 890 billion rubles. URL : <https://www.interfax.ru/business/699672>
4. *Kashkarov A.A.* The authority of the public authority as a system-forming sign of official crime / A.A. Kashkarov // Society and Law. 2017. № 1(59). P. 46-49; P. 47.
5. *Truntsevsky Yu.V.* Reducing Corruption and Bribery as a Sustainable Development Goal / Yu.V. Truntsevsky // Global Dialogue on Sustainable Development Goals: Legal Dimension. materials of the International Scientific and Practical Conference (to the 75th anniversary of the founding of the UN). M., 2020. P. 181–186; P. 182.
6. *Nechaev A.D.* Criminal and legal risks in the sphere of fulfillment of obligations by the parties to the state and municipal contract / A.D. Nechaev, E.V. Tishchenko // Space of the economy. 2013. № 3-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-riski-v-sfere-ispolneniya-obyazatelstv-storonami-gosudarstvennogo-i-munitsipalnogo-kontrakta> (date of application 30.05.2021).
7. *Pudovochkin Yu.E.* The doctrine of the composition of a crime : manual. M. : Jurlitinform, 2009. P. 44.
8. *Pudovochkin Yu.E.* Multi-object corpus delicti / Yu.E. Pudovochkin, A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 1. P. 119–120.
9. Scientific and practical commentary to chapter 22 «Crimes in the sphere of economic activity» of the Criminal Code of the Russian Federation : in 2 vol. Vol. 2. Team of authors; Executive editor doctor of Law, professor I.I. Kucherov, doctor of law, professor O.A. Zaitsev, doctor of law, associate professor S.L. Nudel. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M. : LLC «Legal firm Kontrakt», 2020. 456 p. // <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F77252988%2Fparagraph%2F1994%2Fdoclist%2F6759%2Fshowentries%2F0%2Fhighlight%2F%3A7>
10. *Pudovochkin Yu.E.* Polyobject corpus delicti / Yu.E. Pudovochkin, A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 1. P. 118–123.

Карavaев Александр Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел,
Воронежский институт МВД России
ferrari49@yandex.ru

Четверикова Александра Ивановна

преподаватель кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел,
Воронежский институт МВД России.
chetverykovs86@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В ПЕРИОД САМОИЗОЛЯЦИИ**

Аннотация. В статье проводится исследование общей и частной превенции субъектами данной государственной деятельности в период профилактических мероприятий COVID-19. Авторами проведен краткий анализ нормативной правовой основы, регламентирующий данные общественные отношения. Отмечены дискуссионные моменты нормативного правового регулирования в сфере получения доступа к обследованию семейно-бытовых условий и фактического состояния профилактируемого лица.

Ключевые слова: правовое воспитание, несовершеннолетний, правонарушение, профилактическая деятельность, профилактируемый, субъекты профилактики, получение информации, информационных банки данных.

Объективная эпидемиологическая ситуация, сложившаяся в обществе, продиктовала необходимость нахождения практически всех социальных страт на изоляции. Безусловность исполнения указанных ограничений не подвергается сомнению с позиции сохранения жизни и здоровья. Россия столкнулась с внешним эпидемиологическим вызовом, который, в широком понимании, угрожает практически каждому члену общества. Отдельная опасность коронавирусной инфекции заключается в возможных осложнениях для организма человека, уже после перенесенного заболевания. Все это предопределило масштабность и беспрецедентность мер, использованных руководством страны, с целью недопущения эпидемии, а также приведения ситуации к объективной норме. Одним из элементов

Alexander A. Karavaev

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Administrative Activities
of Internal Affairs Bodies,
Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
ferrari49@yandex.ru

Alexandra I. Chetverikova

Lecturer at the Department
of Administrative Activities
of Internal Affairs Bodies,
Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
chetverykovs86@mail.ru

**CURRENT PROBLEMS
OF IMPLEMENTATION OF PREVENTION
OF MINOR OFFENSES IN THE PERIOD
OF SELF-ISOLATION**

Annotation. The article examines general and private prevention by the subjects of this state activity during the period of preventive measures for COVID-19. A brief analysis of the regulatory legal framework governing these public relations is indicated. The controversial aspects of normative legal regulation in the field of gaining access to examination of family and living conditions and the actual state of the person being prevented are noted.

Keywords: legal education, juvenile, offense, preventive activity, prophylactic, subjects of prevention, obtaining information, information databanks.

ограничительного характера вводимого на период карантина, являлось дистанционное обучение в образовательных организациях, самоизоляция несовершеннолетних по месту проживания, удаленное осуществление трудовой и коммерческой деятельности, запреты различного формата на посещение мест общественного питания и т.д.

Вопросам практической реализации общей и частной превенции посветили свои работы такие известные ученые, как Л.И. Беляева, А.А. Беженцев, А.А. Бакаев, Ф.П. Васильев, И.М. Гальперин, А.А. Герцензон, Ю.Н. Демидов, Т.М. Занина, И.И. Карпец, В.В. Кирюхин, Н.Ф. Кузнецова, В.Н. Кудрявцев, А.С. Михлин, В.С. Овчинский, С.С. Остроумов, Э.Ф. Побегайло, Н.И. Остапенко и другие. При этом, отдельного монографи-

ческого исследования вопросов профилактической деятельности различных субъектов именно в период проведения самоизоляции в рамках борьбы с COVID-19, в настоящее время, не реализовано.

Актуально отметить, что подобная деятельность и до самоизоляции нуждалась в определенных правовых и организационно-технических доработках, о чем в своих трудах отмечали обозначенные ученые. Введение масштабной самоизоляции, по мнению авторов, привнесло конкретные изменения в профилактику, и оценивать подобные новеллы исключительно с положительной стороны нам представляется достаточно дискуссионным.

В широком понимании, систему субъектов профилактической деятельности можно классифицировать на три основные группы:

- 1) государственные органы (федеральные, региональные), в том числе, должностные лица, а также – подчиненные им службы, учреждения, организации;
- 2) юридические лица, принимающие участие в профилактической деятельности на основании и в порядке, предусмотренном действующим законодательством;
- 3) физические лица, чья компетенция и полномочия в сфере профилактической деятельности регламентированы нормативными правовыми актами.

Необходимо отметить, что в рамках одной научной статьи рассмотреть проблемные аспекты реализации профилактической деятельности в период проведения самоизоляции граждан, для всех задействованных государственных субъектов, не позволит объем проводимого исследования. Анализу будет подлежать деятельность государственных учреждений, на примере МВД России (а именно, инспекции по делам несовершеннолетних). Учитывая смежность задач, целей общей и частной превенции правонарушений, актуальность исследования сохранит свое значение для иных государственных органов, задействованных в данном сегменте общественных отношений (Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства, ФСИН России, органы управления здравоохранением и т.д.).

Авторский коллектив не будет подвергать анализу деятельность юридических и физических лиц (пункты 2, 3 предложенной классификации) в сфере профилактики правонарушений реализуемой в период проведения самоизоляции, однако, он надеется на создание предпосылок к научной дискуссии для дальнейшего осмысления обозначенного вопроса в рамках иных работ по смежной тематике.

Рассматривая деятельность инспектора подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, нам представляется актуальным отметить высокую значимость работы профилактического характера, поскольку несовершен-

нолетние правонарушители в некоторых случаях избирают девиантную модель поведения исключительно из-за недостаточной информированности о возможности привлечения к уголовной, административной ответственности за совершение определенного набора действий, которые впоследствии образуют состав правонарушения [1, с. 97].

Превенция в деятельности инспектора подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел должна занимать фактический приоритет, поскольку ряд противоправных действий, совершенных несовершеннолетним (к примеру, употребление наркотических средств и психотропных веществ, совершение противоправных деяний против половой свободы и неприкосновенности, насильственные действия против жизни и т.д.) даже после понесенного им, установленного в рамках действующего законодательства наказания за совершенное деяние, не прекратит своего деструктивного воздействия на его (ребенка) личность, а в некоторых случаях, не позволит вернуться в социум полноценным его членом.

В контексте изоляционных мероприятий, инспектор по делам несовершеннолетних органов внутренних дел может столкнуться с организационными и правовыми трудностями в сфере реализации обозначенной деятельности. Статья 5 ФЗ № 120 [2] предопределила перечень лиц, в отношении которых необходимо реализовывать методику общей и частной превенции. Наибольший интерес из перечисленных групп, вызывают несовершеннолетние, которые подпадают под действие обозначенного перечня, и в период самоизоляции обязаны находиться по месту проживания. К ним относятся:

- лица, употребляющие наркотические вещества (психотропные средства и т.д., без назначения врача);
- правонарушители (за совершенные административные и уголовные деликты, не повлекшие фактического лишения свободы в качестве наказания);
- лица, освобожденные от уголовной ответственности (или учреждений уголовно-исполнительной системы);
- лица, в отношении которых избрана мера пресечения;
- обвиняемые и подозреваемые в совершении преступлений;
- условно-досрочно освобожденные;
- лица, которым предоставлена отсрочка исполнения приговора (отбывания наказания);
- осужденные условно;
- лица, в отношении которых назначены принудительные меры воспитательного характера.

Из перечисленных категорий несовершеннолетних можно выделить три центральные группы,

которые, в широком понимании, могут включать в себя несколько подвидов. К таким основным группам мы относим:

- 1) правонарушителей (различных категорий), связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и т.д.;
- 2) правонарушителей (различных категорий), ожидающих санкции за совершенное деяние;
- 3) правонарушители (различных категорий), в отношении которых установленная законом санкция реализована, либо определенное судом наказание отбыто, исполняется, отменено.

В рамках данного исследования нам представляется актуальным сделать приоритет на лицах первой категории, а именно, правонарушители (различных категорий), связанные с наркотическими средствами, психотропными веществами и т.д. Данная категория курируется, преимущественно, подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Однако это не умаляет значимости профилактической работы и в отношении оставшихся двух категорий, но, как представляется авторам,

– во-первых, профилактический контроль над оставшимися двумя категориями со стороны органов внутренних дел реализуется не только инспекторским составом подразделения по делам несовершеннолетних;

– во-вторых, фактическая латентность правонарушений, совершенных первой группой лиц, и возможность совершения сопутствующих деликтов формулирует определенный приоритет для научного осмысления.

Основаниями для проведения профилактической деятельности согласно статье 6 ФЗ № 120 являются:

- заявление родителей либо несовершеннолетнего;
- приговор (определение, решение) суда;
- постановление комиссии по делам несовершеннолетних, прокурора, органов следствия и дознания, либо руководителя территориального органа внутренних дел, заключение руководителя учреждения (органа) системы профилактики.

В рамках профилактического посещения несовершеннолетнего по месту его проживания (регистрации) инспектором по делам несовершеннолетних органа внутренних дел возможна ситуация, когда, фактически, осмотреть ребенка (установить внешние признаки опьянения либо их отсутствие) и место его проживания сотруднику полиции не позволят. При этом конституционными правами любого человека на территории Российской Федерации являются его жизнь и здоровье. В свою очередь, статья 7 ФЗ № 124 [3] определяет, что должностные лица органов внутренних дел в пределах установленной действующим законодательством компетенции обязаны

содействовать ребенку в реализации и защите его законных прав (интересов). Необходимо отметить, что в рамках данной правовой конструкции нормы, сформулирован посыл на поощрение исполнения несовершеннолетним обязанностей, а также поддержки в области правоприменения с целью защиты его прав и законных интересов.

Следовательно, если профилактируемый инспектором ребенок обозначит в рамках посещения формальный отказ открыть дверь для проведения беседы и осмотра, ссылаясь при этом на меры по профилактике коронавирусной инфекции и необходимости соблюдения социальной дистанции, у сотрудника полиции не остается вариантов за исключением того, как ожидать периода послабления или отмены профилактических мероприятий. В случае, когда инспектор по делам несовершеннолетних будет настаивать на визуальном (личном) контакте с профилактируемым, это будет идти в противоречие с нормами Конституции РФ и ФЗ № 124. Если максимально гиперболизировать обозначенную ситуацию, то можно трактовать ее как формальное посягательство со стороны сотрудника полиции на здоровье несовершеннолетнего, что фактически расходится с основной и центральной задачей полиции, а именно, с защитой законных прав и свобод граждан. При этом несовершеннолетний, которого не смог осмотреть инспектор, может находиться в состоянии опьянения либо в обстановке, угрожающей его жизни или здоровью.

Необходимо отметить, что несовершеннолетние лица, зачастую, не проживают самостоятельно либо отдельно от родителей, законных представителей, опекунов. Однако на практике, в данной сфере общественных отношений присутствуют случаи сокрытия родителями противоправных (или иных социально не одобряемых) действий, совершенных несовершеннолетним, находящимися на их попечении. Подобная поведенческая мотивация может быть сформирована не только желанием взрослого самостоятельно разобратся в создавшейся ситуации, но и предвзятая определенный способ ухода от административной или уголовной ответственности.

Приказ МВД России № 845 [4] закрепляет ряд положений относительно проведения профилактической работы инспекторским составом подразделения по делам несовершеннолетних органа внутренних дел. Мы не будем детально анализировать исключительно все пункты Инструкции, а остановимся на наиболее актуальных для нас с позиции обозначенной проблемы. Профилактические мероприятия в рамках преодоления эпидемиологического порога продолжают и в настоящее время, однако, наиболее строго (речь идет о необходимости фактической изоляции от социума) они были реализована в различных субъектах ориентировочно от 6 до 9 месяцев.

Пункт 57 Инструкции обозначает, что после истечения шести месяцев и при наличии оснований полагать, что профилактические цели работы инспектора не достигнуты, есть возможность по решению руководителя территориального органа МВД России продлить обозначенный срок еще на

шесть месяцев. Реализуется данная процедура путем направления мотивированного рапорта сотрудником подразделения по делам несовершеннолетних руководителю территориального органа. Можно предположить, что, если несовершеннолетнего подвергнуть профилактическому учету за один месяц до наступления критической эпидемиологической ситуации, то на фактическом учете он будет находиться от 7 до 9 месяцев, при этом инспектор не сможет его видеть и реализовать посещение на дому. Данная ситуация возможна только в том случае, если учет будет продлен и руководитель усмотрит в рапорте сотрудника основания для продления. Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что несовершеннолетний, которого инспектор не смог посетить (или даже увидеть) на протяжении 6 месяцев не исправился по причине нежелания ребенка подвергать свое здоровье «формальной угрозе», данное стечение обстоятельств является достаточным основанием для продления профилактического учета.

Пункт 53.3 Инструкции предусматривает при заведении инспектором подразделения по делам несовершеннолетних учетно-профилактической карточки (или дела) обязательное проведение обследования бытовых и семейных условий жизни ребенка. Пункты 70 и 74.2 устанавливают необходимость выяснения фактического образа проживания родителей, их намерения, возможные факторы отрицательного влияния на несовершеннолетнего и посещение ребенка по месту проживания.

Следовательно, у инспектора подразделения по делам несовершеннолетних формируется целый перечень условий, которые необходимо установить и отождествить на соответствие установленным действующим законодательством нормам и правилам. Инспектор может встретить определенное противодействие со стороны его родителей, законных представителей, опекунов, а в

некоторых случаях – и непосредственно несовершеннолетнего. В данной ситуации сотрудник полиции лишен организационных и правовых мер воздействия на ребенка и взрослых членов его семьи, поскольку наблюдается упущение ведомственного регулирования исследуемой деятельности. В Инструкции нет конкретных алгоритмов реализации данной государственной функции, методов и способов ее проведения, возможности привлечения специалистов иных отраслей и т.д.

По мнению авторов, одним из вариантов решения обозначенной проблематики является применение систем аудиовизуальной связи. Можно реализовать данную деятельность с применением технологий удаленного доступа, как это было выполнено в образовательных организациях при проведении лекционных занятий. Однако сразу возникает несколько ключевых вопросов в части организации технического процесса и правовых последствий от полученной инспектором по делам несовершеннолетних в рамках подобного дистанционного обследования информации.

С целью решения обозначенной проблемы нам представляется актуальным внести изменения в приказ МВД России № 845, где детально изложить алгоритм и возможные способы (очно, дистанционно) проведения обследования семейно-бытовых условий несовершеннолетнего, находящегося на профилактическом учете в период проведения самоизоляции. Учитывая особенности материального положения профилактируемых и их семей, авторам представляется, что чрезмерно усложнять эту процедуру использованием дорогостоящих технических средств (исключительно ведомственной принадлежности) не является целесообразным, поскольку центральной задачей превенции не является фактическое документирование совершенных противоправных деяний, а, все-таки, создание причин (условий) для их предупреждения и недопущения деструктивного поведения несовершеннолетних с использованием преимущественно методов убеждения.

Литература:

1. *Занина Т.М.* Зарубежный опыт организации профилактической работы в отношении несовершеннолетних правонарушителей / Т.М. Занина, М.В. Бутова // *Общество и право.* 2019. № 2(68). С. 97–101.
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 // СПС «КонсультантПлюс».

Literature:

1. *Zanina T.M.* Foreign experience in organizing preventive work in relation to juvenile offenders / T.M. Zanina, M.V. Butova // *Society and Law.* 2019. № 2(68). P. 97101.
2. On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law of 24.06.1999 № 120-FZ // SPS «ConsultantPlus».
3. On the basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation: Federal Law of 24.07.1998 № 124-FZ // SPS «ConsultantPlus».
4. On the approval of the Instructions for organizing the activities of units for minors of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 15.10.2013 № 845 // SPS «ConsultantPlus».

Карлов Илья Викторович

кандидат юридических наук,
заместитель начальника
кафедры управления
и административно-правовых
дисциплин юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОТРУДНИЧЕСТВА РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФСИН РОССИИ В ВОСПИТАНИИ
СПЕЦИАЛИСТОВ
ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ**



Аннотация. В соответствии с действующим законодательством РФ, при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник должен учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию. В статье рассматриваются организация, основные направления и формы сотрудничества Русской православной церкви и администраций вузов ФСИН России в воспитании личного состава и профилактике правонарушений среди обучающихся.

Ключевые слова: Русская православная церковь, религиозная организация, профилактика, воспитание, образовательная организация, курсант, уголовно-исполнительная система.



В соответствии с п. 8 ст. 13 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», при осуществлении служебной

Ilya V. Karlov

Candidate of Legal Sciences,
Deputy Head of the Department
of Management and Administrative
and Legal Disciplines of the Faculty of Law,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
daniilzykov@mail.ru

Daniil A. Zykov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Public Legal Disciplines,
Vladimir Law Institute Federal
Penitentiary Service
daniilzykov@mail.ru

**THE MAIN AREAS OF COOPERATION
BETWEEN THE RUSSIAN ORTHODOX
CHURCH AND EDUCATIONAL
ORGANIZATIONS THE FEDERAL
PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA
IN THE EDUCATION OF SPECIALISTS
FOR LAW ENFORCEMENT AGENCIES**



Annotation. In accordance with the current legislation of the Russian Federation, when carrying out official activities, as well as during off-duty time, an employee must take into account the cultural and other characteristics of various ethnic, social groups and confessions, promote interethnic and interfaith harmony. The article discusses the organization, main directions and forms of cooperation between the Russian Orthodox Church and the administrations of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia in the education of personnel and the prevention of offenses among students.

Keywords: Russian Orthodox Church, religious organization, prevention, education, educational organization, cadet, penal enforcement system.



деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник должен учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию. Поэтому духовно-нравственное и культурно-эстетическое воспитание будущих специалистов для

правоохранительных органов является неотъемлемым элементом их качественной профессиональной подготовки.

Данному направлению воспитательной работы уделяется большое внимание в образовательных организациях ФСИН России. Например, согласно п. 2.5.3 Устава ВЮИ ФСИН России, образовательная организация организует среди обучающихся проведение воспитательной работы, основанной на приоритете общечеловеческих и нравственных ценностей.

Следует отметить, что по состоянию на 01.09.2021 в уголовно-исполнительной системе действовало 8 учреждений высшего образования (с 1 филиалом), 3 института повышения квалификации, 1 межрегиональный учебный центр и 10 учебных центров территориальных органов. По данным ведомственной статистической отчетности, по состоянию на 31.12.2020 по одной только очной форме за счет средств федерального бюджета проходили обучение 5 068 человек. Учитывая столь значительное число лиц, охваченных воспитательной работой, и высокую нагрузку нам представляется совершенно необходимым привлечение к данной работе иных субъектов.

Одной из важнейших организаций, оказывающих помощь в духовно-нравственном воспитании личного состава УИС, является Русская православная церковь (далее – РПЦ). За период многолетнего сотрудничества ФСИН России и традиционных религиозных конфессий была создана надежная материальная база религиозно-просветительской работы. По состоянию на 01.09.2021 г., в учреждениях УИС функционировало 1502 объекта (зданий, сооружений, помещений), используемых для проведения религиозных обрядов и церемоний, из которых 1050 (около 70 %) предназначены для лиц, исповедующих православие (отдельно стоящие и домовые храмы, часовни, молитвенные комнаты), 392 объектов (или 26 %), для лиц, исповедующих ислам (мечети, молитвенные комнаты). Число остальных религиозных объектов не столь значительно. Как видно, именно представители РПЦ традиционно наиболее широко представлены в УИС и играют основную роль в духовно-нравственном воспитании. Как справедливо отмечает Н.Н. Трофимова, сегодня «использование потенциала религиозных конфессий в духовно-нравственном просвещении и воспитании – неотъемлемая часть процесса совершенствования деятельности УИС в рамках ее сотрудничества с институтами гражданского общества» [1].

Перспективным направлением в развитии такого сотрудничества является заключение специальных соглашений. Например, в соответствии с соглашением о сотрудничестве между ФСИН России и РПЦ, федеральная служба обязалась содействовать строительству храмов, часовен, выделять помещения под молитвенные комнаты, оказывать поддержку в распространении печатной продукции духовно-нравственного и патриотического содержания, религиозной литературы и предметов религиозного назначения, а

религиозная организация приняла на себя обязательства осуществлять духовное окормление (совершение богослужений, религиозных обрядов и церемоний), религиозное образование и духовно-нравственное просвещение курсантов образовательных организаций ФСИН России, а также, организовывать и координировать деятельность священнослужителей РПЦ по исполнению положений данного соглашения (Официальный сайт РПЦ. URL : <http://www.patriarchia.ru/db/text/1414718>).

Вопросы организации сотрудничества затронула и «Миссия тюремного служения Русской Православной Церкви и пенитенциарные учреждения» (принята на заседании Священного Синода 12 марта 2013 г. (журнал № 27). URL : <http://www.patriarchia.ru/db/text/2843078.html>), которая направлена и на оказание духовно-просветительской, богослужебной, пастырско-душепопечительной и нравственно-реабилитационной помощи курсантам образовательных учреждений УИС. Согласно Миссии, основными направлениями деятельности РПЦ в УИС стали:

1. Духовно-просветительская деятельность (духовно-просветительские беседы, религиозное образование, организация воскресных школ, создание и пополнение библиотечных и медиафондов религиозными материалами и т.д.).
2. Богослужебная деятельность и пастырское душепопечение (организация религиозных общин, совершение богослужений, таинств и религиозных обрядов, исповеди, общие беседы, проповеди и др.).
3. Диаконическое служение и реабилитация (ресоциализация): состоит в оказании благотворительной, юридической, психологической и иной помощи осужденным, поддержке их социальных связей с родственниками; работу с подростками, имеющими проблемы с законом и др.
4. Защита достоинства, свободы и прав человека в учреждениях УИС.

Кроме указанных направлений непосредственно религиозного характера, исходя из практики взаимодействия УИС и РПЦ, можно выделить иные значимые направления сотрудничества.

В первую очередь, это – организация культурного досуга обучающихся и участие в мероприятиях патриотической направленности: экскурсии по историческим и памятным местам, знакомство с историей региона, выдающимися памятниками архитектуры религиозного назначения (храмами, монастырями), славными историческими деятелями (Александром Невским, Дмитрием Пожарским, Сергием Радонежским и др.). Так, во ВЮИ ФСИН России традиционно организуется экскурсионные поездки для курсантов в г. Суздаль, кафедральный Успенский и Дмитриевский соборы, Свято-Боголюбский епархиальный монастырь, церковь Покрова-на-Нерли и др.

Важную роль играет участие представителей РПЦ в торжественных церемониях, смотрах-конкурсах, проводимых в образовательных организациях: приведении курсантов к Присяге, выпуске

молодых специалистов для правоохранительных органов, торжественных построениях, посвященных государственным памятниками и памятным датам (Дню защитника Отечества, Дню Победы, Дню России, Дню народного единства и др.).

Значимым является и участие представителей РПЦ в образовательной деятельности: в проведении занятий в рамках общественно государственной подготовки и информирования, в содействии преподаванию «Основ религиозной культуры и светской этики». Распространенной практикой является участие священнослужителей в научно-практических мероприятиях. Одним из наиболее масштабных мероприятий подобного рода являются ежегодные Международные Рождественские образовательные чтения, особое значение которых в деле укрепления сотрудничества («сорботничества») церкви и государства была отмечено даже Президентом Российской Федерации (Путин: Рождественские чтения внесли вклад в укрепление соработничества РПЦ и государства. Инф. агентство ТАСС. Официальный сайт. URL : <https://tass.ru/obschestvo/7616491>).

Немаловажное значение имеет взаимодействие с традиционными религиозными конфессиями в предупреждении правонарушений, особенно экстремистской направленности, что имеет особое значения в условиях многоконфессиональных и многонациональных учебных коллективов вузов ФСИН России. Также, значимую помощь администрации образовательных организаций может быть оказана в предупреждении алкоголизма, наркомании, антиобщественного поведения.

С одной стороны, как справедливо отмечает А.П. Скиба, деятельность традиционных конфессий в целом не ориентирована на предупреждение совершения правонарушений [3]. В то же время, указанная деятельность опосредованно оказывает и профилактическое воздействие.

Положительное влияние религии на профилактику демонстрировали и результаты социологических исследований: около 80 % сотрудников правоохранительных органов отмечали религиозность в качестве сдерживающего фактора преступности [2]. Однако следует отметить преимущественно светский характер отношения к религии курсантов. По результатам проведенного нами социологического исследования было установлено, что менее трети курсантов (27,2 %) оценивают религию в качестве ключевого регулятора поведения человека и жизни общества. По мнению же 41,7 % респондентов, вопросы отношения к религии является личным делом каждого и не должны касаться других лиц. Однако при этом 18,9 % респондентов также отметили положительную роль религии как средства сохранения культуры и традиций (Исследование было проведено в 2015-2018 гг. В исследовании приняли участие 207 курсантов и 141 студент из 4 субъектов Рос. Федерации. Выборка случайная, но проведена с учетом равного представительства курсов и групп по годам обучения.) Указанная ситуация, в целом, характерна для России, имеющего с точки зрения основного закона светский характер.

Положительное влияние религиозного фактора в профилактической работе ограничивает и более низкий удельный вес верующих среди молодежи по сравнению с населением в целом. По данным ВЦИОМ, удельный вес лиц, считающих себя православными россиянами, составил в среднем 63 %. При этом в младших возрастных группах уровень религиозности существенно ниже: так, среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет лишь 37 % назвали себя неверующими, а православными – 23 %. Для сравнения удельный вес православных среди лиц старше 60 лет составил 74 %.

С другой стороны, условия работы религиозных конфессий в вузах ФСИН России представляются более благоприятными по сравнению с «гражданскими» вузами за счет более высокого удельного веса представителей регионов с традиционно сильным влиянием религии: если среди студентов гражданских вузов общее число лиц, позитивно характеризующих роль религии в регулировании общественных отношений, составило 24,4 %, то среди курсантов данный показатель почти вдвое выше – 46,1 %.

Эффективное взаимодействие требует и совершенствования организационных аспектов. В последние годы существенно расширяется участие общественности в деятельности УИС (общественно-наблюдательные комиссии, советы, правозащитные и религиозные организации, средства массовой информации и т.д.). Так, 54,5 % сотрудников УИС отметили, что священнослужители РПЦ посещают их учреждения. При этом 39 % респондентов указали, что частота посещения священнослужителей составила не менее 1 раза в месяц, 32 % не менее 1 раза в неделю, а 6,1 % – ежедневно, что благоприятно сказывается на морально-психологическом климате. В целом, 68,2 % сотрудников положительно оценили деятельность православных общин в учреждениях УИС [1].

Укреплению взаимодействия вузов ФСИН России с РПЦ может способствовать деятельность общественно-консультативных органов Общественных советов (при ФСИН России и образовательных организациях). Например, одной из основных целей деятельности Общественного совета при ВЮИ ФСИН России является привлечение общественности к защите прав и законных интересов личного состава образовательной организации, а одним из основных направлений – координация взаимодействия религиозных конфессий в ВЮИ ФСИН России в работе по правовой и социальной защищенности обучающихся, а также – информирование общественности о деятельности вуза.

Важной вехой в развитии сотрудничества УИС и РПЦ стало создание института помощников начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими. Нам представляется, что данный опыт может быть полезен и для вузов, а данные лица могут вести работу на условиях неполной занятости, по совместительству (например, в качестве преподавателей религиоведения, этики) или на общественных началах.

О необходимости поиска новых эффективных форм взаимодействия говорят и новые условия ограничений, вызванные угрозой распространения коронавирусной инфекции, затрудняющие привычные личные контакты священнослужителей и обучающихся. Однако это уже предмет отдельного исследования, на котором мы не будем здесь останавливаться.

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что в образовательных организациях ФСИН России

Литература:

1. *Каткова В.В.* Деятельность Русской православной церкви в учреждениях УИС / В.В. Каткова // Вестник Самарского юридического института. 2011. № 3(5). С. 89–93.
2. *Самойлов М.Г.* Религиозность как социальный ресурс профилактики преступности среди несовершеннолетних (на примере Ярославской области) / М.Г. Самойлов // Вопр. ювен. юстиции. 2011. № 5(37). С. 10–11.
3. *Скиба А.П.* Направления развития сотрудничества уголовно-исполнительной системы и традиционных конфессий при исполнении наказаний, связанных с изоляцией от общества / А.П. Скиба // Вестник Югорского государственного университета. 2018. № 2(49). С. 87–91.
4. *Трофимова Н.Н.* Исторический опыт взаимодействия уголовно-исполнительной системы России с православной церковью и другими религиозными объединениями в сфере работы с осужденными / Н.Н. Трофимова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 3(202). С. 48–55.

проводится большая работа по взаимодействию с религиозными конфессиями, а Русская православная церковь выступает одним из «стратегических партнеров» их администраций в деле воспитания специалистов для правоохранительных органов. В то же время, можно говорить и о значительном потенциале для развития данного сотрудничества, учитывая достаточно благоприятное отношение к просветительской деятельности со стороны обучающихся, а также – новые условия жизнедеятельности общества.

Literature:

1. *Katkova V.V.* Activity of the Russian Orthodox Church in the institutions of the UIS / V.V. Katkova // Bulletin of the Samara Law Institute. 2011. № 3(5). P. 89–93.
2. *Samoilov M.G.* Religiosity as a social resource for the prevention of juvenile delinquency (on the example of the Yaroslavl region) / M.G. Samoilov // Vopr. yuven. justice. 2011. № 5(37). P. 10–11.
3. *Skiba A.P.* Directions for the development of cooperation between the penal enforcement system and traditional confessions in the execution of punishments related to isolation from society / A.P. Skiba // Bulletin of the Ugra State University. 2018. № 2(49). P. 87–91.
4. *Trofimova N.N.* Historical experience of interaction of the penal enforcement system of Russia with the Orthodox Church and other religious associations in the field of work with convicts / N.N. Trofimova // Sheets of the penal enforcement system. 2019. № 3(202). P. 48–55.

Ковтун Ольга Андреевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и административного права
юридического факультета,
Кубанский государственный университет
olgakovtyn@rambler.ru

Терещенко Наталия Дмитриевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и административного права
юридического факультета,
Кубанский государственный университет
tereshenko23@mail.ru

Шапиро Ирина Валерьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и административного права
юридического факультета,
Кубанский государственный университет
sonten@mail.ru

**К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ОРГАНОВ
ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ
ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС»**

Аннотация. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» устанавливает новое территориальное образование – федеральную территорию. Статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с организацией публичной власти в новых для российской практики федеральных территориях. Авторы исследуют признаки и правовое положение органов публичной власти федеральной территории «Сириус», отмечают особенности их правового статуса.

Ключевые слова: Федеральная территория «Сириус», публичная власть, органы публичной власти.

Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» устанавливает новое территориальное образование – федеральную территорию. Согласно новой редакции Конституции РФ:

– организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается федеральным законом;

– организация публичной власти находится в ведении Российской Федерации;

Olga A. Kovtun

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Constitutional
and Administrative Law
Faculty of Law,
Kuban State University
olgakovtyn@rambler.ru

Natalia D. Tereshchenko

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Constitutional
and Administrative Law
Faculty of Law,
Kuban State University
tereshenko23@mail.ru

Irina V. Shapiro

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Constitutional
and Administrative Law
Faculty of Law,
Kuban State University
sonten@mail.ru

**ON THE ISSUE OF THE STATUS
OF PUBLIC AUTHORITIES
OF THE FEDERAL TERRITORY «SIRIUS»**

Annotation. The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 № 1-FKZ «On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power» establishes a new territorial entity – the federal territory. The article is devoted to the consideration of problems related to the organization of public power in federal territories new to Russian practice. The authors investigate the signs and legal status of public authorities of the federal territory «Sirius», note the peculiarities of their legal status.

Keywords: Federal territory «Sirius», public authorities, public authorities.

– особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом;

– органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации.

Закрепив создание федеральной территории, Федеральный закон от 22 декабря 2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» установил, что:

– в федеральной территории «Сириус» создается система органов публичной власти, которая включает Совет федеральной территории «Сириус»; администрацию федеральной территории «Сириус»;

– иные органы публичной власти федеральной территории «Сириус», если их образование предусмотрено Уставом федеральной территории «Сириус» [1].

Поскольку законодатель четко не определил, относятся органы публичной власти федеральной территории «Сириус» к государственным органам власти или к органам местного самоуправления, возникает необходимость исследования их признаков и правового статуса.

По мнению С.А. Авакьяна: «Орган государства - коллектив граждан или один гражданин, которые уполномочены государством на осуществление его функций. Орган государства наделяется государственно-властными полномочиями, образуется и действует в установленном порядке, занимает свое место в единой системе государственных органов» [2].

В учебной литературе отмечается, что орган государственной власти:

- представляет собой организационно обособленную часть государственного аппарата;
- учреждается государством и участвует в реализации его задач и функций;
- действует от имени государства;
- обладает собственной компетенцией и государственно-властными полномочиями [3].

Рассматривая признаки органа местного самоуправления, следует отметить позицию Т.Я. Хабриевой, В.Е. Чиркина: «Органы муниципального образования не входят в систему органов государственной власти, являясь органами публичной власти территориального коллектива, но и те и другие осуществляют публичную власть народа, сотрудничают в решении задач общества и государства и в решении вопросов местного значения» [4].

К числу особенностей органов местного самоуправления Н.Л. Пешин относит их тесную связь с населением муниципальных образований, не вхождение в систему органов государственной власти и собственную компетенцию, которая позволяет им решать вопросы местного значения [5].

Сравнительный анализ отдельных признаков органов государственной власти, органов местного самоуправления и органов публичной власти федеральной территории «Сириус» свидетельствует об их общих признаках и особенностях.

Прежде всего, следует отметить, что органы публичной власти федеральной территории «Сириус» создаются и действуют на основе федерального закона о федеральной территории «Сириус», а также ряда других нормативных

правовых актов. Так, Совет федеральной территории «Сириус» как представительный орган власти создается путем сочетания процедуры выборов, назначения и вхождения по должности.

Совет федеральной территории «Сириус» формируется в составе 17 членов, из которых девять избираются в порядке, установленном Федеральным законом от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [6]. Три члена Совета федеральной территории «Сириус» назначаются Президентом РФ, три – Правительством РФ, один - главой администрации (губернатором) Краснодарского края. Глава администрации федеральной территории «Сириус» входит в состав Совета по должности.

Реализация избирательных норм на федеральной территории «Сириус» имеет особенности, касающиеся избирательных цензов, отдельных стадий избирательного процесса, порядка формирования избирательных комиссий.

Правом избирать членов Совета федеральной территории «Сириус» обладают граждане РФ, достигшие на день голосования возраста 18 лет, место жительства которых расположено в пределах соответствующего избирательного округа, а также, граждане РФ, достигшие на день голосования возраста 18 лет и зарегистрированные по месту пребывания в пределах соответствующего избирательного округа не позднее, чем за шесть месяцев до дня голосования. Для избираемых членов Совета федеральной территории установлен возрастной ценз – достижение 21 года на день голосования и отсутствие ограничений пассивного избирательного права, предусмотренных избирательным законодательством.

Подготовку и проведение выборов членов Совета федеральной территории «Сириус» обеспечивают и осуществляют территориальная избирательная комиссия федеральной территории и участковые избирательные комиссии.

В соответствии с действующим законодательством о выборах, формирование территориальной комиссии, назначение ее председателя осуществляется избирательной комиссией субъекта РФ. Особенность формирования территориальной избирательной комиссии федеральной территории «Сириус» состоит в том, что ее члены, а также ее председатель назначаются Центральной избирательной комиссией РФ.

Члены Совета федеральной территории «Сириус» могут избираться по одномандатным и (или) многомандатным избирательным округам, схема которых определяется территориальной избирательной комиссией и утверждается Советом федеральной территории. Мы считаем, что использование пропорциональной избирательной системы при избрании членов данного органа публичной власти нецелесообразно в силу незначительного количества избираемых.

Члены Совета федеральной территории «Сириус», осуществляющие свои полномочия на непостоянной основе, в отличие от депутатов

представительных органов государственной власти, имеют право совмещать членство в Совете федеральной территории с замещением государственных должностей Российской Федерации, государственных должностей Краснодарского края, муниципальных должностей, должностей государственной гражданской службы РФ и Краснодарского края.

Одной из характерных черт органа власти является наличие компетенции и властных полномочий. В научной литературе отмечается, что «..В государстве существует не только горизонтальная, но и вертикальная система разделения властей, она включает в себя разделение властных функций между органами центра, регионов и местного самоуправления» [7].

Федеральный закон о федеральной территории «Сириус» закрепил, что органы публичной власти «Сириуса» осуществляют отдельные полномочия Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, переданные для осуществления органам публичной власти федеральной территории «Сириус» в соответствии с федеральными законами, указами Президента РФ, а также постановлениями Правительства РФ по согласованию с Администрацией Президента РФ.

Законодательно также определены вопросы исключительной компетенции Совета федеральной территории «Сириус». Полномочия администрации федеральной территории «Сириус» в настоящий период времени определяются Временным положением об администрации федеральной территории «Сириус».

Нам представляется, что компетенция не только представительного, но исполнительно-распорядительного органа федеральной территории «Сириус» должна определяться федеральным законом о федеральной территории.

Литература:

1. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012220082>
2. *Авакьян С.А.* Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М., 2015. С. 469.
3. *Дзидзоев Р.М.* Конституционное право Российской Федерации : учебник / Р.М. Дзидзоев, О.А. Ковтун, Н.Д. Терещенко. Краснодар, 2020. С. 216–217.
4. *Хабриева Т.Я.* Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. М., 2005. С. 297.
5. *Пешин Н.Л.* Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. М., 2007. С. 282–283.

В целях реализации своих полномочий органы публичной власти федеральной территории «Сириус» издают нормативные правовые акты, которые являются обязательными для исполнения на территории данной федеральной территории. Совет федеральной территории «Сириус» принимает нормативные правовые акты в форме решений, администрация – постановлений. По оперативным и другим текущим вопросам, в том числе, по вопросам осуществления экономической и иной деятельности в федеральной территории «Сириус» органы публичной власти федеральной территории «Сириус» могут издавать правовые акты, не имеющие нормативного характера. Законодательно не определено название и форма правоприменительного акта. Как нам представляется, правовые акты органов публичной власти федеральной территории «Сириус», не имеющие нормативного характера, могут издаваться в форме распоряжения.

Установление законодательного порядка формирования органов публичной власти федеральной территории «Сириус», закрепление полномочий и компетенции органов публичной власти федеральной территории «Сириус», обязательного характера принимаемых ими нормативных правовых актов свидетельствует о наличии у органов публичной власти федеральной территории «Сириус» признаков, присущих государственным органам и органам местного самоуправления.

На наш взгляд, можно говорить о формировании в федеральной территории «Сириус» организационно обособленных и самостоятельных органов публичной власти, сочетающих признаки государственного органа, органа местного самоуправления и имеющие определенные особенности, обусловленные, в первую очередь, их территориальными пределами деятельности, функциями, задачами и формами взаимоотношений с органами государственной власти.

Literature:

1. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012220082>
2. *Avakyan S.A.* Constitutional lexicon: state-legal terminological dictionary. M., 2015. P. 469.
3. *Dzidzoev R.M.* Constitutional law of the Russian Federation : textbook / R.M. Dzidzoev, O.A. Kovtun, N.D. Tereshchenko. Krasnodar, 2020. P. 216–217.
4. *Khabrieva T.Ya.* Theory of the modern Constitution / T.Ya. Khabrieva, V.E. Chirkin. M., 2005. P. 297.
5. *Peshin N.L.* State power and local self-government in Russia: problems of development of the constitutional and legal model. M., 2007. P. 282–283.

6. URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033334&rdk=&backlink=1>

7. Современные проблемы организации публичной власти : монография / Рук. авторского колл.; Отв. ред. д-р юрид. наук, профессор С.А. Авакьян. М., 2014. С. 65.

6. URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033334&rdk=&backlink=1>

7. Modern problems of the organization of public power : monograph / Head of the authoring team; Executive Editor, Doctor of Law, Professor S.A. Avakyan. M., 2014. P. 65.

Конорезов Николай Андреевич
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Konorezov@list.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПОНУЖДЕНИЯ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (СТ. 133 УК РФ)

Аннотация. Статья посвящена вопросам всестороннего толкования признаков понуждения к действиям сексуального характера. В частности, остаются открытыми вопросы о насильственном характере данного вида преступления, о содержательном наполнении категории «понуждение», об обещании привилегий и обмане жертвы для вступления с ней в половую связь. На основании анализа массива научных изысканий по теме и судебной практики, автор приходит к выводу о потребности в расширении способов понуждения посредством включения обмана и злоупотребления доверием.

Ключевые слова: половые преступления, понуждение, половая свобода, квалификация, харассмент, уголовная ответственность.

В современных политико-правовых условиях трепетного отношения к вопросам охраны неприкосновенности личности наблюдается особая обеспокоенность проблемой сексуальных домогательств и гендерного насилия (sexual harassment and gender violence [1, p. 61]) во всём мире. Большое количество зарубежных исследований в области социологии преступности посвящены поднятой проблеме. Учеными освещается широкий спектр тем: от сексуального насилия в школах, университетах и на рабочих местах [2] до частных исследований юристами вопросов сексуальных домогательств [3].

Понуждение к действиям сексуального характера сопровождается отсутствием добровольности вступления в сексуальные отношения, что оценивается современными криминологами в качестве негативной девиации – насилия, требующего уголовно-правового запрещения [4, с. 420]. Несмотря на большое количество доктринальных исследований в этой сфере, правоприменительные противоречия в понимании составообразующих признаков данного преступления не только сохраняются, но и актуализируются в контексте противодействия сексуальному харассменту. Отдельные ученые предлагают даже ввести обособленную статью в уголовный закон с понятным названием – сексуальные домогательства [5, с. 57].

Nikolay A. Konorezov
Postgraduate student of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Konorezov@list.ru

PROBLEMS OF INTERPRETATION OF OBJECTIVE SIGNS OF COMPULSION TO ACTS OF A SEXUAL NATURE (ART. 133 OF THE CRIMINAL CODE)

Annotation. The article is devoted to the issues of correct and comprehensive interpretation of the signs of compulsion to acts of a sexual nature. In particular, there are still open questions about the violent nature of this crime, the content of the category of «compulsion», the promise of privileges and the deception of the victim in order to have sexual intercourse with her. Based on an analysis of the array of scientific research on the topic and judicial practice, the author comes to the conclusion that there is a need to expand the methods of coercion through the inclusion of deception and abuse of trust.

Keywords: sexual crimes, compulsion, sexual freedom, qualifications, harassment, criminal liability.

1. Традиционно состав преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, принято относить к группе насильственных половых преступлений. Однако отдельные авторы в своих рассуждениях апеллируют весьма противоречивыми тезисами: вначале указывают на аксиоматичность насильственного свойства преступления, предусмотренного ст. 133 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а далее категорично заявляют: «При этом понуждением является способ получения вынужденного согласия против воли потерпевшего лица, но без применения насилия» [6, с. 97–98].

В действительности, понуждение к действиям сексуального характера в отличие от других (более очевидных) насильственных половых преступлений, предусмотренных ст. 131, ст. 132 УК РФ, имеет иное содержание объективной стороны. Как заключает Пленум Верховного Суда РФ, здесь ключевое различие состоит не в наличии или отсутствии насилия, а в способах воздействия на потерпевшее лицо с целью получения от него вынужденного согласия на совершение указанных действий (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [7]). Детально эти

способы названы законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ и поэтому представляют собой конститутивный объективный признак состава понуждения.

Признавая все указанные выше половые преступления в качестве насильственных, Я.М. Яковлев отразил сущностную дихотомию между ними, разграничив их по признаку характера действий в объективной стороне. В первом случае (изнасилование, насильственные действия сексуального характера) профессор усматривал действия физического характера, во втором – интеллектуального [8, с. 18]. Позднее, исключительно психическую направленность способов понуждения подчеркивала и С.Д. Цэнгэл, при этом, обращая внимание на неполное подавление воли потерпевшего лица [9, с. 164].

Такое замечание отвечает пониманию Пленумом Верховного Суда РФ содержания насилия в ст. 131 и ст. 132 УК РФ, которое в п. 2 названного постановления раскрывается через насильственные действия, связанные с причинением потерпевшему лицу физической боли либо с ограничением его свободы. Во всяком случае, все насильственные половые преступления сопровождаются воздействием на другого человека для формирования вынужденного согласия или подавления несогласия на вступление в половую связь.

2. В науке уголовного права остается открытым вопрос об адресате воздействия, выражающегося в способах понуждения. Иными словами, к кому может быть обращена, например, угроза уничтожением имущества при понуждении конкретного лица к действиям сексуального характера? Традиционно, в научных исследованиях можно выявить два подхода:

– угрозы могут быть высказаны как в отношении лица, которого понуждают к действиям сексуального характера, так и в отношении близких ему лиц [10];

– способы деяния не могут быть обращены к иным лицам, кроме принуждаемого. Последняя позиция высказана О.В. Борисовой о юридической ничтожности применения способов в отношении иных лиц, например, близких для жертвы, нам представляется спорной [11, с. 27].

Заслуживающим интереса, нам видится и комментарий А.Г. Безверхова о том, что при шантаже в составе понуждения может иметь место угроза разглашения (и требующее обособленной оценки последующее разглашение) разоблачительных сведений не только о понуждаемом лице, но и о его близких [12, с. 19]. По нашему мнению, концептуально совпадающему с приведенным позициями Г.А. Есакова, А.Г. Безверхова и др., способы понуждения, исходя из буквального толкования диспозиции анализируемой нормы, могут быть обращены как к самой жертве, так и к иным лицам, но при условии, что таким образом происходит оказание воздействия на потерпевшего (потерпевшую). Например, шантаж о разглашении сведений, позорящих ребенка понуждаемого лица или его родителей.

3. Объективная сторона состава вызывает и другие вопросы, требующие ответов для правильного применения ст. 133 УК РФ. Речь идет о содержании собственно «понуждения», дефиницию которого не раскрывает ни законодатель, ни высшая судебная инстанция. Вместе с тем, последняя косвенно подталкивает правоприменителей к некоторым выводам в отношении понимания понуждения тем, что связывает конец преступления с моментом выражения соответствующего требования.

В поисках подходящего смысла примененного законодателем термина «понуждение» ученые, как правило, обращаются к достижениям филологии. Так, нередко в научных трудах можно встретить прямые отсылки к различным словарным статьям при раскрытии содержания уголовно-правового понимания термина «понуждение». Вместе с тем, принимая во внимание современные правовые исследования, говорить о тождестве общеупотребляемых слов с их, казалось бы, формами в юридических конструкциях не приходится. Законодатель нередко вкладывает не лексический, а политико-правовой смысл в тексты, которыми оперирует для достижения поставленных перед ним задач по регламентации общественных отношений.

Учитывая принадлежность исключительной компетенции по разъяснению вопросов судебной практики по уголовным делам Верховному Суду РФ, следует в рассуждениях о содержании понуждения опираться именно на те разъяснения общего характера, которые Пленум Верховного Суда РФ выражает в своих постановлениях. Как нам представляется, коль скоро формальный состав понуждения к действиям сексуального характера увязывается с моментом выражения требования, то и понуждение, в таком случае, является юридически выполненным актом поведения посредством объективации указанного требования.

Необходимо, как мы полагаем, и отражение позиции Президиума Верховного Суда РФ о важности точного понимания тех действий, к которым понуждается потерпевшее лицо (Определение № 45-097-97 из Обзора судебной практики Верховного Суда РФ от 1998 г. по известному делу Щербакова). Здесь высшая судебная инстанция подчеркнула, что уголовный закон содержит строго ограниченный перечень форм понуждения, подавления воли потерпевшего (потерпевшей). Не установление таковых свидетельствует об отсутствии состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ.

Стало быть, понуждение в смысле, придаваемом ему практикой высшей судебной инстанции, следует понимать как требование о совершении конкретных действий сексуального характера, сопряженное с шантажом, угрозами посягательства на собственность или использованием зависимости потерпевшего лица.

4. Установление объективной стороны понуждения требует полного и определенного уяснения

каждого из нормативно закреплённых способов его совершения:

- а) шантажа;
- б) угрозы имущественного характера;
- в) использования зависимости жертвы.

Абсолютное большинство специалистов в области уголовного права определяют шантаж через угрозу распространения сведений компрометирующего характера, достоверность которых не имеет квалификационного значения. Заметим, что с такой дефиницией, в сущности, солидарны и правоприменительные органы [13]. В судебных решениях о применении ст. 133 УК РФ достаточно часто можно увидеть формулу обвинения, где суд апеллирует к категории «шантажа», сразу же разъясняя её уголовно-правовое содержание. Например: «Этими своими умышленными действиями «ФИОЗ» совершил преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ, т.е., путем шантажа (угрожая распространением порочащей ее информации) понуждал лицо к половому сношению» [14].

На сегодняшний день шантаж, всё чаще, проявляется через угрозу распространения позорящих лицо сведений, которое оно стремится сохранить в тайне, например, информации о гомосексуальной ориентации жертвы. О.В. Борисова подобные действия обоснованно предлагает квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 133 и ч. 1 ст. 137 УК РФ [15].

Угроза уничтожения, повреждения или изъятия имущества воплощается в материальном мире посредством посягательства на имущество жертвы. Судебной практике известен пример, когда понуждение было реализовано под угрозой уничтожения мобильного телефона (приговор мирового судьи судебного участка № 108 г. Хасавюрта Республики Дагестан от 24 октября 2013 г. по делу № 1-9/2013). Примечательно, что судьи при описании в приговорах соответствующего деяния используют термины «угроза» и «шантаж» в качестве синонимичных конструкций, потому что трактуют шантаж через угрозу распространения позорящих сведений, а угрозу уничтожения имущества – через шантаж. Показателен следующий пример: «Получив отказ от Г.Х. Джалиевой, М.М. Юсупов умышленно, с целью оказания психологического давления на нее и понуждения к половому сношению, стал шантажировать ее тем, что в случае отказа вступить с ним в половую связь, он сломает ее мобильный телефон «Самсунг Гелекси С-3» стоимостью 15490 рублей. Тем самым М.М. Юсупов шантажировал Г.Х. Джалиеву угрозой уничтожения ее имущества» [16].

Фактическое исполнение угроз, как обоснованно отмечает большинство ученых, подлежит дополнительной уголовно-правовой оценке, поскольку иные деяния не охватываются составом понуждения, обеспечивающим охрану отношений половой свободы и неприкосновенности. К примеру, виновный был привлечен к ответственности за умышленное уничтожение чужого имущества и

повреждение официального документа для понуждения жертвы к половому сношению, а именно, за совершение совокупности преступлений, предусмотренных ст. 133, ч. 1 ст. 167 и ч. 1 ст. 325 УК РФ [17].

Следующий способ, которым исчерпывается формальное наполнение диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ – использование материальной или иной зависимости потерпевшего, состоящего с виновным лицом в связи, со структурой известных бинарных отношений: ученик-учитель, студент-преподаватель, подчиненный-начальник, ребенок-родитель и другие.

5. Помимо этого, главный квалификационный вопрос состоит в том, каков характер понуждения в форме использования зависимости: Его реализация имеет место исключительно при умалении прав и законных интересов потерпевшего лица или же и при улучшении его положения? Данная дискуссия была наиболее острой в научных исследованиях по советскому уголовному праву, где аналогичная уголовно-правовая норма обещивала охрану лишь лиц женского пола.

Известны мнения ведущих специалистов о сущности понуждения, которые могут быть сведены к следующим подходам:

- понуждение выражается в действиях, угрожающих законным интересам потерпевшего (понижение в должности, увольнение и т.п.) [18, с. 36];
- понуждение выражается не только в угрожающих действиях, но и обещающих улучшение положения зависимого лица [19, с. 88].

Такие подходы сохраняют свою актуальность, несмотря на распространенный тезис о том, что не образует состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, получение согласия потерпевшего путем обещания оказать какую-либо помощь, льготы, путем обмана и др. По верному утверждению А. Н. Красикова: «Оно не ставит потерпевшего в безвыходное положение» [20, с. 119].

Сопровождая разъяснения Пленума Верховного Суда РФ научным комментарием, категорично раскрывает эту позицию А.Н. Попов. Ученый ограничивает преступный характер подобных действий посягательством только на законные, правоохраняемые права и интересы потерпевшего, приводя пример с угрозой начальника задержать получение очередного воинского звания подчиненному. При этом он исключает преступность деяния, при котором злодей пообещал подчиненному незаконно представить его к очередному воинскому званию, потому что здесь отсутствует использование зависимости, хотя имеет место «уголовно ненаказуемое соблюдение подчиненного» [21 с. 78]. В таком подходе четко обозначено существенное различие между шантажом и использованием зависимости: в первом случае состав понуждения образуется как в отношении достоверных, законных, так и недостоверных, незаконных сведений о жертве; во втором – только правоохраняемые интересы.

Таков генеральный тезис об использовании зависимости: предоставление преимуществ не образует понуждение, потому что оно сводится лишь к ущемлению прав потерпевшего лица. Данное понимание созвучно с характеристикой понуждения в качестве насильственного деяния, сопровождающегося ограничением воли, ее подавлением для получения вынужденного согласия жертвы на вступление в половую связь. В связи с этим, нам представляется справедливым разграничивать понимание понуждения и соблазнения (склонение к сексуальному поведению, контакту обещанием той или иной выгоды), грань между которыми провести далеко не просто. Она зависит от ряда обстоятельств, в том числе, от способа, среди которых наиболее часто приводятся обещание оказать покровительство или иную помощь, предоставить незаслуженные льготы.

«Сущностью понуждения, – как настаивают О.Н. Дядькин и М.Н. Ахмедов, – является именно принуждение выполнить определенные действия». Далее, ученые развивают мысль и показывают, что следует признавать преступным «осуществление услуг сексуального характера в силу обещания не применять заслуженное наказание» [22]. В приведенном примере мы видим, что имеет место уголовно-наказуемое понуждение, потому что, фактически, применение дисциплинарного взыскания составляет собой право работодателя (начальника), но не его обязанность. Выходит, что такое дискреционное полномочие в отношении работника и образует прямую зависимость между виновным и жертвой, что совершенно не может быть сведено к абстрактному «обещанию оказать помощь». Аналогичная ситуация известна судебной практике и научному сообществу по примеру, где генеральный директор под угрозой увольнения понуждал сотрудницу компании к половому сношению.

6. Отдельного внимания требует оценка фактического понуждения к совершению действий сексуального характера путем обмана. Примечательно, что этот вопрос был решен Пленумом Верховного Суда РФ еще в 2004 году: «Действия лица, добившегося согласия женщины на вступление в половое сношение или совершение действий сексуального характера путем обмана или злоупотребления доверием (например, заведомо ложного обещания вступить с ней в брак), не могут рассматриваться как преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (абз. 2 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»). Положением было воспроизведено в действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» в абз. 3 п. 15. Исключение из сферы ст. 133 УК РФ этих действий обычно одобрительно воспринимается специалистами в области уголовного права.

В юридической литературе это явление получило достаточно яркое криминологическое наиме-

нование – «сексуальное мошенничество» [23, с. 12]. Вместе с тем, исключить его общественную опасность в современных условиях противодействия сексуальному харассменту [24, с. 49] мы бы не стали, тем более, в свете правовой позиции Конституционного Суда РФ о накопительном характере общественной опасности (кумулятивный эффект) противоправного посягательства с учетом обязательных и факультативных признаков состава конкретного преступления [25].

На наш взгляд, сферу применения состава понуждения к действиям сексуального характера следует расширить, включив деяния, связанные с обманом или злоупотреблением доверия, по следующим причинам. Основным непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, единогласно признается половая свобода. Как верно замечает Е.А. Котельникова, с которой солидаризируется И.С. Алихаджиева, понуждение к действиям сексуального характера преступно, потому что наличествует ограничение воли жертвы на вступление в половой контакт; при таком ограничении воли жертва не способна полноценно действовать в соответствии со своими намерениями, в результате – нарушается половая свобода [26, с. 8].

Теперь обратимся к понуждению обманом или злоупотреблением доверия. Очевидно, что данные способы, как и шантаж, формируют ошибочные намерения жертвы, то есть, мы наблюдаем ровно такой же порок воли потерпевшего (потерпевшей). Иными словами, в обоих случаях согласие жертвы на вступление в половую связь образуется под неправомысленным психическим воздействием виновного. Как следствие, при результативном понуждении имеет место нарушение половой свободы жертвы. Исходя из этого, сферу применения проанализированного состава преступления целесообразно расширить, включив в него посягательства на половую свободу путем обмана или злоупотреблением доверия. Риски излишней криминализации не наблюдаются, так как преступление остается в категории небольшой тяжести, в то время как политико-правовые условия диктуют потребность во всестороннем обеспечении основных прав и свобод человека, в том числе, уголовно-правовыми средствами.

Резюмируя сказанное, заключим, что надлежащая уголовно-правовая охрана половой свободы на сегодняшний день актуализирована общемировой тенденцией по более пристальному вниманию к обеспечению неприкосновенности личности, её половой свободы. Состав понуждения к действиям сексуального характера справедливо признается насильственным половым преступлением в связи с внешним интеллектуальным воздействием виновного на формирование вынужденного согласия жертвы для вступления в половой контакт. Окончанием данного преступления, а, следовательно, и содержанием понуждения является выражение требования о совершении конкретных действий сексуального характера, сопряженное с шантажом, угрозами посягательства на собственность или использованием зависимости жертвы.

Одновременно считаем спорной исключенность понуждения к действиям сексуального характера путем обмана или злоупотреблением доверия из числа преступных деяний. Применение обмана, в сущности, не лишает понуждение к действиям

сексуального характера общественной опасности. Следовательно, имеются все достаточные основания для расширения сферы применения проанализированного состава преступления по объективному признаку способа его совершения.

Литература:

1. *Seal L. Sexual Violence / L. Seal // Gender, Crime and Justice. Springer Nature, Switzerland AG. 2022. P. 61–92.*
2. *Nona Maria Gronert. Law, campus policy, social movements, and sexual violence: Where do we stand in the MeToo movement? / Nona Maria Gronert // Sociology compass. 2019. Vol. 13.*
3. *Aina-Pelemo A.D. Sexual Harassment and the Law / A.D.Aina-Pelemo, P.A. Ejembi // Jos University Press, Jos. 2020.*
4. *Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Алетейя, 2021. С. 420.*
5. *Дядюн К.В. Понуждение к действиям сексуального характера: проблемы толкования и применения состава / К.В. Дядюн // Lex russica (Русский закон). 2021. № 9(178). С. 57.*
6. *Исакова Ю.И. О некоторых вопросах квалификации и расследования понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) / Ю.И. Исакова, Е.В. Миллеров // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 10(137). С. 97–98.*
7. *О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 дек. 2014 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.*
8. *Яковлев Я.М. Половые преступления : монография. Душанбе : ИРФОН, 1969. С. 18.*
9. *Цэнгэл С.Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 164.*
10. *Комментарий к статье 133 (автор комментария – Г.А. Есаков) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов [и др.]; Под ред. Г.А. Есакова // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) 9-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. СПС «КонсультантПлюс».*
11. *Борисова О.В. Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера О.В. / Борисова // Уголовное право. 2014. № 5. С. 27.*
12. *Безверхов А.О. О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности / А.О. Безверхов // Уголовное право. 2014. № 5. С. 18–24.*

Literature:

1. *Seal L. Sexual Violence / L. Seal // Gender, Crime and Justice. Springer Nature, Switzerland AG. 2022. P. 61–92.*
2. *Nona Maria Gronert. Law, campus policy, social movements, and sexual violence: Where do we stand in the MeToo movement? / Nona Maria Gronert // Sociology compass. 2019. Vol. 13.*
3. *Aina-Pelemo A.D. Sexual Harassment and the Law / A.D.Aina-Pelemo, P.A. Ejembi // Jos University Press, Jos. 2020.*
4. *Gilinskiy Y.I. Deviantology: sociology of crime, narco-Semitism, prostitution, suicide and other «deviations». SPb. : Aletheia, 2021. P. 420.*
5. *Dyadyun K.V. Compulsion to sexual acts: problems of interpretation and application of the composition / K.V. Dyadyun // Lex russica (Russian Law). 2021. № 9 (178). P. 57.*
6. *Isakova Yu.I. On some issues of qualification and investigation of coercion to sexual acts (Art.133 of the Criminal Code of the Russian Federation) / Yu.I. Isakova, E.V. Millerov // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2021. № 10(137). P. 97–98.*
7. *On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04 Dec. 2014 № 16 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 2.*
8. *Yakovlev Ya.M. Sexual crimes : monograph. Dushanbe : IRFON, 1969. P. 18.*
9. *Tsengel S.D. Qualification of violent acts of a sexual nature (Article 132 of the Criminal Code of the Russian Federation) : dis. ... cand. law sciences. SPb., 2004. P. 164.*
10. *Commentary on article 133 (author of the commentary - G.A. Esakov) / K.A. Barysheva, Yu.V. Grachev, R.O. Dolotov [et al.]; Edited by G.A. Yesakov // Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article). 9th ed., Revised and supplemented. M. : Prospect, 2021. SPS «ConsultantPlus».*
11. *Borisova O.V. Questions of qualification of coercion to sexual acts / O.V. Borisova // Criminal law. 2014. № 5. P. 27.*
12. *Bezverkhov A. On some issues of qualification of violent crimes against sexual immaculacy and sexual freedom of the individual / A. Bezverkhov // Criminal Law. 2014. № 5. P. 18–24.*

13. Постановление 35-ого гарнизонного военного суда г. П-Камчатский Камчатского края от 27 июня 2019 г. по делу № 1-29/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление мирового судьи судебного участка № 35 г. Хасавюрта Республики Дагестан от 23 июня 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс»
15. Приговор мирового судьи судебного участка № 105 г. Кизляра Республики Дагестан от 07 февраля 2013 г. по делу № 1-10/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Приговор мирового судьи судебного участка № 108 г. Хасавюрта Республики Дагестан от 24 октября 2013 г. по делу № 1-9/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Приговор мирового судьи судебного участка № 25 г. Избербаша Республики Дагестан от 25 мая 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс».
18. *Геннадиев В.Д.* Защита по делам о половых преступлениях. Л., 1977. С. 36.
19. *Хлынтцов М.Н.* Расследование половых преступлений. Саратов, 1965. С. 88.
20. *Красиков А.Н.* Преступления против личности. Саратов, 1999. С. 119.
21. *Попов А.Н.* О новеллах в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» / А.Н. Попов // Уголовное право. 2016. № 2. С. 78.
22. *Дядькин О.Н.* Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера / О.Н. Дядькин, М.Н. Ахмедов // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3(48). С. 76.
23. *Исаев Н.А.* Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб., 2007. С. 12.
24. *Кокорева В.* Харассмент на работе. Анализ споров / В. Кокорева // Трудовое право. 2020. № 2. С. 49.
25. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.
26. *Алихаджиева И.С.* Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и вовлечение в занятие проституцией: возможна ли квалификация по совокупности? / И.С. Алихаджиева // Уголовное право. 2014. № 5. С. 7–10.
13. Resolution of the 35th Garrison Military Court of the city of P-Kamchatsky of the Kamchatka Territory dated June 27, 2019 in case № 1-29/2019 // SPS «ConsultantPlus».
14. The ruling of the magistrate court plot № 35 in the city of Khasavyurt in the Republic of Dagestan dated 23 June 2011 // SPS «ConsultantPlus».
15. The sentence of the magistrate court plot № 105 of Kizlyar in the Republic of Dagestan dated February 07, 2013 in case № 1-10/2013 // SPS «ConsultantPlus».
16. The sentence of the magistrate court plot № 108 of the city of Khasavyurt, Republic of Dagestan dated October 24, 2013 in case № 1-9/2013 // SPS «ConsultantPlus».
17. The verdict of the justice of the peace of the judicial precinct No. 25 of Izberbash of the Republic of Dagestan dated May 25, 2011 // SPS «ConsultantPlus».
18. *Gennadiyev V.D.* Protection in cases of sexual crimes. L., 1977. P. 36.
19. *Khlyntsov M.N.* Investigation of sexual crimes. Saratov, 1965. P. 88.
20. *Krasikov A.N.* Crimes against the person. Saratov, 1999. P. 119.
21. Popov A.N. On novellas in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual» / A.N. Popov // Criminal Law. 2016. № 2. P. 78.
22. *Dyadkin O.N.* Questions of qualification of compulsion to sexual acts / O.N. Dyadkin, M.N. Akhmedov // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2018. № 3(48). P. 76.
23. *Isaev N.A.* Sexual crimes as an object of criminology. SPb., 2007. P. 12.
24. *Kokoreva V.* Harassment at work. Analysis of disputes / V. Kokoreva // Labor law. 2020. № 2. P. 49.
25. In the case of checking the constitutionality of the provisions of Art. 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10.02.2017 № 2-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2017. № 2.
26. *Alikhajieva I.S.* Crimes against the sexual integrity of minors and involvement in prostitution: is it possible to qualify collectively? / I.S. Alikhajieva // Criminal law. 2014. № 5. P. 7–10.

Коротченкова Марина Владимировна
студентка
Института права
и национальной безопасности,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
korotchenkova.marina@mail.ru

Сметана Наталья Владимировна
студентка
Института права
и национальной безопасности,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
smetanav@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В данной статье рассматривается история возникновения и развития авторского права в Великобритании и США. Авторами анализируются основные этапы становления авторского права в данных странах. А также наиболее значимые нормативно-правовые акты, регулирующие отношения в сфере авторских прав Соединенного Королевства и США; изучается влияние международных правовых актов в сфере защиты авторских прав на внутригосударственное законодательство данных стран; выявляются особенности, присущие каждой стране в сфере защиты авторских прав, а также их схожие черты. Делается вывод о том, что хотя изначально США была реципирована британская модель защиты авторских прав, она имеет свои особенности. Однако сейчас вновь наблюдается сближение данных ввиду регулирования данного вопроса нормами международного права.

Ключевые слова: интеллектуальные права, авторское право, иностранное законодательство, международные правовые акты.

Авторское право на данный момент является необходимым условием развития современного общества. Гарантия защиты данного права со стороны государства поощряет творцов к созданию новых произведений. Становление института авторских прав в Великобритании повлияло на развитие права интеллектуальной собственности в целом, ведь именно здесь впервые законодательно были закреплены положения, регулирующие данный институт. В настоящее время одни из самых прибыльных сфер экономики

Marina V. Korotchenkova
Student
Institute of Law and National Security,
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
korotchenkova.marina@mail.ru

Natalia V. Smetana
Student
Institute of Law and National Security,
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
smetanav@mail.ru

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF COPYRIGHT IN THE UK AND THE USA: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article discusses the history of the origin and development of copyright in the Great Britain and United States. The main stages of the formation of copyright in these countries are studied. The most significant legal acts regulating relations in the field of copyright of the United Kingdom and the United States are analyzed. The influence of international legal acts in the field of copyright protection on the national legislation of these countries is studied. The article identifies the peculiarities inherent in each country in the field of copyright protection, as well as their similarities. It is concluded that although the British model of copyright protection was originally adopted by the United States, it has its own characteristics. However, now again there is a convergence of data due to the regulation of this issue by the norms of international law.

Keywords: intellectual rights, copyright, foreign legislation, international legal acts.

Великобритании и США напрямую связаны с реализацией и защитой таких прав. Но с чего же всё началось?

Первым актом в данной сфере стал Статут о монополиях, принятый парламентом Англии в 1624 г., отменял большинство существовавших монополий, но в то же время сохранял право на патент за истинным и первым изобретателем. Такой патент мог действовать до 14 лет. Таким образом, в них устанавливались правила, регулирующие

защиту исключительных прав, что стало основой для дальнейшего развития данной сферы.

Интересно дело поэта Дж. Мильтона и издателя С. Симмонсона; между ними впервые было заключено соглашение о выплате автору гонорара.

Следующим этапом стало принятие в 1709 г. Статута Королевы Анны [9]. Ученые считают Статут Анны первым статутом современного авторского права. Необходимость данного статута была обусловлена тем, что типографы и книготорговцы перепечатывали и продавали книги без согласия авторов или владельцев таких книг и сочинений, что, несомненно, наносило им ущерб. Статут был направлен на предотвращение данной практики. На книги, напечатанные до даты вступления данного акта в силу, устанавливалось исключительное право и свобода печати сроком на 21 год. Авторы, написавшие книги, приобрели право продать исключительное право печати и переиздания такой книги сроком на 14 лет. В то же время, данный акт стал выгоден издателям и торговцам, а не авторам.

Интерес представляет дело Дональдсон против Беккета (1774 г.) [2]. Этот судебный процесс положил конец так называемой битве книготорговцев, продолжавшейся с момента принятия Статута Анны. Спор состоял в том, действует ли Статут Королевы Анны или общее право Англии? Данный процесс был между шотландскими книготорговцами Дональдсонами и лондонским книготорговцем Беккетом. Некоторые книготорговцы предполагали, что автор по общему праву обладает исключительным правом на публикацию своих собственных произведений бессрочно и, следовательно, может передать это право. Другие же, наоборот, считали, что на это право действует ограничение равное 14 годам по Статуту королевы Анны. Палата пэров поддержала вторую позицию по данному вопросу и заключила, что исключительное право на произведение действует в течении 14 лет и через 14 лет после истечения этого срока, если он проживет так долго. Однако в это же время, по истечении одного или обоих из этих условий, акт предписывает, что право на копирование было прекращено.

Еще одним важным актом стал Закон об авторском праве 1801 г. (Copyright Act 1801) [3], распространяющий действие Статута Анны на Ирландию, а также, являющийся первым законом, в котором используется термин «авторское право».

Закон 1841 года закреплял срок действия авторского права в течении жизни автора и 7 лет после его смерти, либо в течение сорока двух лет с момента его первой публикации (в зависимости от того, что было дольше).

В 1852 году был введен закон для выполнения обязательств Англо-французской конвенции об авторском праве. В нем предусматривалось, что британский монарх мог по распоряжению Совета предоставить иностранным авторам право препятствовать воспроизведению и исполнению их литературных и драматических произведений в переводе. Закон свидетельствует о растущем

влиянии, которое международные стандарты и обязательства оказывали на внутригосударственное право Великобритании.

В 1862 году был принят Закон об авторском праве на изобразительное искусство, который гарантировал защиту авторских прав на картины, рисунки и фотографии в течение всей жизни автора плюс семилетний посмертный срок. Автор получал немущественные права на произведения, а также вводился принцип оригинальности.

В 1886 году была принята Бернская конвенция [1]. С этого момента защита авторских прав стала носить международный характер. Был расширен список объектов, охраняемых авторским правом. В него вошли обращения, драматические произведения, хореографические произведения и пантомимы, топографии и другие (ст. 2). В статье 7 закреплялось, что охрана авторских прав действует во время жизни автора и 50 лет после его смерти. Некоторые отечественные авторы, например Е.М. Полянская и В.Д. Кадовбенко, считают важным условие конвенции, в соответствии с которым «невозможно ставить охрану авторских прав в зависимость от соблюдения каких-либо формальностей, даже если они существуют в стране первой публикации». Они сделали вывод о том, что авторы получили право беспрепятственно оформлять авторство и применять свое право в любом государстве, подписавшем данную конвенцию [8].

После принятия Бернской конвенции развитие авторского права в Великобритании продолжалось. В 1991 году был принят Акт об авторском праве, который устанавливал, что авторское право на произведение возникает вне зависимости от регистрации произведения. Авторское право, согласно данному акту, возникает на произведение с момента его объективации во вне. Срок охраны авторских прав был приведен в соответствие с Бернской конвенцией и составлял соответственно весь период жизни автора и 50 лет после смерти.

Следующим этапом стало принятие Парламентов Великобритании в 1956 году Закона об авторском праве. Однако существенных изменений он не привнес. В законе закреплялось положение об исключительной лицензии и правилах ее заключения.

В 1988 году был принят Закон об авторском праве, промышленных образцах и патентах [5], который действует и сейчас в Великобритании. В 1995 году был продлен срок охраны авторских прав. В соответствии с новым законом, он составляет все время жизни автора и 70 лет после его смерти.

Одновременно с этим, авторское право зарождается и в британских колониях. В 18 веке США были, преимущественно, аграрной страной, соответственно, о должном внимании к авторскому праву речи и не шло. Статут королевы Анны, о котором мы говорили ранее, не распространялся на данные территории. До 1783 года законы, защищающие авторские права, были приняты лишь в

трех штатах. Новый виток развития данный вопрос получил после издания Континентальным конгрессом резолюции, призвавшей установить срок защиты авторского права – не менее 14 лет с момента первой публикации. В дальнейшем, семь штатов примут Статут королевы Анны как основу своей правовой системы. В этих штатах будет установлен срок защиты авторского права – 14 лет с возможностью продления еще на 14 лет. В пяти оставшихся штатах срок защиты права составил 14 лет и 21 год без права продления. Единственный штат, не принявший устав – Дэлавер.

В 1787 г. в рамках Филадельфийского Конвента Джеймсом Мэдисоном и Чарльзом Пинкни было предложено включение в Конституцию США пункта об авторском праве [4], который в итоге был принят. В соответствии с ним, Конгрессу предоставлялись полномочия по принятию законов об авторском праве.

Закон об авторском праве был принят и вступил в силу в 1790 г. В соответствии с данным актом, авторы получили исключительное право на издание и реализацию «карт, графиков и книг», период действия, которого составлял 14 лет. В связи с этим, к авторам предъявлялся ряд требований, например, им было необходимо включать в работу надлежащее уведомление об авторских правах. Данный срок можно было продлить еще на 14 лет, если он истек до смерти автора. Можно говорить о том, что с этого момента складывается двойная система регулирования авторских прав, что существенно усложнило наблюдение за соблюдением законодательства в данной сфере. На федеральном уровне защита таких прав осуществлялась федеральными законами, а на местном – на основе норм общего права. Необходимо отметить, что Закон об авторском праве, за исключением некоторых положений, практически полностью повторял Статут королевы Анны. Можно сделать вывод о том, что с данного момента британская модель защиты авторского права с незначительными изменениями устанавливается и на территории США.

Литература:

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 г. (ред. от 28.09.1979 г.) // Бюллетень международных договоров. 2003. №9.
2. Дело Дональдсон против Беккета. URL : <http://www.commonlii.org/uk/cases/EngR/1774/47.pdf> (дата обращения 17.11.2021).
3. Дизли Р. Комментарий к Закону об авторском праве 1801, в Первоисточниках по авторскому праву (1450–1900) / Р. Дизли; Ред. Л. Бентли и М. Кречмер. 2008. URL : www.copyrighthistory.org (дата обращения 17.11.2021).
4. Доннер И. Статья об авторском праве Конституции США: Почему Разработчики Включили Ее с

Закон об авторском праве 1831 г. внес некоторые изменения в авторское право США [6]. Так, срок защиты авторского права составил 28 лет с возможностью продления на 14 лет, в список работ, защищенных данным законом, внесли также и печатные версии музыкальных произведений. В 1909 г. допустимый срок продления защиты авторских прав был изменен с 14 на 28 лет.

Как нами было отмечено ранее, двойная система регулирования авторских прав существенно усложняла контроль за исполнением законов в данной сфере. С принятием закона об авторском праве 1976 г. данная проблема была решена путем замены данной системы на единую федеральную [7]. Изменился и процесс защиты авторских прав в суде. Теперь, обвиняемый в нарушении авторских прав, не мог быть привлечен к ответственности в суде какого-либо штата. Срок авторского права составляет всю жизнь автора плюс 50 лет, если же речь идет о компаниях – 75 лет.

На этом развитие авторского права США не прекратилось. В 1992 году было отменено «правило продления». В 1998 году срок действия авторского права продлили, и он составил соответственно период жизни автора и 70 лет после смерти (в ряде случаев 95/120). Кроме того, за некоторые случаи нарушения авторского права была установлена уголовная ответственность.

Таким образом, авторское право Великобритании и США прошло огромный путь от самого факта возникновения, заимствования другими странами и дальнейшего развития до современного состояния. Интересным фактом является то, что хотя, изначально в США была реципирована британская модель защиты авторских прав, в дальнейшем она приобрела некоторые особенные черты, продолжив ещё более стремительное развитие, но при этом крайне осторожно увеличивала сроки действия авторских прав. В 20 веке вновь происходит сближение взглядов этих стран на авторское право вследствие того, что данный вопрос стал регулироваться нормами международного права в условиях развития глобализации.

Literature:

1. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 09.09.1886 (ed. of 28.09.1979) // Bulletin of International Treaties. 2003. № 9.
2. The case of Donaldson v. Beckett. URL : <http://www.commonlii.org/uk/cases/EngR/1774/47.pdf> (date of application 17.11.2021).
3. Dizli R. Commentary on the Copyright Law 1801, in the Primary Sources on Copyright (1450–1900) / R. Dizli; Edited by L. Bentley and M. Kretschmer. 2008 URL : www.copyrighthistory.org (date of application 17.11.2021).
4. Donner I. The Copyright Clause of the U.S. Constitution: Why Did the Framers Include It with Unanimous

Единодушным одобрением? / И. Доннер // Американский журнал истории права. 1992. № 36(3) (июль). С. 361–378.

5. Закон об авторском праве, промышленных образцах и патентах (получил Королевское одобрение 15 ноября 1988 года). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents> (дата обращения 17.11.2021).

6. Закон США об авторском праве 1831 г. (принят на 21 съезде Конгресса 03 февраля 1831 года). URL : https://www.ellenwhite.info/copyright_law_us_1831.htm (дата обращения 17.11.2021).

7. Закон об авторском праве 1976 года (принят на 94 съезде Конгресса 19 февраля 1976 года). URL : <https://www.copyright.gov/title17/title17.pdf> (дата обращения 17.11.2021).

8. Полянская Е.М. История возникновения и развития авторского права в Российской Федерации и в зарубежных странах / Е.М. Полянская, В.Д. Кадовбенко // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-avtorskogo-prava-v-rossiyskoy-federatsii-i-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения 17.11.2021).

9. Статут королевы Анны (принят Парламентом Великобритании 10.04.1710). URL : <https://www.historyofinformation.com/detail.php?entryid=3389> (дата обращения 17.11.2021).

Approval? / I. Donner // The American Journal of Legal History. 1992. № 36(3) (July). P. 361–378.

5. Copyright, Designs and Patents Act (received Royal Assent on 15 November 1988). URL : <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents> (date of application 17.11.2021).

6. The US Copyright Act of 1831 (adopted at the 21st Congress of Congress on February 03, 1831). URL : https://www.ellenwhite.info/copyright_law_us_1831.htm (date of application 17.11.2021).

7. The Copyright Act of 1976 (adopted at the 94th Congress of the Congress on February 19, 1976). URL : <https://www.copyright.gov/title17/title17.pdf> (date of application 17.11.2021).

8. *Polyanskaya E.M.* The history of the origin and development of copyright in the Russian Federation and in foreign countries / E.M. Polyanskaya, V.D. Kadovbenko // Legal Bulletin of Samara University. 2018. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-avtorskogo-prava-v-rossiyskoy-federatsii-i-v-zarubezhnyh-stranah> (date of application 17.11.2021).

9. The Statute of Anne (adopted by the Parliament of Great Britain on 10.04.1710). URL : <https://www.historyofinformation.com/detail.php?entryid=3389> (date of application 17.11.2021).

Корчагин Александр Юрьевич
Заслуженный юрист Кубани,
доктор юридических наук,
профессор
Kgau-uf@mail.ru

СУДЕБНЫЕ СИТУАЦИИ В МЕТОДИКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Криминалистические методики судебного разбирательства уголовных дел представляет собой систему теоретических положений и, основанных на них, научно-практических рекомендаций по оптимальному построению на основе положений уголовно-процессуального закона. В работе рассмотрено понятие «судебная ситуация» как элемент криминалистической методики судебного разбирательства уголовных дел. Изложены виды, структура и содержание судебных ситуаций, их роль в методике и тактике судебного рассмотрения уголовных дел.

Ключевые слова: судебная ситуация, судебное разбирательство, криминалистическая методика судебного разбирательства.

Криминалистические методики судебного разбирательства уголовных дел представляет собой систему теоретических положений и, основанных на них, научно-практических рекомендаций по оптимальному построению на основе положений уголовно-процессуального закона. Важное значение в методике имеет определение алгоритма и содержания судебных действий, которые влияют на качество их производства. Алгоритм таких действий в случаях возможности его построения в пределах положений УПК, во многом зависит от судебных ситуаций, складывающихся в процессе разбирательства.

Криминалистикой вопрос о следственной ситуации изучен с достаточной полнотой. В работах А.Н. Колесниченко, Р.С. Белкина, В.К. Гавло, В.И. Шиканова, Т.С. Волчецкой и других исследованы понятие, содержание, значение следственных ситуаций в расследовании и выработке научно-практических рекомендаций по применению полученных знаний в практике расследования.

Ученые, начиная от А.Н. Колесниченко, первым давшим определение следственной ситуации [1, с. 509], отмечают, что под следственной ситуацией понимается совокупность фактических данных уголовного дела, характеризующая процесс расследования в определенный момент. Эти данные характеризуют условия, обстановку, в которой протекает процесс доказывания [2, с. 91–92],

Alexander Yu. Korchagin
Honored Lawyer of the Kuban,
Doctor of Law,
Professor
Kgau-uf@mail.ru

JUDICIAL SITUATIONS IN THE METHODOLOGY OF JUDICIAL PROCEEDINGS

Annotation. Forensic methods of criminal trial are a system of theoretical provisions and, based on them, scientific and practical recommendations for the optimal construction on the basis of the provisions of the criminal procedure law. The paper considers the concept of a judicial situation as elements of a forensic methodology for the trial of criminal cases. The types, structure and content of judicial situations, their role in the methodology and tactics of judicial review of criminal cases are described.

Keywords: judicial situation, judicial proceedings, forensic methods of judicial proceedings.

состояние процесса расследования, сложившегося в определенный момент [3, с. 93], представление о сущности расследуемого события на определенном этапе расследования [4, с. 90].

Следственная ситуация связана с методикой и тактикой расследования, так как влияет как на выбор следственных действий, последовательность их производства, так и на тактику производства этих действий.

Менее изучен вопрос о судебных ситуациях. Отметим, что ряд ученых полагает, что существует учение о криминалистических ситуациях, выделяя в их числе и судебные ситуации [5, с. 121]. Полагаем, что можно согласиться с таким мнением, ибо судебная ситуация, в общем, является разновидностью криминалистической ситуации.

Судебная ситуация также характеризует состояние только судебного разбирательства, а не расследования, в определенный момент или период времени. В.Г. Гавло так определял ее: «Складывающаяся в ходе судебного следствия обстановка, характеризующая наличием у суда установленных доказательств события преступления и совершившего лица, условиями и обстоятельствами, в которых эти доказательства исследуются и получают новые» [6, с. 69].

В целом соглашаясь с данным определением судебной ситуации, отметим сразу, что В.К. Гавло,

почему-то, ограничивает действие отдельной судебной ситуации только судебным следствием. Между тем, судебная ситуация складывается на начальном этапе судебного рассмотрения уголовного дела. В.Г. Ульянов такие ситуации называет судебно-следственными [7, с. 40].

Действительно, после окончания расследования и к моменту назначения судьей уголовного дела к заседанию существует определенное положение, характеризующее объем (количество) доказательств события преступления, виновности подсудимого. Фактически, ситуация окончания расследования перерастает в судебную ситуацию, но в ходе подготовительных действий и к моменту судебного заседания она может измениться.

В структуре судебных ситуаций одним из основных элементов является объем и содержание доказательственной информации. Известно, что эта величина не всегда постоянна и склонна к изменениям. Поэтому содержание судебной ситуации после поступления уголовного дела в суд может изменяться. Большей частью это связано с влиянием реализации принципа состязательности, противоположных интересов стороны обвинения и защиты. По этим и иным причинам теоретически подсудимый может частично или полностью изменить свои показания, данные им на предварительном следствии. Изменение показаний участников процесса является основной причиной изменения и судебной ситуации.

Анализируя содержание судебной ситуации, можно выделять ряд влияющих на него факторов объективного и субъективного характера. К числу объективных факторов относятся:

- полнота и объективность расследования, установление обстоятельств события преступления и виновности конкретного лица;
- объем и содержание доказательств, обосновывающих выводы обвинительного заключения;
- качество проверки оправдательных обстоятельств;
- ориентирующая информация об условиях судебного разбирательства.

Субъективные факторы:

- бесконфликтное течение судебного разбирательства;
- противодействие заинтересованных лиц;
- профессионально-психологические качества судьи, государственного обвинителя, защитника;
- характер управления судебным процессом председательствующим.

Таким образом, судебная ситуация – это положение судебного разбирательства, определяемое

объемом, содержанием судебных доказательств и иной информации, имеющейся у суда в начале судебного разбирательства или в процессе его осуществления.

Наиболее распространенные факторы, влияющие на содержание судебной ситуации, на ее изменения:

- заявление ходатайств о дополнении и проверки имеющихся доказательств в ходе подготовки к судебному заседанию;
- неявка в судебное заседание одного или нескольких вызванных участников процесса;
- изменение показаний подсудимого;
- изменение показаний потерпевшим, свидетелями;
- выдвижение участниками, чаще подсудимым, новой версии невиновности, в том числе сообщение новых сведений об оправдательных обстоятельствах:
- иные результаты повторных или дополнительных судебных экспертиз в суде;
- изменение доказательств вследствие исследования их в судебном заседании;
- получение судом новых доказательств.

Вследствие появления одного или нескольких указанных факторов перед судом возникает задача восполнять пробелы досудебного следствия путем исследования имеющихся и получения новых доказательств.

Может возникать судебная ситуация не устраненных противоречий в системе доказывания. Необходимо попытка их устранения путем новых судебных действий. При невозможности производства таковых недоказанные обстоятельства исключаются. Возможен и оправдательный приговор, если речь идет о недоказанности обвинения.

Практическое значение имеет деление судебных ситуаций на простые, усложненные и сложные. Оно важно для всех участников процесса. Особая значимость влияния сложности судебной ситуации перед началом судебного рассмотрения уголовного дела имеет для председательствующего. Он должен предполагать о тактике, которую изберут стороны в судебном следствии; попытаться создать условия для бесконфликтного хода разбирательства; знать особенности разбирательства различных категорий уголовных дел, перечень промежуточных фактов и предвидеть содержание разбирательства при любом предполагаемом и реальном изменении судебной ситуации.

Знание теоретических положений судебных ситуаций способствует повышению качества судебного разбирательства.

Литература:

1. *Колесниченко А.Н.* Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : дис. ... д-р юрид. наук. Харьков, 1967.
2. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988.
3. *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия. М., 1997.
4. *Гавло В.К.* О следственной ситуации и методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц / В.К. Гавло // Вопрос криминалистической методики, тактики и методике расследования. М., 1973.
5. *Кисленко С.Л.* Судебное следствие: состояние и перспективы развития / С.Л. Кисленко, В.И. Комиссаров. М., 2003.
6. *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.
7. *Ульянов В.Г.* Государственное обвинение в Российском уголовном судопроизводстве. М., 2002.

Literature:

1. *Kolesnichenko A.N.* Scientific and legal bases of investigation of certain types of crimes : dis. ... doctor of law. Kharkiv, 1967.
2. *Belkin R.S.* Criminalistics: problems, trends, prospects. From theory to practice. M., 1988.
3. *Volchetskaya T.S.* Criminalistic situalogy. M., 1997.
4. *Gavlo V.K.* On the investigative situation and methods of investigation of embezzlement committed with the participation of officials / V.K. Gavlo // The question of criminalistic methodology, tactics and methods of investigation. M., 1973.
5. *Kislenko S.L.* Judicial investigation: state and prospects of development / S.L. Kislenko, V.I. Komissarov. M., 2003.
6. *Gavlo V.K.* Theoretical problems and practice of application of methods of investigation of certain types of crimes. Tomsk, 1985.
7. *Ulyanov V.G.* State prosecution in Russian criminal proceedings. M., 2002.

Ларин Виктор Юрьевич
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности,
Рязанский филиал
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
подполковник полиции
v.yu.larin@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа нормы УК РФ, регламентирующей ответственность за оскорбление сотрудника органов внутренних дел. На основе исследования и обобщения законодательного и теоретического материала, анализа судебной практики, а также, подходов лингвистов к оскорблению представителя власти, автором делается вывод о несоразмерности подходов к уголовной ответственности сотрудников органов внутренних дел и уголовно-правовой охране их чести и достоинства при исполнении должностных полномочий. Автором обосновывается позиция о необходимости исключения неприличной формы оскорбления из числа обязательных признаков преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, а также, включения квалифицированного и особо квалифицированного составов: за оскорбление сотрудника органов внутренних дел и оскорбление, совершенное с использованием средств массовой информации или общедоступных ресурсов информационно-телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова: уголовная ответственность, представитель власти, сотрудник органов внутренних дел, оскорбление, неприличная форма, преступление.

Публичное оскорбление сотрудника органов внутренних дел, осуществляющего функции представителя власти, квалифицируется, как правило, по ст. 319 УК РФ. В данной норме, как и в УК РФ, в целом, понятие «оскорбление» не раскрывается. При этом в УК РФ достаточно много видов оскорбления (военнослужащего, чувств верующих, участников судопроизводства и др.). После декриминализации ст. 130 УК РФ право-

Victor Yu. Larin
Senior Lecturer
of the Department of Administrative Law
and Administrative Activity,
Ryazan branch
of the Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot,
Police Lieutenant Colonel
v.yu.larin@yandex.ru

THE CURRENT STATE OF THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION ON RESPONSIBILITY FOR INSULTING AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AND PROSPECTS FOR ITS IMPROVEMENT

Annotation. The article presents the results of the analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation regulating responsibility for insulting an employee of the internal affairs bodies. On the basis of research and generalization of legislative and theoretical material, analysis of judicial practice, as well as approaches of linguists to insulting a representative of the authorities, the author concludes that the approaches to criminal responsibility of employees of internal affairs bodies and criminal protection of their honor and dignity in the performance of official duties are disproportionate. The author substantiates the position on the need to exclude an indecent form of insult from among the mandatory signs of a crime provided for in Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the inclusion of qualified and specially qualified personnel: for insulting an employee of the internal affairs bodies and an insult committed using mass media or publicly available resources of information and telecommunication networks.

Keywords: criminal liability, government representative, law enforcement officer, insult, indecent form, crime.

применитель вынужденно обращается к Кодексу об административных правонарушениях РФ (ст. 5.61), в рамках которого регулируются совершенно другие общественные отношения. В связи с этим, С.С. Киселев справедливо предложил закрепить понятие оскорбления в ст. 319 УК РФ [13, с. 143–144]. Такое предложение, на наш взгляд, направлено на соблюдение принципа законности, согласно которому преступность и

наказуемость деяния определяется уголовным законом, поэтому необходимо, чтобы все признаки оскорбления представителя власти были отражены именно в УК РФ.

В уголовно-правовой науке сложилось фактически единое мнение относительно понимания оскорбления как негативной (отрицательной) оценки личности, которая унижает честь и достоинство и дискредитирует ее как в собственных глазах, так и в общественном мнении [4, с. 36; 8, с. 215; 23, с. 99; 16, с. 165; 1, с. 302; 5, с. 73; 14, с. 49]. Именно негативно-оценочным характером оскорбление принципиально отличается от клеветы. При клевете честь и достоинство унижаются через распространение заведомо ложных (проверяемых) фактов о человеке, а при оскорблении – путем пренебрежительно-негативной оценки личности со стороны виновного. Пренебрежительное отношение к потерпевшему является ключевым фактором оскорбления, влекущим унижение чести и достоинства представителя власти.

В науке уголовного права не сложилось единого представления о том, является признак неприличной формы обязательным для определения оскорбления представителя власти. Ряд авторов указывает на то, что неприличная форма выражения обязательна для оскорбления [3, с. 225; 7, с. 147; 15, с. 136–141]. Есть и противники такой позиции, обосновывающие свое мнение разными обстоятельствами. Одни ссылаются на декриминализацию простого оскорбления (ст. 130 УК РФ), которое содержало указанный признак [27, с. 368; 13, с. 93]. Ю.В. Ганжа верно заметила, что оскорбить можно и в вежливой (приличной) форме [6, с. 19]. Е.В. Смоляков пишет, что «применение признака «неприличная форма» не оправдано» [23, с. 101]. Т.К. Агузаров, Ю.В. Грачева, А.И. Чуцаев свою позицию обосновывают тем, что основным непосредственным объектом данного преступления является не личность, а отношения в сфере порядка управления [1, с. 302].

Нет единства среди лингвистов по поводу того, входит ли определение неприличной формы в компетенцию эксперта. Одни авторы указывают на то, что задача лингвистической экспертизы – в установлении наличия или отсутствия в тексте лингвистических признаков унижения и неприличной формы его выражения [10, с. 93]. Другие исключают из предмета данной экспертизы установление неприличной формы [25, с. 243]. Мы придерживаемся второй точки зрения, поскольку понятие «неприличная форма» носит комплексный характер и затрагивает не столько лингвистику, сколько этику. Верно замечает И.И. Саженин, указывая, что «наличие в вопросе, поставленном эксперту, понятия «неприличие», провоцирует лингвиста на выход за пределы его компетенции» [22, с. 336]. Стоит отметить, что в заключениях лингвистической экспертизы об установлении неприличной формы, эксперт свой вывод обосновывает теми же аргументами, что и унижительность [26]. Тем самым, неприличная форма выражения отождествляется с унижительностью.

Верховный Суд РФ также указал на то, что «непристойность формы высказывания оценивается судом» [11]. Аналогичной позиции придерживались некоторые ученые еще в период действия УК РСФСР [24, с. 47; 2, с. 25].

Определение оскорбления через такой объективно-субъективный критерий, как «неприличная форма», используемый советским законодателем, является, на наш взгляд, инерционным умозаключением, основанном на широком использовании предыдущего законодательного опыта. Как-либо четких объективных критериев установления неприличной формы не существует.

Понятие «неприличие» не отражает юридической сути оскорбления и относится к категории этики. Поведение, в ходе которого происходит унижение чести и достоинства представителя власти, уже само по себе противоречит любым нормам поведения в обществе. Ни правовые, ни моральные нормы не допускают разрешения такого рода поведения. Коммуникативная ситуация «представитель власти – оскорбитель» всегда предполагает официально-властный характер отношений между ее участниками. Кроме того, неприличность и унижительность выступают дублирующими друг друга признаками. Никакое унижительное обращение нельзя признать приличным.

Таким образом, под оскорблением следует понимать публичное унижение чести и достоинства представителя власти в связи с осуществлением им должностных полномочий. Унижение чести и достоинства происходит через отрицательную оценку личных и (или) профессиональных качеств представителя власти. При этом критика, которая не унижает честь и достоинство представителя власти, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ.

Специальной нормы, в которой потерпевшим от оскорбления выступал бы именно сотрудник органов внутренних дел, в УК РФ не содержится. Вместе с тем, по результатам изучения 526 уголовных дел, рассмотренных судами различных регионов России за 2009–2021 гг., мы выявили, что 94 % этих преступлений совершаются именно в отношении вышеуказанных лиц. Это объяснимо спецификой осуществляемых функций, когда ежедневная работа связана с противодействием правонарушениям и преступлениям. Именно эти сотрудники чаще других сталкиваются с противодействием их деятельности.

Признавая важность, значимость и специфичность деятельности сотрудников органов внутренних дел, признанную на уровне Конституционного Суда РФ [18], законодатель продемонстрировал особое отношение к данной категории представителей власти. В частности, в 2010 году в УК РФ включено в качествеотягчающего обстоятельства совершение преступления сотрудником органов внутренних дел (п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ) и в специальной норме установлена уголовная ответственность за неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа (ст. 2861 УК РФ) [19]. Также, сотрудники указанных органов, наряду с другими представителями власти,

могут быть привлечены к уголовной ответственности за действия, совершенные в ходе исполнения должностных полномочий (например, за преступления, предусмотренные ст. 285, 286, 290, 292, 293, 300, 301, 302, 303, 309, 316, 159, 160 УК РФ). Это свидетельствует об установлении законодателем повышенной уголовной ответственности за преступления в случае их совершения сотрудником органов внутренних дел. При этом в УК РФ нет ни одной нормы, специально направленной на охрану именно этой категории лиц.

Санкция ст. 319 УК РФ не содержит такого вида наказания как лишение свободы, в связи с чем, она имеет не высокий карательный потенциал. Размер штрафа от 5 000 рублей (ч. 2 ст. 46 УК РФ) до 40000 рублей, по нашему мнению, не способен в полной мере обеспечить предупредительный характер уголовно-правовых норм. С таким выводом согласились 73 % опрошенных нами респондентов (сотрудников правоохранительных органов и ученых-юристов). Для сравнения уместно обратиться к ч. 2 ст. 2981 УК РФ, в которой регламентируется ответственность за клевету в отношении следователя или дознавателя (они являются представителями власти и могут быть сотрудниками органов внутренних дел). Санкция данной нормы предусматривает наказание в виде штрафа в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет. Клевета и оскорбление исторически рассматривались как смежные деяния, обладающие примерно одинаковым уровнем опасности для общества. Однако сравнение санкций демонстрирует явное социальное несоответствие при их установлении.

Сравнение санкции ст. 319 УК РФ с санкциями некоторых административных правонарушений показывает, что административный штраф может быть выше штрафа как уголовного наказания: по ч.2 ст. 5.61 УК РФ до 50 тысяч рублей, по ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ от 30 до 100 тысяч рублей.

Таким образом, можно сделать вывод о законодательном нарушении внутриотраслевой и межотраслевой взаимосвязи между санкциями ст. 319 УК РФ и ст. 1281, 2981 УК РФ, а также - санкциями ст. 5.61, ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ.

Для устранения сложившейся законодательной асимметрии, учитывая исторический опыт, особый правовой статус сотрудников органов внутренних дел, признанный Конституционным Судом РФ, а также то, что они наиболее часто из всех представителей власти подвергаются оскорблениям (94 %), поскольку, в силу выполняемых задач и функций, обладают повышенной виктимностью, предлагаем включить в ст. 319 УК РФ квалифицирующий признак в виде оскорбления сотрудника органов внутренних дел.

Современная уголовная политика демонстрирует тенденцию усиления ответственности за использование при совершении отдельных преступлений информационно-телекоммуникационных технологий. При этом обусловленность повышения общественной опасности применительно к каждому преступлению индивидуальна.

Оскорбление представителя власти все чаще совершается с использованием сети «Интернет». Оно может быть выражено в размещении оскорбительной информации посредством использования общедоступных ресурсов информационно-телекоммуникационных сетей (блогов, социальных сетей, форумов, подкастов, каналов и т.п.), в том числе, в сети «Интернет». За последние годы самым известным и резонансным стало дело «мажоров на Гелендвагене». Виновные грубо нарушали правила дорожного движения в Москве на автомобиле марки «Мерседес Гелендваген» и не останавливались на требования сотрудников ДПС. Одновременно, они осуществляли видеотрансляцию происходящего в сети «Интернет», в ходе которой длительное время сопровождали свои действия оскорбительными высказываниями в адрес сотрудников полиции, которые осуществляли их преследование [20]. Подобные преступления не являются рядовыми, но всегда вызывают широкий общественный резонанс.

Стоит отметить, что в уголовно-правовой науке уже были предложения усилить ответственность за совершение оскорбления представителя власти с использованием способов, выражающих не просто публичность, а массовость и максимально широкий охват лиц, которым оскорбление становится доступным для восприятия. Причем, предлагаются разные варианты: совершение деяния через средства массовой информации [21, с. 13; 12, с. 11–12,22], посредством сети «Интернет» [15, с. 176], с применением инновационных технологий [9, с. 143]. Ни одно из предложенных нельзя принять, поскольку оскорбление через сеть «Интернет» может вообще не носить публичного характера, а термин «инновационные технологии» чрезвычайно широкий и не имеет нормативного закрепления.

На наш взгляд, применительно к рассматриваемому преступлению следует выделять два уровня публичности. Первый заключается в присутствии при оскорблении других лиц (как правило, несколько). Второй, более высокий уровень публичности (условно назовем его «суперпубличность») предполагает, что оскорбление становится доступным для восприятия практически неограниченному кругу лиц. Такая публичность имеет место при использовании средств массовой информации и общедоступных ресурсов информационно-телекоммуникационных сетей. Виновный намеренно использует такие способы, при которых внимание сосредоточено именно на нем, на его словах, действиях или их результате.

Указанные обстоятельства позволяют нам предложить дополнить ст. 319 УК РФ квалифицированным (особо квалифицированным) составом, установив повышенную ответственность за оскорбление представителя власти, совершенное с использованием средств массовой информации и общедоступных ресурсов информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети «Интернет»). Общедоступными ресурсами следует считать такие, которые содержат информацию, доступ к которой не ограничен [17]. К таковым будут относиться сайты открытого доступа, страницы в социальных сетях с открытым профилем, блоги и т.п.

Таким образом, действующее российское уголовное законодательство об ответственности за оскорбление сотрудника органов внутренних дел содержит ряд недостатков, создающих сложности в правоприменительной деятельности. Его совершенствование должно быть направлено на

Литература:

1. *Агузаров Т.К.* Уголовно-правовые проблемы охраны власти: история и современность : монография / Т.К. Агузаров, Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М. : Проспект, 2016. 336 с
2. *Блинова Л.И.* Преступления против порядка управления : учеб. пособие / Л.И. Блинова, А.Д. Горбуза [и др.]. М. : Высшая школа МВД СССР, 1970. 68 с.
3. *Боровиков В.Б.* Уголовное право. Общая часть: учебник для прикладного бакалавриата / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 225 с.
4. *Брагина А.Г.* Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Брагина Анна Григорьевна. Красноярск, 2006. 236 с.
5. *Вертепова Т.* Уголовно-правовое понятие и содержание оскорбления как преступления против достоинства личности / Т. Вертепова // Современное право. 2008. № 5-1. С. 72–76.
6. *Ганжа Ю.В.* Преступления против чести и достоинства личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 24 с.
7. *Гулиева Н.Б.* Некоторые проблемы квалификации неуважения к суду / Н.Б. Гулиева, Т.Г. Черненко // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-2(62). С. 147–150.
8. *Есаков Г.А.* Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чучаев. М. : Проспект, 2010. 569 с.
9. *Журавлев С.В.* К вопросу о внесении изменений в ст. 319 УК РФ / С.В. Журавлев, В.М. Мамакина // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 22. С. 142–144.
10. *Изотова Т.М.* Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении / Т.М. Изотова, В.О. Кузнецов, А.М. Плотникова // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 92–98.
11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06 апреля 2010 года по делу № 65-О10-1. URL : <http://vsrf.ru> (дата обращения 10.09.2021).
12. *Кизилев А.Ю.* Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кизилев Андрей Юрьевич. Ульяновск, 2002. 26 с.

закрепление в УК РФ основных признаков оскорбления представителя власти, исключив бланкетность данной нормы, а также - на включение отдельных, усиливающих ответственность признаков.

Literature:

1. *Aguzarov T.K.* Criminal-legal problems of protection of power: history and modernity : monograph / T.K. Aguzarov, Yu.V. Gracheva, A.I. Chuchaev. M., 2016. 336 p.
2. *Blinova L.I.* Crimes against the order of management : manual / L.I. Blinova, A.D. Gorbuza [et al.]. M. : Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1970. 68 p.
3. *Borovikov V.B.* Criminal law. General part: textbook for applied bachelor's degree / V.B. Borovikov, A.A. Smerdov. 4th edition, revised and supplemented. M., 2018. 225 p.
4. *Bragina A.G.* Criminal liability for insulting a representative of the authorities : dis. ... cand. law sciences: 12.00.08 / Bragina Anna Grigoryevna. Krasnoyarsk, 2006. 236 p.
5. *Vertepova T.* The criminal-legal concept and content of insults as crimes against the dignity of the individual / T. Vertepova // Modern law. 2008. № 5-1. P. 72–76.
6. *Ganzha Yu.V.* Crimes against the honor and dignity of the individual: criminal law and criminological characteristics : abstract. dis. ... cand. law sciences. Krasnodar, 2007. 24 p.
7. *Guliyeva N.B.* Some problems of qualification of contempt of court / N.B. Guliyeva, T.G. Chernenko // Bulletin of Kemerovo State University. 2015. № 2-2 (62). P. 147–150.
8. *Esakov G.A.* The table book of a judge in criminal cases / G.A. Esakov, A.I. Rarog, A.I. Chuchaev. M. : Prospect, 2010. 569 p.
9. *Zhuravlev S.V.* On the issue of amendments to Art. 319 of the Criminal Code of the Russian Federation / S.V. Zhuravlev, V.M. Mamakina // Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition. 2014. № 22. P. 142–144.
10. *Izotova T.M.* Methods of conducting forensic linguistic expertise in cases of insult / T.M. Izotova, V.O. Kuznetsov, A.M. Plotnikova // Theory and practice of forensic examination. 2016. № 1(41). P. 92–98.
11. The appeal decision of the Judicial Board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation of April 06, 2010 in case № 65-A10-1. URL : <http://vsrf.ru> (date of application 10.09.2021).
12. *Kizilov, Y. A.* Criminal and legal support of management of the authorities : author. dis. ... cand. law sciences: 12.00.08 / Kizilov Andrey Yuryevich. Ulyanovsk, 2002. 26 p.

13. *Киселев С.С.* Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Киселев Сергей Сергеевич. Омск, 2013. 175 с.
14. *Козелецкая Н.И.* Особенности уголовной ответственности за оскорбление / Н.И. Козелецкая // Борьба с преступностью: теория и практика: Тезисы докладов VII Международной научно-практической конференции, Могилев, 05 апреля 2019 года. Могилев : Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2019. С. 49–52.
15. *Кузьмин А.В.* Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08/ Кузьмин Антон Владимирович. Краснодар, 2016. 226 с.
16. *Наумов А.В.* Российское уголовное право: курс лекций : в 3 т. М. : Федеральная палата адвокатов РФ, 2016. Т. 2. 537 с.
17. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.03.2021).
18. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 54 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.04.2009 № 566-О-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.01.2021).
19. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 22.07.2010 № 155-ФЗ // СЗРФ, 26.07.2010. № 30. Ст. 3986.
20. Приговор Гагаринского районного суда г. Москвы от 17 октября 2016 года по уголовному делу № 01-0373/2016 // Архив Гагаринского районного суда г. Москвы. 2017.
21. *Рудый Н.К.* Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Рудый Наталья Кирилловна. М., 2009. 39 с.
22. *Саженин И.И.* Неприличная форма высказывания: этика, лингвистика, право / И.И. Саженин // Лингвокультурология. 2016. № 10. С. 331–338.
23. *Смоляков Е.В.* Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Смоляков Евгений Викторович. Краснодар, 2015. 182 с.
24. *Сухарев Е.А.* Охрана жизни, чести и достоинства работников милиции и народных дружинников / Е.А. Сухарев, Н.И. Трофимов. М. : Юрид. лит., 1970. 64 с.
13. *Kiselev S.S.* Criminal and legal protection of honor and dignity of employees of internal affairs bodies : dis. ... cand. law sciences: 12.00.08/ Sergey Sergeevich Kiselyov. Omsk, 2013. 175 p.
14. *Kozeletskaya N.I.* Features of criminal liability for insult / N.I. Kozeletskaya // Fighting crime: theory and practice: Abstracts of the VIIIth International Scientific and Practical Conference, Mogilev, April 05, 2019. Mogilev : Educational Institution «Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus», 2019. P. 49–52.
15. *Kuzmin A.V.* Criminal and legal protection of the identity of law enforcement officers : dis. ... cand. law sciences: 12.00.08/ Kuzmin Anton Vladimirovich. Krasnodar, 2016. 226 p.
16. *Naumov A.V.* Russian criminal law: a course of lectures : in 3 vol. / A.V. Naumov. M. : Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, 2016. Vol. 2. 537 p.
17. On information, information technologies and protection of information: the Federal law of 27.07.2006 № 149-FZ // SPS «ConsultantPlus» (date of application 10.03.2021).
18. Refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Kuznetsov Andrey Viktorovich violation of his constitutional rights by part seven of art. 54 of the Regulations on service in bodies of internal Affairs of the Russian Federation: the definition of the constitutional Court of the Russian Federation dated 16.04.2009 № 566-O-O // SPS «ConsultantPlus» (date of application 10.01.2021).
19. On amendments to the criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation: Federal law dated 22.07.2010 № 155-FZ // SZRF, 26.07.2010. № 30. Art. 3986.
20. The verdict of the Gagarinsky district court of Moscow of October 17, 2016 in criminal case № 01-0373/2016 // Archive of Gagarinsky District Court of Moscow. 2017.
21. *Rudy N.K.* Crimes against the order of management, encroaching on the official activities and personality of government representatives: a comparative analysis of the legislation of Russia and CIS countries : abstract dis. ... of d-r. law sciences: 12.00.08 / Rudy Natalia Kirillovna. M., 2009. 39 p.
22. *Sazhenin I.I.* Indecent form of utterance: ethics, linguistics, law / I.I. Sazhenin // Linguoculturology. 2016. № 10. P. 331–338.
23. *Smolyakov E.V.* Criminal legal counteraction to crimes that infringe on the health, honor and dignity of a representative of the authorities : dis. ... cand. law sciences: 12.00.08 / Smolyakov Evgeny Viktorovich. Krasnodar, 2015. 182 p.
24. *Sukharev E.A.* Protection of life, honor and dignity of police officers and people's vigilantes / E.A. Sukharev, N.I. Trofimov. M. : Legal lit., 1970. 64 p.

25. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина; Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2010. Ч. I. 568 с.

26. Уголовное дело № 1-19/2016 // Архив мирового судьи судебного участка № 67 Шиловского районного суда Рязанской области. 2018.

27. Филиппов П.А. О необходимости декриминализации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) / П.А. Филиппов // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3(20). С. 365–371.

25. Standard expert methods of investigation of material evidence / Ed. cand. of technical sciences Yu.M. Dildin; General edition of the candidate of technical sciences V.V. Martynova. M. : ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. Part I. 568 p.

26. Criminal case № 1-19/2016 // Archive of the Justice of the Peace of the judicial precinct № 67 of the Shilovsky District Court of the Ryazan region. 2018.

27. *Filippov P.A.* On the need to decriminalize criminal liability for insulting a representative of power (Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation) / P.A. Filippov // *Baltic Humanitarian Journal*. 2017. Vol. 6. № 3(20). P. 365–371.

Лозовский Денис Николаевич
доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
dlozovsky@mail.ru

Халиш Тимур Байзетович
магистрант,
Кубанский государственный университет
dlozovsky@mail.ru

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье авторами рассмотрены отдельные элементы криминалистической характеристики мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Проанализированы способы подготовки, совершения и сокрытия исследуемой категории преступлений, механизм слеодообразования. Выявлены корреляционные связи между отдельными элементами.

Ключевые слова: методика расследования мошенничества в сфере предпринимательской деятельности; криминалистическая характеристика; способы подготовки, совершения и сокрытия мошенничества в сфере предпринимательской деятельности; механизм слеодообразования.

Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности – особая категория уголовных дел. Это интеллектуальные преступления, отличающиеся порой особой изощренностью и циничностью. Предпринимательская деятельность – вид деятельности чрезвычайно важный в масштабах всего государства и весьма привлекательный для преступного мира, поскольку сопряжен с постоянным оборотом денежных средств, нередко – высокой доходностью и т.д. В этой связи следственная деятельность, как разновидность деятельности ретроспективной, сталкивается с серьезной проблемой, связанной с тем, что мошенник всегда совершенствует способы совершения преступления, способы сокрытия его следов и старается идти на шаг впереди, противодействует расследованию. Именно поэтому очень важно к проблеме расследования мошенничества в сфере предпринимательства подходить с позиций самых современных разработок криминалистической науки. В этих целях научные

Denis N. Lozovsky
Doctor of Law,
Assistant Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
dlozovsky@mail.ru

Timur B. Khalish
Master's student,
Kuban State University
dlozovsky@mail.ru

ON THE ISSUE OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF FRAUD IN THE FIELD OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Annotation. In the article, the authors consider certain elements of the criminalistic characteristics of fraud in the field of entrepreneurial activity. The methods of preparation, commission and concealment of the investigated category of crimes, the mechanism of trace formation are analyzed. Correlations between individual elements are revealed.

Keywords: methods of investigation of fraud in the field of entrepreneurial activity; criminalistic characteristics; methods of preparation, commission and concealment of fraud in the field of entrepreneurial activity; the mechanism of trace formation.

исследования указанной проблематики представляются весьма актуальными.

Особенности данной категории мошенничества обуславливают особый подход к его расследованию, успешность которого зависит от осведомленности следователя об уникальных способах и механизмах его совершения, от знаний криминалистической характеристики преступления, куда входят некоторые данные о личности мошенников с учетом особенностей субъектного состава деяния, предмет и обстановка совершения мошенничества.

Как отмечает Н.П. Яблоков, знание типовой криминалистической характеристики вида преступления обеспечивает успешное расследование преступлений [1].

Способы хищения чужого имущества, связанные с мошенничеством всегда связаны с обманом,

злоупотреблением доверием. Содержательно они представляют собой подготовку к совершению преступления, а также способы непосредственного совершения преступления и сокрытия преступления [2].

Подготовка к совершению мошенничества в сфере бизнеса заключается в следующем. Исключительно субъект предпринимательской деятельности, зарегистрированный в соответствующем порядке в соответствующем статусе, может совершить такое мошенничество. По этой причине, будущий мошенник должен вначале стать субъектом предпринимательской деятельности. То есть, он должен пройти регистрацию в компетентных органах в качестве индивидуального предпринимателя или зарегистрировать юридическое лицо, с помощью которого он в будущем реализует преступную деятельность. Если регистрируется юридическое лицо, то в подавляющем большинстве случаев уставный капитал такого юридического лица минимален. Это связано с желанием минимизировать издержки. Тем более, что реальной деловой активности не предполагается; кассовая техника также, как правило, не приобретается.

Вместе с этим, злоумышленником решаются задачи затруднения его последующего обнаружения и розыска. Для этих целей юридические лица регистрируются по адресам, не имеющим отношения, либо имеющим косвенное отношение к мошеннику. Такими местами выступают кратко-срочно арендованные помещения, места проживания близких и т.п. [3].

Учредителями таких юридических лиц выступают лица, не участвующие в его деятельности в действительности. Очень часто учредители вовсе не осведомлены о его существовании.

Поскольку мошенничество в сфере предпринимательской деятельности – деятельность, наполненная интеллектуальной проработкой и содержательной сложностью, мошенник, как правило, ищет соучастников и распределяет между ними роли в совершении преступления. При этом каждый соучастник рассчитывает на материальную выгоду. Преступник может скрывать свою личность, действуя через посредников или интернет-ресурсы, либо не использовать личные контакты с потерпевшим.

Следующей задачей, которую решает злоумышленник во время подготовки к совершению преступления, является выбор жертвы. Для этого производится анализ рынка для поиска соответствующего объекта для посягательства. В связи с всё большим распространением предпринимательской деятельности в сети Интернет (особенно эта тенденция усилилась в связи с пандемией COVID-19), нарушители закона часто прибегают к созданию собственных сайтов, где создается видимость предпринимательской деятельности. Там же размещаются механизмы перевода денег электронным способом на счет мошенника. Также довольно широко используется оптовая покупка товара на таких сайтах, обмен

договорами в электронном виде, перевод денег и последующая не поставка товара.

На первом этапе мошенник стремится вступить в договорные правоотношения с будущим потерпевшим. Субъектом предпринимательства (мошенником) избирается одна из следующих линий поведения:

1. Направление оферты с ожиданием заключения соглашения;
2. Выстраивание реальных деловых отношений с партнером (как правило, краткосрочных).

Второй случай – модель, рассчитанная на некую долгосрочность и создание более прочных доверительных отношений, когда злоумышленник создает репутацию добросовестного контрагента, заключает одно или более соглашений с потенциальной жертвой и выполняет взятые на себя обязательства в соответствии с условиями договора, для того чтобы в дальнейшем воспользоваться доверием потерпевшей стороны и совершить хищение ее имущества [2].

Злоумышленнику необходимо ввести потерпевшего в заблуждение по поводу выгоды заключения договора и выгоды передачи злоумышленнику имущества. Для этих целей используются самые разнообразные схемы. Их цель сводится к убеждению партнёра в том, что партнер (мошенник) в состоянии качественно и в срок выполнить свои обязательства по соглашению сторон (хотя, как правило, у него отсутствует необходимая документация и инфраструктурная составляющая для этого).

Злоумышленником может быть предоставлен неоригинальный товар, товар иного производителя и худшего качества. На созданном мошенником сайте организации размещается не соответствующая действительности информация. Во многих случаях, мошенническая деятельность в предпринимательстве подразумевает предоставление подложных документов и отчетности. Могут имитироваться кассовые расчеты.

Также потерпевшему злоумышленник сообщает ложные сведения различного рода, связанные с ценой товара, его качеством, самом юридическом лице, его учредителях и собственниках, руководителе, заключенных ранее сделках и бизнес-истории.

Для того, чтобы существенно снизить риски быть привлеченным к юридической ответственности, мошенник старается заключить с потенциальной жертвой договор. Как правило, в условиях договора фигурирует предоплата, а текст договора формируется таким образом, чтобы невозможным оказалось одновременное исполнение сторонами условий договора.

Заключая договор, мошенник пытается уйти от использования в нем формулировок, обеспечивающих исполнение обязательств, а также положить об ответственности сторон. Условие о первичном исполнении потерпевшим своих обязательств становится одним из существенных условий договора.

Как гарантию ухода от ответственности злоумышленник рассчитывает на меры, которые он принял при подготовке к совершению преступления, либо во время его совершения:

1) предоставление ложной информации о себе (адрес организации, её наименование и т.д.) при заключении сделки как условие, при котором личность мошенника невозможно будет установить.

2) ложный адрес регистрации юридического лица и предпринимателя как условие, при котором невозможно будет установить его местонахождение.

Также преступник может предпринимать активные действия, направленные непосредственно на сокрытие следов преступления. Среди таких действий переименование организации, её ликвидация, смена адреса регистрации, уничтожение документации, сопровождающей бизнес-процессы, закрытие банковских счетов организации и т.д. [4]. Что касается механизма следообразования, то в случае совершения мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, сложно выделить нечто особенное, хотя свои нюансы есть. При совершении указанного вида мошенничества также остаются следы, которые можно назвать идеальными и материальными. Идеальные следы – это те следы, которые не имеют материального выражения и остаются в памяти человека. Материальные же следы – это такие следы, которые отражены в предметах материального мира. Их можно увидеть и осязать.

Мошенник и потерпевшее лицо во время взаимодействия в рамках договорных отношений имеют неоднократный личный визуальный контакт. По

Литература:

1. Криминалистика : в 5 т. Т. 1: История криминалистики / Отв. ред. тома Н.П. Яблоков. М. : Юрайт, 2019.
2. Залескина А.Н. Способы совершения мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности / А.Н. Залескина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. Вып. 1. Ч. II. С. 96–108.
3. Курмаев Р.Р. Методика расследования мошенничества на рынке ценных бумаг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. URL : <http://lawtheses.com/metodika-rassledovaniya-moshennichestva-na-rynke-tsennyh-bumag> (дата обращения 10.10.2021).
4. Савченко А. Неисполнение обязательств: гражданско-правовое нарушение или мошенничество? URL : <http://www.audit-it.ru/articles/account/court/a52/186079.html> (дата обращения 10.10.2021).

этой причине у потерпевшего имеется прекрасная возможность хорошо запомнить особенности внешности злоумышленника: его облик, манера держаться в общении, особенности речевого аппарата и артикуляции, стиль одежды и аккуратность её ношения, нюансы характера и темперамента, индивидуальные особенности внешности (шрам, родинка и т.д.). Имеют место случаи, когда визуальный контакт с мошенником получают члены семьи и близкого окружения потерпевшего. Что также дает преимущества в поиске мошенника.

К следам материального типа можно отнести, конечно же, документы. Это документы, которые хранят на себе следы подделки и иных действий, связанных с попыткой обмануть потерпевшего. Например, если способом определения партнера по договору являются конкурсные процедуры (т.н. аукционы), то вполне вероятно в качестве материальных следов останутся документы, фальсификация которых помогла выиграть соответствующий конкурс.

Помимо прочего, на бумажных документах также можно обнаружить отпечатки пальцев и иные микрочастицы, которые будут полезны при расследовании уголовного дела.

Кроме того, имеют зачастую значение технические средства, использованные для изготовления соответствующих документов, бланков, печатей, факсимиле и т.д.

Таким образом, анализ отдельных элементов криминалистической характеристики мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, выявление корреляционных связей между ними способствует повышению эффективности расследования исследуемой категории преступлений.

Literature:

1. Criminalistics : in 5 vol. Vol. 1: History of Criminalistics / Ed. of vol. N.P. Yablokov. M. : Yurayt, 2019.
2. Zaleskina A.N. Methods of committing fraud involving deliberate non-fulfillment of contractual obligations in the field of entrepreneurial activity / A.N. Zaleskina // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2019. Iss. 1. Part II. P. 96–108.
3. Kurmaev R.R. Methods of investigation of fraud in the securities market : abstract. dis. ... cand. law M., 2004. URL : <http://lawtheses.com/metodika-rassledovaniya-moshennichestva-na-rynke-tsennyh-bumag> (date of application 10.10.2021).
4. Savchenko A. Non-fulfillment of obligations: civil violation or fraud? URL : <http://www.audit-it.ru/articles/account/court/a52/186079.html> (date of application 10.10.2021).

Мамчун Владимир Вячеславович

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
vladimir_mamchun@mail.ru

Vladimir V. Mamchun

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Theory
and the history of the State
and law Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
vladimir_mamchun@mail.ru

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР
В МЕХАНИЗМЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ
ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ПРАВА**

**PROFESSIONAL FACTOR
IN THE MECHANISM FOR DETERMINING
THE DYSFUNCTIONALITY OF LAW**

Аннотация. Статья посвящена исследованию темы о роли профессионального фактора в детерминации дисфункциональности права. Автором анализируется специфика профессионального фактора, в качестве которой отмечаются его роль в формировании функций и дисфункций права, амбивалентность и кумулятивный характер. Рассматриваются детерминанты самого профессионального фактора, среди которых особое внимание обращается на состояние образования и негативные тенденции в юридической практике и в профессиональном правосознании.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the role of the professional factor in determining the dysfunctionality of law. The specificity of the professional factor is analyzed, in the quality of which its role in the formation of functions and dysfunctions of law, ambivalence and cumulative nature are noted. The determinants of the professional factor itself are considered, among which special attention is paid to the state of education and negative trends in legal practice and in professional legal consciousness.

Ключевые слова: право, дисфункциональность, функция, дисфункция, факторы, детерминация, амбивалентность фактора, кумулятивный характер фактора, профессиональное правосознание, юридическая практика, деконституционализация, нигилизация профессионального правосознания, конституционализация.

Keywords: law, dysfunction, function, dysfunction, factors, determination, ambivalence of a factor, cumulative nature of a factor, professional legal awareness, legal practice, deconstitutionalization, nihilization of professional legal awareness, constitutionalization.

Дисфункциональность права – такое его состояние, которое характеризуется наличием в составе его функциональных единиц наряду с функциями, дисфункций или функций-девиаций. Последние представляют собой неосновные направления воздействия права на регулируемые общественные отношения, не соответствующие его назначению, целям, задачам и принципам. Обеспечивая реализацию интересов отдельных социальных субъектов, они противоречат интересам общества, в целом, и, в этом смысле, являются явлением социально вредным, требующим соответствующего реагирования со стороны общества и государства. Такое реагирование возможно в форме целенаправленного воздействия на факторы, детерминирующие содержание и структуры права, объем дисфункций в общем объеме его функциональных единиц, характер и масштаб дисфункциональных последствий и др. В свою очередь, необходимым условием успешности такого воздействия является выявление, анализ и ранжирование факторов

дисфункциональности, изучение роли каждого из них в механизме ее детерминации [1, с. 5].

Особое место в этом механизме занимает профессиональный фактор, что обусловлено его ролью в формировании функций/дисфункций, амбивалентностью и кумулятивным характером. Его роль в детерминации состава функциональных единиц права заключается в следующем. Право представляет собой создаваемый обществом инструмент для удовлетворения общесоциальных потребностей посредством организации нормального социального взаимодействия и обеспечения социального прогресса. Для достижения этой цели и решения, вытекающих из нее соответствующих задач, право должно обладать соответствующими свойствами, которые закладываются в него при его создании. Способность оказания правом упорядочивающего воздействия определенного рода (регулятивного, охранительного) и его направленность на достижение соответствующего результата той или иной области

общественных отношений (экономическая, духовная, социальная, экологическая и др. сферы общественной жизни) выражается в его функциях. В то же время, это упорядочивающее воздействие может осуществляться как в интересах всего общества, т.е., в интересах, выведенных за классовые, клановые, корпоративные и иные «скобки», так и в интересах с общесоциальными не совпадающих. В первом случае, воздействие обеспечивается функциями права, во втором – является результатом его дисфункций. При этом и функции, и дисфункции, что важно для понимания роли профессионального фактора, есть непосредственный результат его влияния на процессы правотворчества, нормативного и казуального толкования и применения права, выраженный в качестве нормативно-правовой и поднормативной регламентации общественных отношений, а также, в обусловленных ею экономических, идеологических, социальных и иных последствиях.

Амбивалентность профессионального фактора выражается в том, что в зависимости от его качественного состояния, его воздействие на дисфункциональность права может носить неоднозначный, двойственный характер. С одной стороны, высокий профессионализм, являющийся симбиозом развитого профессионального правового и нравственного сознания, профессиональное и житейского опыта обеспечивает формирование и реализацию функций права и способствует снижению уровню его дисфункциональности. С другой – отсутствие или недостаток профессиональных знаний, отсутствие или недостаточная сформированность правовых установок – готовности к осуществлению профессиональной юридической деятельности в режиме законности, при обязательности признания приоритета прав и свобод личности как высшей правовой ценности, верховенства Конституции, перерождение профессионального правосознания, моральный нигилизм и др., трансформируют его в фактор дисфункциональности права. Таким образом, действие профессионального фактора характеризуется разнонаправленностью, которая, в свою очередь, обуславливается его качественным состоянием.

Кумулятивный характер профессионализма субъектов юридической деятельности выражается в следующем.

Во-первых, состояние профессионального правового сознания – это результат действия различных социальных и правовых факторов (образование, опыт, уровень правовой и общей культуры носителя и общества в целом, уровень развития юридической техники и степень овладения ею субъектом, экономические условия осуществления деятельности, политические установки, официальная идеология и др.), действие которых в отношении назначения, целей, задач и принципов права может быть положительным или отрицательным.

Во-вторых, это сумма накопленных эффектов действия детерминирующих его факторов – как положительных, так и отрицательных.

Профессиональное правосознание – это единственный инструмент субъекта юридической деятельности, используемый им для социально-преобразующего воздействия на общественные отношения. В силу этого, он выступает объектом воздействия иных социально-правовых факторов и, одновременно, проводником их влияния на качественное состояние права, его функциональные возможности, соотношение его функций с дисфункциями. Преломляясь через профессиональное сознание законодателя, правоинтерпретатора и правоприменителя, эффекты соответствующего детерминирующего влияния накапливаются и усиливаются в нем и уже через него проявляются в результатах юридической деятельности.

В связи с этим, значительный интерес представляет вопрос о детерминантах, обуславливающих ненадлежащее качество самого профессионального фактора и оказание им положительного воздействия на дисфункциональность права.

Вполне очевидно, что способность профессионального фактора к детерминации дисфункциональности в праве обусловлена целым рядом обстоятельств объективного и субъективного порядка, и обретение им положительной валентности, т.е. однозначной способности положительного влияния на состояние права, его содержание, структуру и функции возможно только в условиях нормального (справедливого) государства [5, с. 198)].

В то же время, нам представляется необходимым обратить на внимание на ряд наиболее влиятельных в интересующем нас аспекте факторов, в частности, на состояние образования и некоторые взаимосвязанные тенденции, проявляющиеся в юридической практике и профессиональном правосознании.

Профессиональное правосознание в значительной степени есть результат образования, не только получаемого будущим юристом в вузе, но и школьного. Не прекращающееся в течение двух десятилетий перманентное реформирование, привело его сегодня в состояние, которое некоторые авторы называют «территорией управляемой катастрофы» [2; 3].

Качественное образование, в том числе и юридическое, возможно только при условии превращения его из территории катастрофы в территорию развития человеческого потенциала. Вполне очевидно, что система юридического образования сегодня нуждается в конструктивных контрреформах, способных перевести его из сферы оказания образовательных услуг в сферу ответственности государства перед обществом. Образование должно снова стать функцией государства, обусловленной его социальным предназначением. Контрреформы должны обеспечить гармонизацию формы и содержания образовательной деятельности, направить активность профессорско-преподавательского состава на достижение главной цели – обеспечение качественного юридического образования будущих юристов. Также,

необходимо существенное увеличение бюджетных затрат на подготовку юристов, так как «дешевые» юристы дорого обходятся государству и обществу. В ряде случаев, ценой юридической ошибки может стать исковерканная судьба человека, а также – значительные, а порой и невосполнимые, моральные и материальные потери. Подготовка юриста с точки зрения временных и материальных затрат не должна отличаться от подготовки врача.

Профессиональное правосознание функционирует в определенной идеологической и деятельности среде, которая оказывает на него существенное влияние. В этой связи, следует обратить внимание на две взаимосвязанные тенденции. Первая из них характеризует снижение конституционного влияния на процессы правотворчества и правоприменения. Это, своего рода, тенденция к деконституционализации юридической практики, в рамках которой положения действующей конституции не принимаются во внимание при издании и применении нормативно-правовых актов. Наглядным свидетельством этому является практика использования региональным законодателем правоограничений в ситуации борьбы с распространением коронавируса. С сожалением приходится констатировать, что указ губернатора или решение санитарного чиновника сегодня важнее действующей конституции.

Вторая тенденция, характеризует состояние профессионального правосознания, это - нигилизация, выраженная в деформации правовых установок, в непризнании авторитета конституции и

ее верховенства, умаление ценности прав и свобод человека, допущение отступления от принципов законности. Один из известных отечественных политических деятелей, юрист по образованию, высказал идею о том, что «в определенных ситуациях общественная безопасность всего населения важнее соблюдения прав и свобод отдельного гражданина»[4]. Разделяя эту идею, одновременно укажем на необходимость оговорки о том, что любое ограничение прав и свобод отдельного гражданина должно осуществляться только на основании закона, в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 55 Конституции. Отсутствие такой оговорки у автора идеи и признание возможности значительного ущемления права непривитых граждан лицом, которое, в определенный период, по должности выступало гарантом этой самой конституции, прав и свобод человека и гражданина, понимания встретить не может. Любые ограничения прав и свобод могут осуществляться только в соответствии с законом и только в той мере, в которой этого требует объективная необходимость. Отсюда, очевидна потребность в конституцилизации права и профессионального правового сознания, понимаемая их как процесс приведения в соответствие с положениями конституции позитивного права, юридической практики и правовой идеологии, что требует консолидированных усилий гражданского общества и государства для преодоления кризисных тенденций. Как нам представляется, именно действующая конституция, хотя и обоснованно подвергаемая критике, выступает сегодня единственным якорем, удерживающим правовую систему России от дрейфа в море неопределенностей и рисков.

Литература:

1. *Карташов В.Н.* Механизм детерминации правовой системы общества / В.Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2015. № 14(14). С. 3–18.
2. *Ларионов А.Э.* Российское образование – территория управляемой катастрофы. Ключевые термины и постановка проблемы / А.Э. Ларионов, А.В. Новичков // Социально-гуманитарные технологии. 2020. № 2(18). С. 102–110.
3. *Ларионов А.Э.* Российское образование – территория управляемой катастрофы : Ч. 2: Идеология разрушения / А.Э. Ларионов, А.В. Новичков // Социально-гуманитарные технологии. 2020. № 4(16). С. 73–82.
4. *Медведев Д.А.* Шесть уроков одной пандемии. URL : <https://rg.ru/2021/11/01/dmitrij-medvedev-o-proshlom-nastoiashchem-i-budushchem-borby-s-covid-19.html> (дата обращения 08.11.2021).
5. *Толстик В.А.* Концептуальные основы нормального (справедливого) государства и их конституционное закрепление / В.А. Толстик // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14 № 1. С. 186–200.

Literature:

1. *Kartashov V.N.* The mechanism of determination of the legal system of society / V.N. Kartashov // Actual problems of theory and history of the legal system of society. 2015. № 14(14). P. 3–18.
2. *Larionov A.E.* Russian education is the territory of a manageable catastrophe. Key terms and problem statement / A.E. Larionov, A.V. Novichkov // Social and humanitarian technologies. 2020. № 2(18). P. 102–110.
3. *Larionov A.E.* Russian education - the territory of a controlled catastrophe: part 2. The ideology of destruction / A.E. Larionov, A.V. Novichkov // Social and humanitarian technologies. 2020. № 4(16). P. 73–82.
4. *Medvedev D.A.* Six lessons from one pandemic. URL : <https://rg.ru/2021/11/01/dmitrij-medvedev-o-proshlom-nastoiashchem-i-budushchem-borby-s-covid-19.html> (date of application 08.11.2021).
5. *Tolstik V.A.* Conceptual foundations of a normal (fair) state and their constitutional consolidation / V.A. Tolstik // Actual problems of economics and law. 2020. Vol. 14 № 1. P. 186–200.

Михайлов Алексей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
urgantfk@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Аннотация. Борьба с преступностью отличается сложным объектом воздействия. Он выражен как в совершенном или совершаемом преступлении, так и в наличии замысла по его совершению. Это предполагает разные формы воздействия. На стадии обнаружения преступного замысла и на стадии неоконченного преступления формы воздействия характеризуются реализацией, в первую очередь, профилактической функции. В контексте предотвращения преступления, эта функция является преобладающей. В рамках пресечения преступления, реализуется одновременно с охранительной функцией и решает задачу недопущения наступления общественно опасных последствий преступления в полном объеме.

Ключевые слова: борьба с преступностью, предупреждение преступности, предотвращение преступлений, пресечение преступлений.

Государственная политика в области противодействия преступности реализуется в рамках разных направлений, позволяющих осуществить комплексное воздействие на данное негативное социально-правовое явление и его последствие. Одним из таких направлений является борьба с преступностью, объектом которой выступают замысливаемые, совершаемые и совершенные уголовно-наказуемые деяния.

Анализ федерального законодательства Российской Федерации, а также, результатов

Alexey E. Mikhailov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
the Legal Provision of State
and Municipal Administration,
Vladimir branch
Russian Academy of National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
Administration urgantfk@mail.ru

Sergey A. Semenov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
kurlak09@rambler.ru

**CRIMINOLOGICAL ASPECT
OF THE FIGHT AGAINST CRIME**

Annotation. The fight against crime is characterized by a complex object of influence. It is expressed both in the crime committed or being committed, and in the presence of an intention to commit it. This implies different forms of influence. At the stage of detection of a criminal intent and at the stage of an unfinished crime, the forms of influence are characterized by the implementation of the preventive function in the first place. Within the framework of crime prevention, this function is predominant. As part of the suppression of a crime, it is implemented simultaneously with the protective function and solves the problem of preventing the occurrence of socially dangerous consequences of a crime in full.

Keywords: crime fighting, crime prevention, crime prevention, crime suppression.

исследований ученых-криминалистов позволяет включить в объем борьбы с преступностью такие компоненты, как предупреждение (предотвращение) преступлений; выявление преступлений; пресечение преступлений; раскрытие преступлений; расследование преступлений; применение мер уголовно-правового воздействия [5]. В таком логическом расположении данные компоненты отчасти соответствуют развитию механизма преступного поведения и последующей государственно-правовой реакции на него во времени и, по сути, представляют из себя различающие по

характеру этапы воздействия на общественные отношения, возникающие в связи с замышляемым, совершаемым или совершенным преступлением. Именно эти преступления и формируют объект борьбы с преступностью

Следует отметить, что объект борьбы с преступностью разнороден. Воздействие на него протекает как перспективно (на уровне замышляемого преступления и отчасти приготовления к преступлению, когда его юридические признаки не позволяют привлечь лицо к уголовной ответственности (по преступлениям небольшой и средней тяжести)), так и ретроспективно (при признаках неоконченного и оконченного преступления).

Перспективное воздействие на объект борьбы с преступностью преследует цель недопущение совершения преступления, в связи с чем, имеет явно выраженный профилактический характер при сохранении, свойственных для борьбы с преступностью, принудительных методов воздействия. Эти методы проявляются в таких компонентах борьбы с преступностью, как предупреждение (предотвращение) преступлений и пресечение преступлений. Интересно отметить, что категории, обозначающие данные компоненты борьбы с преступностью, несмотря на свою распространенность, как в правоприменительной деятельности, так и в науке, а также, давнюю историю применения в контексте правоохранительной деятельности, нередко обнаруживают определенную дискуссионность.

Предупреждение преступления в классическом понимании представляет из себя выявление и устранение причин и условий преступлений, что является центральным компонентом другого направления противодействия преступности – профилактики преступлений. Очевидно, что позиция законодателя, фактически дублирующего предупреждение преступности в рамках профилактики правонарушений и в рамках борьбы с ними в федеральных законах о противодействии коррупции и терроризму, требует дальнейшего изучения и корректировки.

А.Г. Лекарь отмечал, что предупреждение преступлений представляет из себя деятельность по установлению лиц, обнаруживающих намерение совершить преступление и склонению их к отказу от этого намерения. При этом предупреждение наряду с профилактикой (выявлением и устранением причин и условий преступлений), а также пресечением (деятельностью по недопущению совершаемых преступлений) являются компонентами предотвращения преступлений [4]. Нам представляется, что именно такая позиция легла в основу конструирования законодателем понятия «борьба с правонарушениями (коррупционными и террористической направленности) в части включения в него компонента «предупреждение правонарушений». Однако это не объясняет включение этого же компонента в понятие «профилактика правонарушений».

В целом, данный подход в настоящий момент в науке криминологии применяется крайне мало. Во многом это связано с оценкой семантики слов.

В частности, если обратиться к смысловому значению слова «предотвратить», то становится очевидно, что предотвращение преступлений представляет из себя недопущение их совершения. Например, С.И. Ожегов толкует слово «предотвратить» как «заранее отвратить», а «отвратить» соответственно – «не дать осуществиться чему-нибудь плохому». При этом предупредить означает «заранее принятыми мерами отвратить [6]. При внешнем сходстве данных слов нам представляется, что предупреждение предполагает более ранний уровень воздействия на какие-либо отношения, поскольку допускает применение для этого специальных мер заранее.

Еще более четко разница просматривается у В.И. Даля, который использует для толкования слова «предотвращение» такие сочетания, как «предустраним», «отвратить завременим порядком», «устранить ранними мерами, загодя» «предупреждение» такие сочетания, как «быть прежде, наперед», «отклонить», избавиться от чего заранее» [1]. Как мы видим, при оценке сущности «предотвращения» применяется слово «устранить», значение которого и у В.И. Даля и у С.И. Ожегова сводится к наличию неминуемой опасности. То есть, предотвращение преступности – деятельность связанная с недопущением именно замышляемых преступлений.

В настоящий момент в криминологии распространена и другая точка зрения. Например, Г.А. Аванесов в смысловом плане воспроизводит ранее рассмотренную систему А.Г. Лекаря, но использует иные термины. Так, обобщающую форму воздействия он именует не предотвращением преступности, а предупреждением, а ее элементы соответственно: профилактикой (воздействие причины и условия еще не совершенных преступлений), предотвращением преступлений (воздействием на криминогенную ситуацию, характеризующуюся проявлением преступного замысла еще не приобретшего самостоятельного уголовно-правового значения) и пресечением преступлений (воздействие на уже начатое и совершаемое преступление [3].

Как мы видим, в данном случае Г.А. Аванесов фактически поменял местами термины «предотвращение» и «предупреждение», в результате чего, данная система стала более семантически выверенной.

Не вдаваясь в полемику по поводу соотношения понятий профилактика и предупреждение преступности, отметим, что с учетом объекта борьбы с преступностью, предупреждение преступности как ее компонент следует рассматривать в значении предотвращения преступлений. Следует отметить, что подобный взгляд получил довольно широкое распространение в современной отечественной криминологии [7].

А.И. Долгова отмечала, что предотвращение преступности, также, как и пресечение, представляет из себя своеобразный мостик между предупреждением в классическом понимании данного термина и последующей правоохранительной

деятельностью, связанной ориентированной на привлечение лица, совершившего преступление к уголовной ответственности [2]. Действительно, предотвращение преступлений влияет не на преступление как таковое, а только на его причины и условия, хотя и находящиеся на таком уровне развития, когда совершение преступления становится неизбежным или очень вероятным, т.к. преступный замысел у лица уже сформировался.

Характеризуя пресечение преступлений, отметим, что данный термин, в целом, не характеризуется наличием какой-либо заметной полемики и понимание его сущности и большинства криминологов и криминалистов единое. Традиционно, под пресечением преступлений понимается деятельность, направленная на прекращение происходящего преступления [7]. В целом, такой подход полностью соответствует значению слова

Литература:

1. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 3 т. Т. 3: «П». М. : GI иностранных и национальных словарей, 1955. 555 с.
2. *Долгова А.И.* Криминология : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. 1008 с.
3. *Аванесов Г.А.* Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, Д.И. Аминов; Под ред. Г.А. Аванесов. 6-е изд.; Перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 576 с.
4. *Лекарь А.Г.* Профилактика преступлений. М. : Юридическая литература, 1972. 104 с.
5. *Михайлов А.Е.* Объем деятельности по борьбе с преступностью / А.Е. Михайлов // Ученые записки. 2021. № 2. С. 99–104.
6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Ок. 53000 слов / С.И. Ожегов; Под общ. ред. Проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : ООО «Оникс», 2005. 1200 с.
7. *Шведко А.В.* Соотношение понятий «предупреждение», «пресечение» и «профилактика» в контексте исследования коррупционной преступности / А.В. Шведко // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 1 С. 177–179.

«пресечь», что означает прекратить, остановить силой, резким вмешательством [6].

Подводя итог изложенному, отметим, что борьба с преступностью, отличаясь сложным объектом воздействия, выраженном как в наличном преступлении, так и в существовании замысла по его совершению, предполагает и разные формы воздействия. На стадии обнаружения преступного замысла и на стадии неоконченного преступления, формы воздействия характеризуется реализацией, в первую очередь, профилактической функции. В рамках предотвращения преступления эта функция является преобладающей, а в рамках пресечения преступления реализуется одновременно с охранительной функцией и решает задачу недопущения наступления общественно опасных последствий преступления в полном объеме.

Literature:

1. *Dal V.* Explanatory dictionary of the living Great Russian language : in 3 vol. Vol. 3: «P». M. : GI. of foreign and national dictionaries, 1955. 555 p.
2. *Dolgova A.I.* Criminology : textbook. 4th edition, revised and supplemented. M. : Norma : INFRA-M, 2019. 1008 p.
3. *Avanesov G.A.* Criminology : textbook for university students studying in the specialty «Jurisprudence» / G.A. Avanesov, S.M. Inshakov, D.I. Aminov; Edited by G.A. Avanesov. 6th e edition, revised and supplemented. M. : UNITY-DANA, 2015. 576 p.
4. *Lekar A.G.* Crime prevention. M. : Legal literature, 1972. 104 p.
5. *Mikhailov A.E.* The scope of activities to combat crime / A.E. Mikhailov // Scientific Notes. 2021. № 2. P. 99–104.
6. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. Approx. 53000 words / S.I. Ozhegov; under the general ed. Prof. L.I. Skvortsova. 24th edition, corrected. M. : Onyx LLC, 2005. 1200 p.
7. *Shvedko A.V.* Correlation of the concepts of «prevention», «suppression» and «prevention» in the context of corruption crime research / A.V. Shvedko // All-Russian Journal of Criminology. 2014. № 1. P. 177–179.

Некоз Аркадий Сергеевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия
89832494011@mail.ru

Arkady S. Nekoz
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Criminal Law,
East Siberian branch
Russian State University of Justice
89832494011@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE MURDER OF A NEWBORN BY A MOTHER: ISSUES OF LAW EN- FORCEMENT PRACTICE

Аннотация. Уголовное право, будучи одним из важнейших инструментов в руках государства по поддержанию правопорядка и обеспечения надлежащей правовой охраны граждан, призвано реагировать на происходящие в обществе изменения. Автор рассматривается проблематика установления уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). На основе диалектического, общенаучного и историко-правового методов он формулирует некоторые предложения по совершенствованию правоприменительной практики в указанной сфере уголовно-правового регулирования.

Annotation. Criminal law, being one of the most important tools in the hands of the state to maintain law and order and ensure proper legal protection of citizens, is designed to respond to changes taking place in society. The author examines the problem of establishing criminal responsibility for a crime under Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal Code of the Russian Federation). On the basis of dialectical, general scientific and historical-legal methods, the author formulates some proposals for improving law enforcement practice in this area of criminal law regulation.

Ключевые слова: привилегированный вид убийства, судебная практика, психотравмирующая ситуация, наказание, квалифицирующие признаки.

Keywords: preferred type of murder, judicial practice, traumatic situation, punishment, qualifying signs.

В рамках последних изменений в Конституции Российской Федерации вопросы повышенной защиты прав и законных интересов лиц в брачно-семейных отношениях получили качественно новый уровень правового закрепления. Помимо принятия курса на т.н. «традиционные» подходы к пониманию института брака, в рамках ст. 67.1 было закреплено, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России (ч. 4).

Проблематика ответственности за убийство матерью новорожденного становилась предметом рассмотрения как на страницах дореволюционных доктринальных изданий [1; 2; 3], так и в советское время получила известное отражение в работах отечественных исследователей [4; 5]. Также, и в наше время этот вопрос, казавшийся уже хорошо изученным, все же обнаруживает известные проблемы, требующие самостоятельного изучения и рассмотрения в рамках доктринальных подходов [6; 7; 8].

Уголовное право, будучи одним из важнейших инструментов в руках государства по поддержанию правопорядка и обеспечения надлежащей правовой охраны граждан, призвано реагировать на происходящие в обществе изменения.

Обратимся к материалам судебной статистики. Так, согласно сведениям Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, ситуация в динамике выглядит следующим образом [9]:

Таблица № 1

Динамика количества осужденных по ст. 106 УК РФ за период 2011–2021 гг. (I кв.)

Общее число осужденных	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 (I кв.)
	66	60	75	42	45	58	42	33	26	29	12

Как мы видим, судебная статистика свидетельствует о существенном снижении числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ. Как нам представляется, и далее мы будем наблюдать снижение указанного числа лиц, но, несмотря на эту положительную динамику, все же стоит признать, что существующая редакция ст. 106 УК РФ небесспорна и на практике может вызвать следующие вопросы.

Во-первых, внимания заслуживает вопрос о ситуации, когда происходит убийство двух детей матерью. Дело в том, что законодатель в ст. 106 УК РФ фактически описал два временных промежутка, которые являются обязательными для учета при квалификации преступления. Представим гипотетическую ситуацию: мать, беременная двойней, во время родов понимает, что не сможет обеспечить детей и принимает решение их убить. Сначала она убивает ребенка, рожденного первым, а потом совершает убийство второго в течение непродолжительного времени. Следует ли здесь говорить о возможной совокупности статей 106 УК РФ? Нам представляется, что да, но обращение к общей системе преступлений против жизни демонстрирует имеющий дисбаланс со стороны законодателя при конструировании указанного состава преступления.

К примеру, говоря о ст. 107 УК РФ, мы, в рамках привилегированного состава, можем допускать причинение смерти двум и более лицам, доводя её до средней степени тяжести, где потенциально возможно освобождение от уголовной ответственности по любому основанию, предусмотренному главой 11 УК РФ. В чем же принципиальная разница со ст. 106 УК РФ? Следует констатировать, что имеющийся дисбаланс может быть преодолен через внесение изменений в ст. 106 с выделением самостоятельной части 2, где будет предусмотрено последствие в виде смерти двух или более новорожденных.

Во-вторых, следует обратить внимание на вопрос: Когда преступление совершается в ситуации, когда умысел на убийство формируется у матери задолго до родов? По общему правилу, мы должны применять положения о специальной норме, какой и является ст. 106 УК РФ по отношению к п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Но отвечает ли такой подход принципу справедливости привлечения к уголовной ответственности? Нам представляется, что нет, так как мы, фактически, выводим из-под уголовной ответственности лицо, которое заранее запланировало и подчинило свои действия единственной цели – убить новорожденного. Стоит также отметить, что конструкция ст. 106 УК РФ содержит указание на четыре самостоятельных вида убийства:

- (а) во время родов;

Литература:

1. *Таганцев Н.С.* О преступлениях против жизни по русскому праву: исследование Н.С. Таганцева. СПб. : Типография Н.А. Неклюдова, 1870. Т. II. 461 с.

- (б) сразу же после родов;
- (в) в условиях психотравмирующей ситуации;
- (г) в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемость.

Возникает вопрос: Правомерно ли говорить о некоторой привилегированности убийства во время родов? В чем именно она заключается? Нам представляется, что о некотором законодательном снисхождении можно говорить только в ситуации убийства, описанные в п.п. (в) и (г).

Вариантом разрешения ситуации могло бы быть внесение соответствующих разъяснений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 г. № 1, где указано, что при квалификации действий лица по ст. 106 УК РФ органам предварительного расследования стоит обращать особое внимание на момент возникновения умысла на совершение преступления по ст. 106 УК РФ.

В-третьих, стоит также обратить внимание на вопрос, связанный с возрастом лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Нам представляется, что в условиях развития современного общества, активными процессами акселерации является также несправедливой ситуация, когда мы фактически оставляем за пределами уголовного закона ситуацию, когда совершается убийство новорожденного со стороны 15-летней беременной, к примеру (стоит отметить, что по данным Росстата, в 2018 г. девушки в указанном возрасте родили 919 детей [10]). Привлечение же её к уголовной ответственности по ст. 105 УК РФ нам представляется весьма суровым и неправильным решением, как обладающим большим репрессивным подходом, нарушая также справедливость привлечения к уголовной ответственности. Выходом могло бы стать включение ст. 106 УК РФ в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Завершая настоящую статью, стоит отметить следующее. Задача уголовного законодателя заключается в поиске наиболее работоспособной конструкции состава преступления, которая бы позволяла обеспечить эффективное её применение в судебно-следственной практике, не создавая дополнительных препятствий для усвоения логики законодателя конечным правоприменителем. Нам представляется, что решение указанной задачи возможно в ситуации изучения не только имеющегося нормативного материала, его системы, выявления закономерностей его развития, но и при изучении иностранного опыта, который мог бы показать проблемы в отечественном законодательстве, тем самым, подтолкнув законодателя к новому осмыслению предметов, которые казались уже хорошо изученными, как это имеет место в ситуации со ст. 106 УК РФ.

Literature:

1. *Tagantsev N.S.* On crimes against life according to Russian law / Research by N.S. Tagantseva. SPb. : Printing house N.A. Neklyudova, 1870. Vol. II. 461 p.

2. *Гернет М.Н.* Детоубийство. Типография Имп. Моск. Ун-та., 1911. 318 с.
3. *Гессен В.М.* О неприкосновенности личности. СПб. : Склад издательства при Юридическом книжном складе «Право», 1908. 68 с.
4. *Жижиленко А.А.* Преступления против личности. М.; Л. : Гос. изд-во, 1927. 140 с.
5. *Пионтковский А.А.* Преступления против личности. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. 136 с.
6. *Попов А.Н.* Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 463 с.
7. *Бородин С.В.* Преступления против жизни : монография. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 467 с.
8. *Лопашенко Н.А.* Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика. М. : Юрлитинформ, 2018. 654 с.
9. Данные судебной статистики за период 2011 – I кв. 2021 (форма № 10-а). URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения 16.11.2021).
10. Больше 10 тысяч несовершеннолетних россиянок стали матерями в 2019 году. URL : <https://ria.ru/20200622/1573275030.html> (дата обращения 16.11.2021).

2. *Gernet M.N.* Infanticide. Typography Imp. Moscow University, 1911. 318 p.
3. *Gessen V.M.* On the inviolability of the person. SPb. : Warehouse of the publishing house at the Legal book warehouse «Pravo», 1908. 68 p.
4. *Zhizhilenko A.A.* Crimes against the person. M.; L. : State. publishing house, 1927. 140 p.
5. *Piontkovsky A.A.* Crimes against the person. M. : Legal publishing house of the NKYU USSR, 1938. 136 p.
6. *Popov A.N.* Crimes against the person under extenuating circumstances. SPb. : Jurid. Center Press, 2001. 463 p.
7. *Borodin S.V.* Crimes against life : monograph. SPb. : Legal Center Press, 2003. 467 p.
8. *Lopashenko N.A.* Investigation of murders: law, doctrine, judicial practice. M. : Yurlitinform, 2018. 654 p.
9. Judicial statistics for the period 2011 – I quarter. 2021 (form № 10-a). URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (date of application 16.11.2021).
10. More than 10 thousand underage Russian women became mothers in 2019. URL : <https://ria.ru/20200622/1573275030.html> (date of application 16.11.2021).

Огородникова Нина Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
kup_kubgu@mail.ru

Полтавец Валерия Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
pvaleri111@gmail.com

К ВОПРОСУ О ДИАПАЗОНЕ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

■ ■ ■

Аннотация. В статье исследуются вопросы судебного усмотрения и влияния на него законодательного и правоприменительного процессов. Анализируется практика применения уголовного закона, в частности, об ответственности за хищения; формулируется вывод о необходимости ее унификации. Демонстрируется роль интерпретационной практики высших судебных инстанций и пробельность отдельных их рекомендаций. Отмечается значимость для назначения справедливого наказания порядка построения санкций в уголовно правовых нормах. Предлагается авторская дефиниция судебного усмотрения.

Ключевые слова: судебское усмотрение, Верховный Суд, дифференциация ответственности, индивидуализация наказания, санкция, пенализация, мошенничество, квалифицирующие признаки, мелкое хищение.

■ ■ ■

Уголовно-правовая политика, реализуемая на законодательном и правоприменительном уровнях, обязана обеспечить определенный баланс между ними, в том числе, посредством метода дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Первая составляющая этого метода – дифференциация уголовной ответственности – относится к прерогативе законодателя.

Вторая – её индивидуализация – в большей степени, она присуща процессу правоприменения.

Абстрактное описание уголовно-правовых норм как одна из черт, характеризующих романо-германскую правовую семью (в отличие от строго и узко ориентированного подхода к изложению

Nina V. Ogorodnikova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
kup_kubgu@mail.ru

Valeria V. Poltavets
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
pvaleri111@gmail.com

ON THE QUESTION OF THE RANGE OF JUDICIAL DISCRETION: LEGISLATIVE PREREQUISITES

■ ■ ■

Annotation. The article examines the issues of judicial discretion and the impact of legislative and law enforcement processes on it. The practice of applying the criminal law, in particular, on responsibility for embezzlement, is analyzed; the conclusion about the necessity of its unification is formulated. The role of the interpretive practice of the highest courts and the gap of some of their recommendations are demonstrated. The importance of the order of constructing sanctions in criminal law norms for the appointment of a fair punishment is noted. The author's definition of judicial discretion is proposed.

Keywords: judicial discretion, Supreme Court, differentiation of responsibility, individualization of punishment, sanction, penalization, fraud, qualifying features, petty theft.

■ ■ ■

уголовно-правовых запретов в англо-саксонской правовой семье), предполагает возможность применения различного по объему толкования уголовного закона. Будучи неперсонифицированной, уголовно-правовая норма применима к различным проявлениям девиантного поведения, что, в свою очередь, предопределяет существование судебного усмотрения и в то же время возлагает повышенную ответственность на судебский корпус, обязанного проецировать общие законодательные установки на частные («точечные») казусы. На уровне правоприменения, таким образом, «работает» другая половина метода – индивидуализация уголовной ответственности. Дифференциация, заложенная в уголовный закон (как общее), преломляется к конкретным обстоятельствам совершенного преступления и к конкретной

личности, совершившей преступление (как частное).

Подобный подход:

Во-первых, обуславливает наличие и допустимость в уголовном законе, так называемых, оценочных понятий, наполнять содержанием которых должен правоприменитель. В данном случае возможно говорить о судебском усмотрении в положительном аспекте. «Венцом» такого усмотрения является назначение наказания с соблюдением всех принципов и правил, в первую очередь, на базе правильной квалификации содеянного.

Во-вторых, такой подход, как следствие, требует определенной унификации понимания и применения уголовного закона, чему способствует интерпретационная практика высших судебных инстанций.

В рамках уголовного судопроизводства дискретная деятельность суда нуждается в процессуальном оформлении. Многие положения УПК РФ (ч. 4 ст. 7, ст. 305, 307 УПК РФ и др.), а также, постановлений Пленума Верховного Суда РФ (в дальнейшем – ППВС РФ) обязывают либо настоятельно рекомендуют судам мотивировать принятые решения.

Уголовное судопроизводство напрямую связано с ограничением прав и свобод осужденного, охраной и защитой прав потерпевшего, поэтому важнейшей задачей уголовной политики (в данном контексте, прежде всего, уголовно-процессуальной) выступает недопущение судебного произвола и беззакония, факты которых дают основание констатировать наличие судебного усмотрения и в негативном аспекте. Реализация усмотрения суда должна осуществляться в строго установленных рамках, иметь правовые ограничения, формирующие пределы названной деятельности, определяющие вектор, условия и основания, а также и правила ее осуществления.

Вместе с тем, судебная дискреция – это, прежде всего, право суда на выбор оптимального решения по делу при применении уголовно-правовых норм, что требует, согласно принципу справедливости, безошибочного понимания и соответствующей оценки общественной опасности как деяния, так и деятеля. Однако до сих пор нет ни легальной, ни общепризнанной доктринальной дефиниции судебного усмотрения.

Нами предлагается под судебским усмотрением понимать предоставляемое государством право суда избирать наиболее оптимальное решение по рассматриваемому делу в законодательно установленных рамках с соблюдением требуемой процессуальной формы в соответствии с принципами, целями и задачами уголовного права, с учетом конкретных обстоятельств дела и личности виновного.

В уголовно правовой доктрине называются следующие причины судебного усмотрения:

– динамизм условий существования современного общества, усложняющий создание долго-

временно действующих в неизменном виде норм права;

– большое разнообразие жизненных явлений и индивидуальная неповторимость некоторых из них;

– дефекты законодательной техники; нецелесообразность в ряде случаев формулирования в законодательстве абсолютно-определённых норм [1, с. 8].

Уголовный закон как инструмент уголовно-правовой политики, и практика его применения предопределяют, как уже было отмечено, частое использование судебного усмотрения в ходе уголовного судопроизводства. Однако это может быть и «звонком законодателю», показателем необходимости коррекции Уголовного кодекса по причине пробельности и (или) рассогласованности его норм. Такой своеобразный «посыл» адресату со стороны правоприменителей требует наличия достаточно высокого уровня профессионализма и правосознания последних.

Поскольку судебское усмотрение возможно как в рамках охранительной уголовно-правовой нормы-предписания, так и регулятивной нормы, содержание, основания и порядок их применения должны быть понятны и точно изложены. От этого зависит качество правоприменительной деятельности и унификация судебной практики, а соответственно, и эффективность последней.

В теории уголовного права отмечается, что снижение роли и значения судебного усмотрения напрямую зависит от соблюдения правил законодательной техники [1, с. 8–9], то есть, качество правоприменительной деятельности обусловлено наличием четко сформулированных, ясных и однозначно понимаемых правил квалификации преступлений и назначения наказания.

Говоря об отсутствии «единого свода» правил квалификации преступлений, трудно переоценить значение интерпретационной практики Конституционного и Верховного судов РФ, решения которых компенсируют имеющуюся в настоящее время регулятивную недостаточность уголовного закона. Рекомендации, правовые позиции названных инстанций, большей частью содержащиеся в ППВС РФ, позволяют составить правильное представление о содержании уголовного закона, о векторе развития криминализационной и пенализационной политики и, в целом, способствуют единообразному применению уголовного закона, формализации объективно заложенных в него оценочных признаков и понятий.

Подобная роль высших судебных инстанций (а равно – судов и менее высокого ранга) требует, в свою очередь, от них единообразного толкования закона в аналогичных или сходных ситуациях. Однако наряду с тщательно продуманными и обоснованными выводами и рекомендациями по вопросам применения уголовного закона, нередко можно увидеть различный (а, порой, и совершенно противоположный) подход к оценке и, соответственно, решению одинаковых ситуаций.

В качестве иллюстрации можно привести позицию указанных судов о содержании такого часто встречающегося квалифицирующего признака, как совершение преступления с использованием служебного положения. Тот или иной дифференцирующий уголовную ответственность признак (как квалифицирующий, так и привилегирующий) должен быть единообразно истолкован, независимо от описания состава преступления, в который он включен. Тем более, такое одинаковое наполнение (содержание) анализируемого оценочного признака (собственно, как и любого другого) должны демонстрировать судебные инстанции, когда речь идет об одном и том же составе преступления, в данном конкретном случае – о мошенничестве.

Наличие данного квалифицирующего признака позволяет говорить о двуобъектности состава мошенничества, когда наряду с основным непосредственным объектом – отношениями собственности – появляется дополнительный непосредственный объект, поскольку под угрозу причинения вреда поставлены иные, неоднородные общественные отношения, что существенным образом влияет, в первую очередь, на квалификацию преступления. Анализируемоеотягчающее обстоятельство в статусе дифференцирующей ответственности, «оттеняя» криминообразующие признаки, формирует в единстве с ними сложный состав преступления, определяя совокупную повышенную степень общественной опасности этого деяния и, как следствие, иную степень его пенализации.

Так, в определении от 11 апреля 2019 г. № 865-О Конституционный Суд РФ, рассматривая приговор Калининского районного суда Санкт-Петербурга от 16.08.2017 г., согласился с применением ч. 3 ст. 159 УК РФ и со справедливостью назначенного виновной наказания в виде одного года шести месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком один год без штрафа и ограничения свободы, но с дополнительным наказанием в виде лишения права занимать на государственной службе должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, на срок два года. Следует отметить, что размер фактически причиненного вреда составил 272 руб. (в ценах 2013 года). При этом и потерпевший не считал, что ему был причинен какой-либо вред [2].

В то же время, согласно определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 15-УДП 20-7-КУ-1, совершение мошенничества при получении выплат с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159.2 УК РФ) с учетом конкретных обстоятельств дела, незначительного материального ущерба в размере 10066 руб. (что в 37 раз выше предыдущего размера ущерба), полностью возмещенного на стадии предварительного следствия, не исключает возможность применения ч. 2 ст. 14 УК РФ [3, с. 57], что позволило не привлекать виновного к уголовной ответственности.

Подобные разночтения вносят сумятицу в правоприменительную деятельность и не корреспондируются к тому же с положениями о мелком

хищении (ст. 7.27 КоАП РФ). Недостаточная определенность ч. 2 ст. 14 УК РФ (а точнее достаточная неопределенность), отсутствие законодательного закрепления правил применения нормы о малозначительности деяния на практике приводит к неоправданно широким пределам судебной дискреции. Наличие квалифицирующего признака при хищении в одном случае не исключает возможности избежать уголовной ответственности, в другом – при ничтожном размере причиненного ущерба влечет кумулятивное наказание в виде лишения свободы с дополнительным наказанием в виде лишения права занимать на государственной службе должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, на срок два года.

Учитывая злободневность вопроса, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 22 от 29.06.2021 г. в п. 25.4 подчеркнул возможность применения ч. 2 ст. 14 УК РФ при совершении хищения, формально содержащего квалифицирующие признаки. В таком случае судам следует учитывать совокупность таких обстоятельств, как степень реализации преступных намерений, размер похищенного, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния [5].

Как нам представляется, подобная «вольница» скорее внесет еще больший разрыв в судебную практику, нежели будет способствовать единому пониманию и применению уголовного закона. Следует заметить, что в приведенных положениях отсутствуют рекомендации относительно формализации такого рода оценочных признаков. Приведенные разъяснения Верховного Суда РФ породили ряд вопросов, в первую очередь, пожалуй, о допустимости сочетания нескольких квалифицирующих признаков. Далее вопрос дробится на частности: идет ли речь о признаках, указанных в одном квалифицированном составе или возможно распространить это разъяснение на признаки разных степеней, какова максимальная допустимость количества признаков (не более двух, трёх); качественного их содержания (относящихся к характеристике только одного из элементов состава преступления или нескольких) и т.д.

Позиция Пленума Верховного Суда РФ имеет очень важное значение для унификации практики, однако, в рассматриваемом случае необходимо решение на законодательном уровне, заключающееся, как минимум, в конкретизации института малозначительности деяния (формализации в некоторой степени положений, содержащихся в ч. 2 ст. 14 УК РФ).

В контексте рассматриваемого вопроса о судебском усмотрении, его допустимом диапазоне, нельзя не отметить роль санкций уголовно-правовых норм, их наполняемости содержанием, которое должно соответствовать характеру и степени общественной опасности содеянного и одновременно коррелироваться с санкциями других норм уголовного закона (при этом посредством относительно-определенных санкций должен быть заложен определенный простор для индивидуализации уголовной ответственности).

Анализ динамики уровня наказуемости подтверждает потребность (де)пенализационной политики в дальнейшем совершенствовании. Так, сложно согласиться, в частности, с необоснованно широкими пределами наказания, предусмотренного ч. 2 ст. 201 и ч. 2 и 3 ст. 285 УК РФ, согласно которым, лишение свободы может варьироваться от 2 месяцев до 10 лет. Приведенный пример не единичен (большой частью исследователи обращаются к санкции, установленной в ч. 4 ст. 111 УК РФ). Квалифицирующие признаки I, II, III (и далее) степеней, формирующие содержание ч. 2, 3, 4 (и далее) в тех или иных статьях, должны влечь изменение не только верхних, но и нижних пределов типового наказания, либо возможность применения более строгих видов наказаний. При существующей вариативности санкций нередки случаи, когда за более тяжкое преступление возможно применение наказания, менее строгого, чем предусмотрено за совершение преступления, предусмотренного в основных или менее квалифицированных составах преступлений.

Содержание оценочных понятий в качестве как криминообразующих, так и дифференцирующих признаков составов преступлений, а также, отягчающих и смягчающих наказание обстоятельств, определяется правосознанием судьи, что нередко негативно сказывается на применении, в частности, специальных правил назначения наказания. Например, отсутствие достаточно четкой и понятной формулировки п. «к» ч. 1 ст. 61 УК, затрудняет использование ч. 1 ст. 62 УК РФ. В связи с чем Верховный Суд РФ в обзоре судебной практики вынужден уточнять, что по смыслу п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ во взаимосвязи с положениями ч. 1 ст. 62 УК РФ применение льготных правил назначения наказания может иметь место в случае, если имущественный ущерб и моральный вред

Литература:

1. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законодательства, теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 38 с.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сеземинной Ольги Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 865-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=580680#018324651825197003>
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5. С. 57–58.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ 2020. № 4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5. С. 28–30.
5. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 29 июня 2021 г. № 22. URL : <https://www.vsr.fu/documents/own/30189>

возмещены потерпевшему исключительно в полном объеме. Частичное возмещение имущественного ущерба и морального вреда может быть признано судом обстоятельством, смягчающим наказание, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 61 УК РФ.

При этом действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (оплата лечения, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение извинений и др.), как основание для признания их обстоятельством, смягчающим наказание в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, в любом случае должны быть соразмерны характеру общественно опасных последствий, наступивших в результате совершения преступления (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 131-П20ПР) [4, с. 28–30].

В заключении следует подчеркнуть, что судебная дискреция, безусловно, объективно необходима в практической деятельности. Негативным проявлениям судейского усмотрения, иногда граничащим со вседозволенностью, возможно противостоять совокупными законодательными и правоприменительными усилиями посредством:

- 1) соблюдения баланса между допустимостью оценочных признаков в уголовно-правовых нормах и их достаточной определенностью;
- 2) легального либо единообразного судебного толкования таковых признаков;
- 3) сбалансированности существующих санкций.

И, напоследок, следует вспомнить слова Френсис Бэкона: «Судьи должны помнить, что их дело – истолковать закон, а не даровать его».

Literature:

1. Gracheva Yu.V. Judicial discretion in the implementation of criminal law norms: problems of law-making, theory and practice : autoref. dis. doctor of law. M., 2002. 38 p.
2. On the refusal to accept the complaint of citizen Cesemi Olga Mikhailovna about the violation of her constitutional rights by part three of article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation: Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 11, 2019 № 865-O // SPS «ConsultantPlus». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=580680#018324651825197003>
3. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. № 5. P. 57–58.
4. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation 2020. № 4 // Bulletin of the Supreme Court of the RF. 2021. № 5. P. 28–30.
5. On amendments to certain decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on June 29, 2021 № 22. URL : <https://www.vsr.fu/documents/own/30189>

Папина Дарья Алексеевна
Российский государственный
университет правосудия
mailto:darya.papina@bk.ru

Барашева Елена Викторовна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия, Иркутск
barahevaev@bk.ru

Степаненко Алексей Сергеевич
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

■ ■ ■

Аннотация. В данной статье авторами, в результате анализа законодательства и судебной практики, был сделан вывод, что личные права и свободы, принадлежащие человеку как физическому лицу, не зависят от гражданства. Ими также были выделены три группы прав и свобод, в числе которых: права и свободы, защищающие от произвола со стороны других лиц, и свободы, защищающие от произвола со стороны государства, а также, рассмотрена зарубежная практика естественных прав человека и гражданина.

Ключевые слова: естественные права, права и свободы человека и гражданина, правовой статус, институт обязанности, личная неприкосновенность, отрасли права.

■ ■ ■

О бщетеоретические основания прав и свобод человека берут свое начало из истории политических и правовых мыслителей древности. Так, древнегреческие философы, такие как: Антифон, Ликофрон, Алкидам, еще в V–IV в до н.э. упоминали, что все люди по природе равны и имеют одинаковые, обусловленные ею, естественные права [4].

В первую очередь, к таковым естественным правам относилась, к примеру, свобода как высшая ценность человеческой жизни. Древнегреческий

Darya A. Papina
Russian State
University of Justice
mailto:darya.papina@bk.ru

Eleva V. Barasheva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Russian State University of Justice, Irkutsk
barahevaev@bk.ru

Alexey S. Stepanenko
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Russian State University of Justice
mail@esbrsuj.ru

HISTORICAL AND LEGAL MECHANISMS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS TO PERSONAL INVIOABILITY

■ ■ ■

Annotation. In this article, the authors, having analyzed the legislation and judicial practice, revealed personal rights and freedoms that belong to a person as an individual and do not depend on citizenship. Three groups of rights and freedoms are identified, including the rights and freedoms that protect against arbitrariness on the part of other persons and freedoms that protect against arbitrariness on the part of the state, as well as foreign practice of natural human and civil rights is considered.

Keywords: natural rights of, human and civil rights and freedoms, legal status, institution of duties, personal inviolability, branches law.

■ ■ ■

философ Цицерон был одним из первых теоретиков естественного права, который закрепил за личностью политические права и право частной собственности. При этом осуществление политических прав в античности определялось как свобода волеизъявления личности, правоспособность которой определялось наличием гражданства [3].

Таким образом, первой юридической формой прав человека были неотъемлемые права гражданина античного полиса.

Правовой статус человека в обществе и государстве в период средневековья был определен законом Бога. Права трактовались как привилегии, дарованные монархом. Их объем напрямую был взаимосвязан с принадлежностью личности к определенному сословию, классу и снижался по мере его снижения по лестнице социальной иерархии [6].

В период ранних буржуазных революций происходит возрождение идеи естественного права.

Представителями естественно-правовой теории были Дж. Локк, Г. Гроций, Монтескье и др. В качестве естественных прав они отмечали такие права, как: право на жизнь, право на безопасность, свободу, право на собственность, сопротивление угнетению. Эти права естественны, то есть, присущи человеку от рождения, независимо от того, закреплены они в законе или нет, и неотъемлемы, то есть, не зависят от формы политического устройства, и государство не вправе отчуждать их, и были священны, а это значит, что они являются приоритетными, обладающими высшей общественной ценностью.

Говоря о правах человека, гарантированных Конституцией, важно знать историю института создания прав человека.

Исторически первыми законодательными актами об учреждениях, правах и свободах граждан является Билль о международных правах северноамериканских штатов 1791 года и Декларация независимости США 1776 года. В последней закреплено: «...все люди созданы равными и все наделены их творцом определенными неотчужденными правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав, людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых».

Во французской декларации прав человека и гражданина 1789 года закреплены политические и гражданские права. В связи с естественно-правовым подходом к пониманию прав человека правовой науке известен позитивистский подход. Так, естественно-правовая концепция основана на отрицании роли государства как субъекта прав человека, на идее их внегосударственного происхождения и независимости от государственного признания.

Юридический позитивизм отрицает всякое негосударственное происхождение прав человека и предполагает принцип рациональной самооценности. Однако разнообразие концепций не препятствует формированию универсальной концепции прав человека, главной составляющей которой является уважение прав личности как общепризнанный принцип международного права, согласно которому, все государства несут обязанность уважать исторически достигнутые стандарты прав человека [7].

Права человека представляют собой отношения, которые определяют место и роль человека и гражданина в обществе и государстве, характер

реализации индивидом своих возможностей и пределы их ограничений установлены государством, а также способы обеспечения и защиты указанных прав. При этом правовой статус личности определяется наличием трех групп прав и свобод, в числе которых выделяются социально-экономические, гражданские, политические, личные права и свободы.

Так, социально-экономические права определяют положение личности как члена гражданского общества и включают в себя право собственности, право на труд и отдых.

Политические права и свободы присущи личности как члену политической общности и включают в себя избирательное право, право на информацию, на свободу слова, печати, мнения, совести, создания союзов и собраний.

Личные права и свободы принадлежат человеку как физическому лицу и не зависят от гражданства. Они включают в себя три группы прав и свобод, в числе которых выделяются права и свободы, защищающие от произвола со стороны других лиц и защищающие от произвола со стороны государства. В частности, к ним относятся право на жизнь, личную неприкосновенность и неприкосновенность жилища, на сопротивление насилию, право на свободу, а также тайна переписки и свобода передвижения.

Правовой статус личности также предусматривает институт обязанностей граждан, который начал формироваться только после второй мировой войны. Так, традиционными обязанностями являются подчинение законам и иными нормативными актами, уплата налогов и воинская повинность и др.

В новейших Конституциях (Основных законах) различных государств, стал появляться не только правовой термин «обязанности граждан», но также соответствующие главы и разделы в них.

Вместе с провозглашением права на труд, в некоторых Конституциях декларируется также и обязанность трудиться. Например, в статье 35 Конституции Испании говорится: «Все испанцы имеют право на труд и обязаны трудиться...». Аналогичные положения также имеются в Конституция Панамы, Уругвая, Японии, Габонской Республики и некоторых других.

Довольно широкое распространение получило провозглашение такой обязанности, как забота о детях. Так, в статье 30 Конституции Итальянской Республики провозглашается: «Родители вправе и обязаны содержать, обучать и воспитывать детей, даже если они рождены вне брака».

Таким образом, институт прав человека включает в себя нормы различных отраслей права, затрагивающих одну из сторон многообразных отношений (семейных, трудовых, гражданских, административных и т.д.), связанных с реализацией своих прав.

Правовое положение личности считается соответствующим международным стандартам, если

оно основано на праве на жизнь, праве на свободу, праве на равенство.

Произвольное лишение свободы и содержание лица в рабстве давно признаны международным правом деяниями, противоречащими природе человека, и тягчайшими международными преступлениями. Они сурово караются уголовным законодательством многих государств.

В числе также право на свободу и личную неприкосновенность. Согласно Конституции РФ, право на свободу и личную неприкосновенность неотчуждаемо и принадлежит каждому от рождения (ч. 2 ст. 17, ч. 1 ст. 22) [1]. Личная неприкосновенность предполагает недопустимость какого бы то ни было вмешательства извне в область индивидуальной жизнедеятельности личности и включает в себя физическую неприкосновенность и неприкосновенность психическую.

В России имели место массовые факты, когда террористы и их пособники в некоторых южных республиках в составе РФ содержали в рабстве лиц всех национальностей, похищенных, пленных, захваченных во время контртеррористических операций и др. Международным правом и правом государств запрещен принудительный труд во всех его формах (это не относится к работе в исправительно-трудовых учреждениях или на военной службе).

В России данное право также охраняется законодательством, поскольку заключение под стражу и содержание под стражей возможны только по решению суда.

Для защиты жизни, свободы, охраны собственности граждане вправе иметь оружие. В США это право закреплено в Конституции («право народа хранить и носить оружие не должно ограничиваться»), которая связывала это с организацией полиции, как своего рода ополчения граждан. На практике в США разного рода оружие и боеприпасы к нему свободно продаются. Так, в некоторых штатах Америки, например, в Техасе, разрешено использовать оружие, если вор решил ограбить дом.

В России Закон «Об оружии» 1996 г. (с многими поправками) кроме целей защиты жизни, свободы, устанавливает, что огнестрельное холодное оружие служит для занятия спортом, охотой. Оружие вправе иметь граждане РФ с 18 лет по лицензии, которая выдается органами МВД России [2].

Но при этом, установлены ограничения на виды оружия, которые может иметь гражданин. Граждане вправе применять оружие при необходимой обороне, предварительно предупредив об этом.

Право также устанавливает гарантии против незаконного задержания человека органами власти. В России задержание на срок свыше 24 часов требует санкции судьи. Во многих зарубежных

странах порядок называется *habeas corpus* (приблизительный перевод со средневековой латыни: чтобы было представлено тело, т.е. человек). Эти слова были использованы в английском законе 1689 г., который предусматривал средства для «обеспечения свободы подданных»; теперь они включаются без перевода во многие Конституции. Суть данной формулировки состоит в том, чтобы задержанного полицией, немедленно доставлять к судье, а тот решит: продолжать задержание или немедленно отпустить человека [5].

В латиноамериканских странах подобная процедура является частью более широкого понятия по защите личных конституционных прав – *processo amparo* (процесс защиты). Разница заключается в том, что в подобном случае требовать нарушения конституционного права (в том числе связанного с ограничениями свободы личности) может не только сам потерпевший, но и любой посторонний, в том числе ребенок.

Таким образом, механизм реализации конституционного права граждан на личную неприкосновенность – это не набор охранительных или в широком смысле обеспечительных способов и средств непосредственного осуществления гражданином закрепленного в Конституции РФ права, а совокупность способов и форм реального воплощения нормативно закрепленного права на личную неприкосновенность в фактическом поведении граждан.

В современном мире сложилось так, что проблемы, связанные с реализацией прав и неприкосновенности личности должны регулироваться в полном соответствии с законодательством РФ, а силовые структуры, которые призваны «служить и защищать» должны полностью проводить свою работу в соответствии с законами РФ и Конституцией.

Соблюдение прав человека в государстве обеспечивается, в первую очередь, уважением к личности, ее правам и свободам со стороны государства, общества и каждого человека и гражданина [8].

Примеры пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, осуществления арестов и задержаний с грубыми нарушениями закона, свидетельствуют об отсутствии такого уважения.

Развитие гарантий соблюдения прав и свобод человека, в том числе, и права на личную неприкосновенность, возможно только тогда, когда в государстве и обществе соблюдаются законы, а законы направлены на обеспечение безопасности человека, обеспечения достойного уровня его жизни. Но при этом в основу правового регулирования реализации прав и свобод человека и гражданина должен быть положен конституционный принцип – «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2 Конституции РФ).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. Официальный текст. М. : Омега-Л, 2021.
2. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об оружии»;
3. Аристотель. Политика. М., 1911. 76 с.
4. *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения. М. : Юрид., лит. 2001, 448 с.
5. *Гроций Г.* О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняется естественное право к праву народов, а также принципы публичного права. М., 1994.
6. История политических и правовых учений. Древний мир / Под ред. М. Нерсесянца. 1985. 349 с.
7. *Гуляхин В.Н.* Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса / В.Н. Гуляхин // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 221–238.
8. *Чичерин Б.Н.* История политических учений. М. : Наука, 1988.

Literature:

1. Constitution of the Russian Federation: adopted on December 12, 1993. Official text. M. : Omega-L, 2021.
2. Federal Law of 13.12.1996 № 150-FZ (revised from 08.12.2020) «On weapons».
3. Aristotle. Politics. M., 1911. 76 p.
4. *Bartoshek M.* Roman law: concepts, terms, definitions. M. : Jurid., Lit. 2001. 448 p.
5. *Grotius G.* On the law of war and peace: Three books, which explain the natural law to the law of peoples, as well as the principles of public law. M., 1994.
6. History of political and legal doctrines. Ancient world / Ed. by M. Nersesyantsa, 1985. 349 p.
7. *Gulyakhin V.N.* Dialectics of natural and positive law as a source of social and legal progress / V.N. Gulyakhin // Legal research. 2013. № 4. P. 221–238.
8. *Chicherin B.N.* History of political doctrines. M. : Nauka, 1988.

Плешаков Владимир Алексеевич
доктор юридических наук,
профессор,
главный научный сотрудник НИЦ № 1,
Всероссийский
научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Milena.555@mail.ru

Зарубежный опыт ситуационного подхода в криминологии

Аннотация. В статье показано, как развивался ситуационный подход в зарубежной криминологии. Ситуационный подход в криминологии англоязычных стран развивался в рамках Энвайронментальной (Экологической) криминологии. Основанием и обоснованием введения в научный оборот этой науки явились следующие теории. Это теория пространственной криминологии, теория социальной дезорганизации, теория рутинной деятельности, геометрия преступности, теория рационального выбора. Все эти теории анализируются на основе англоязычной литературы. По мнению американских ученых - экологических криминологов, суть ситуационного предупреждения преступности коренится в самом термине ситуационный. Ситуативность относится к конкретным видам преступлений, месту совершения преступного события, времени совершения преступного события, конкретному характеру объекта преступления и так далее. Ситуационное предупреждение преступности – это подход к предупреждению преступности с целью сокращения криминальных возможностей.

Ключевые слова: энвайронментальная криминология, пространственная криминология, социальная дезорганизация, теория рутинной деятельности, геометрия преступности, теория рационального выбора, ситуативность, ситуационное предупреждение.

Ситуационный подход в криминологии, а именно в предупреждении преступлений уже достаточно давно развивается за рубежом, поддержан международными организациями. Целый раздел «Руководства по основным направлениям предупреждения преступлений», принятого ООН 07 сентября 1990 года был посвящен ситуационному предупреждению преступности, которое, в основном, связано с сокращением возможностей правонарушителей. А в США в 1981 г. Paul и Patricia Brantingham объединили идеи социальной экологии, социальной теории дезорганизации, предупреждения преступности с эколо-

Vladimir A. Pleshakov
Doctor of Law,
Professor,
Chief Researcher, Research Center № 1,
All-Russian Research Institute
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

FOREIGN EXPERIENCE OF SITUATIONAL APPROACH IN CRIMINOLOGY

Annotation. The article shows how the situational approach has developed in foreign criminology. The situational approach in criminology of English-speaking countries developed within the framework of Environmental (Ecological) Criminology. The following theories were the basis and justification for the introduction of this science into scientific circulation. These are the theory of spatial criminology, the theory of social disorganization, the theory of routine activity, the geometry of crime, the theory of rational choice. All these theories are analyzed on the basis of English-language literature. According to American environmental criminologists, the essence of situational crime prevention is rooted in the very term situational. Situativity refers to specific types of crimes, the place of commission of a criminal event, the time of commission of a criminal event, the specific nature of the object of the crime, and so on. Situational crime prevention is an approach to crime prevention in order to reduce criminal opportunities.

Keywords: environmental criminology, spatial criminology, social disorganization, theory of routine activity, geometry of crime, theory of rational choice, situativity, situational prevention.

гическим дизайном, защитным пространством и теорией обычных действий в единую теоретическую структуру в своей книге «Экологическая криминология» (Environmental Criminology). Согласно Brantingham преступный случай – это конвергенция (процесс сближения, схождения (в разном смысле), компромиссов) во времени и пространстве закона, преступника и цели. В отличие от большинства криминологов, которые сосредоточены на «первопричинах» преступления, экологические криминологи обеспокоены преступным случаем непосредственно. Экологическая криминология выдвинула на первый план

«существенную роль «места» в производстве преступных событий» [1] Таким образом, Энвайронментальная криминология ограничивает предмет своего изучения временем события правонарушения, в нём выявляются распространенные модели поведения и средовые факторы которые связаны с данными моделями, способны воспрепятствовать или наоборот способствовать намерениям злоумышленника. Энвайронментальная криминология связана с ситуационным подходом в криминологии и анализе преступности [2].

Проследим, как развивался ситуационный подход в зарубежной криминологии.

Ситуационный подход в криминологии англоязычных стран развивался в рамках Энвайронментальной (Экологической) криминологии (Environmental Criminology). Основанием и обоснованием введения в научный оборот этой науки явились известные теории. Прежде всего это теория пространственной криминологии, которую развивали около 200 лет назад Андре-Мишель Герри (1833) и Адольф Жак Кетле (1842) в их анализе преступности во Франции в начале XIX века. Кетле изучал не только пространственную составляющую преступности, но и влияние возраста, пола, климата, бедности, образования и потребления алкоголя. Говоря о причинах преступности, Кетле отметил, что эти причины были столь многочисленны, что невозможно было установить их относительную важность. В дальнейшем, траектория исследований в области пространственной криминологии в течение последних 200 лет была направлена на все более мелкие единицы анализа.

Следующей теорией является теория социальной дезорганизации. Теория социальной дезорганизации основана французским социологом Эмилем Дюркгеймом (1858–1917). На основании изучения трудов А. Кетле, Дюркгейм, обосновал суждение о том, что преступность это норма всякого общества, признак жизни социума. Он сопоставляет преступность с болью. Она неприятна, тем не менее, представляется нормой физиологии. В работе «Молодежные правонарушения и городские ареалы» (1942) американские социологи Чикагской школы К.Шоу и Г.Маккей, изучив уровни правонарушений по отношению к различным характеристикам местных сообществ в американских городах, подробно описали географию правонарушений. Они сделали вывод, что уровень преступности зависит не столько от типа района, миграции, безработицы, социального положения жителей, низких доходов, недостаточного образования, большого числа неполных семей, сколько от снижения эффективности неформального социального контроля, осуществляемого общиной. Таким образом, в исследованиях социологов-эмпириков Чикагской школы было доказано, что в условиях социальной дезорганизации (Социальная дезорганизация – это распад общины, рост анонимности социальных контактов и ослабление неформального социального контроля) культурные ценности, нормы и социальные связи разрушаются, становятся противоречивыми, что ведет к ослаблению неформального социального

контроля общины. Это и является важнейшей причиной преступности несовершеннолетних.

Однако эти теории в дальнейшем не подтверждались по мере развития капиталистического общества. Социологический парадокс возник потому, что в 1950-е и 1960-е годы прошлого столетия в период повышенного уровня жизни, как экономического, так и социального развитых капиталистических стран, уровень преступности существенно возрос. С точки же зрения социологии и теории социальной дезорганизации, сокращение масштабов нищеты и других социальных бед, напротив, должно было привести к снижению уровня преступности. Этот и другие парадоксы, связанные с масштабным анализом преступности на больших территориях привели ученых США к мысли о пересмотре фундаментальных подходов к изучению предмета криминологии.

В рамках теории социальной дезорганизации единицей анализа была окрестность. Это означало, что теория не фокусировалась на отдельных людях. Поэтому надо рассматривать теорию социальной дезорганизации как теорию, объясняющую преступность места.

Исследования пространства-времени в США до 1969 года, в основном касались, только пространственной составляющей, а основной пространственной единицей анализа была область или окрестности. Фактически, С.Р. Jeffery ввел термин «экологическая криминология» на последней странице своей основополагающей книги «Предупреждение преступности через дизайн окружающей среды» [3]. Экологическая криминология, в первую очередь, ориентирована на индивидов и дискретные точки в пространстве-времени. Хотя анализ может быть проведен с использованием площадных данных в некоторых масштабах (сегменты улиц, кварталы, муниципалитеты и даже штаты/провинции), все же, теоретическая основа базируется на индивидуальном выборе, а не на районах, которые порождают преступность. Следовательно, географическое воображение позволяет экологическим криминологам рассматривать то, как индивид перемещается по окружающей среде, а не то, как на него влияют социологические условия окружения.

Корни экологической криминологии лежат в области предупреждения преступности. С.Р. Jeffery призывал к созданию новой школы мысли в области криминологии. Главная цель этой новой школы состояла в том, чтобы предотвратить преступление до того, как оно произошло, и сделать это через понимание окружающей среды, в которой происходит преступление.

В 1969 году С.Р. Jeffery опубликовал статью под названием «Предупреждение преступности и борьба с ней посредством экологической инженерии» [4], в которой он начал излагать свою теорию предупреждения преступности посредством изменения окружающей среды.

Основное внимание в экологической криминологии, вообще говоря, уделяется самим криминальным событиям. Вместо рассмотрения социаль-

ных характеристик окрестностей, которые могут повлиять на вероятность наступления преступного события, экологи-криминалисты сосредотачивают свое внимание на конкретном месте преступного события, конкретном дне преступного события и т.д. – социальные характеристики являются частью анализа, но только частью. Эта разница весьма существенна, когда речь заходит о понимании криминальных событий. Так, например, описанный выше социологический парадокс 1950-х и 1960-х годов прошлого столетия был объяснен с точки зрения экологической криминологии следующим образом. Экономические условия имеют более конкретное и косвенное значение для преступности: изменения в доходах влияют на рутинную деятельность индивидов, которая затем влияет на частоту их пребывания вне относительно защитной среды дома. Чем больше доход, тем чаще индивид находится вне дома, посещает магазины, общественные места и т.п., где он становится более уязвим к преступным посягательствам.

Теперь остановимся на пространственной геометрии преступности, которая является одной из основных теорий экологической криминологии.

Для того, чтобы преступное событие произошло, четыре вещи должны быть одновременно: закон, преступник, цель и место/время. Без закона нет буквально никакого криминального события. Иногда могут быть нарушены социальные нормы, но такие нарушения не считаются преступными событиями, если только не нарушен закон. Без преступника, лица, совершившего преступное событие, нет никакого преступного события. А без какой-то цели или жертвы нет никакого криминального события. Эти первые три аспекта криминального события достаточно широко изучались на протяжении всей истории криминологии. Четвертое измерение-пространственно-временное, и именно оно является фокусом в геометрии преступности, особенно пространственной.

При рассмотрении геометрии преступления изучение преступления начинается с вопроса: где и когда произошло преступное событие? Какие типы окружающей среды (дороги, здания и т.д.) находятся на месте преступления и рядом с ним?

Каковы социальные характеристики этого района? Что же такого есть в рутинной деятельности преступника и цели, что позволило им пересечься именно в этом месте? И, наконец, как место этого преступного события соотносится с пространственным распределением преступников и жертв?

Вообще говоря, геометрия преступления исследует, как пространственно-временное измерение криминального события взаимодействует с тремя другими измерениями преступления, чтобы проинформировать криминальное событие. Следовательно, любое криминальное событие является динамичным, социальным и шаблонным явлением. Криминальное событие динамично, поскольку оно включает в себя по крайней мере один компонент, движущийся в пространстве и времени. Криминальное событие носит социальный характер,

поскольку включает в себя взаимодействие между преступником и жертвой, как прямое (насильственное преступление), так и косвенное (имущественное преступление). При этом криминальное событие является шаблонным, потому что наше общее поведение вполне шаблонно и, следовательно, предсказуемо.

Для того, чтобы понять преступное событие, нужно рассмотреть взаимодействие людей, как преступников, так и жертв/целей в сложной среде. Одна из причин, по которой эта среда является сложной, заключается в том, что большинство преступников, вообще говоря, законопослушные граждане большую часть времени. В противном случае, их жизнь была бы очень сложной, рискованной, чтобы всегда совершать какую-то форму уголовного преступления. Поэтому криминальное событие можно понимать, как побочный продукт нормальной, некриминальной деятельности. Почему? Потому что даже самый плодовитый преступник, который занимается преднамеренным поиском жертв, все еще ограничен физическими, социальными и когнитивными барьерами окружающей среды [5].

По мнению американских ученых, общая картина преступности такова, что преступность не является ни случайной, ни равномерно распределенной в пространстве. Скорее всего, это происходит в определенных местах и, чаще всего, в определенное время. Следовательно, чтобы получить реальное представление о преступном событии, необходимо рассмотреть четвертое измерение (пространственно-временное). Таким образом, пространственная структура преступности в любом (городском) районе зависит от следующих факторов: пространственного распределения мотивированных правонарушителей, пространственного распределения подходящих для правонарушителей целей, общих пространств осведомленности об объектах возможных посягательств мотивированных правонарушителей, независимо от того, включают ли эти пространства осведомленности потенциально «хорошие» цели, которые находятся в «хороших» районах преступности (т.е. в соответствии с шаблонами преступлений), и что динамический обмен информацией между мотивированными преступниками изменяет пространство осведомленности.

Исходя из этих свойств геометрии преступления, Патриция и Пол Грантингем (1981) описали ряд следствий или импликаций этой теории применительно к различным типам населенных пунктов [6].

Эти же авторы в 1995 году на основании своих исследований выделили особые зоны, которые назвали генераторами и аттракторами преступности [7].

Генераторы преступности и аттракторы преступности обязательно являются узлами активности и/или крупными узлами в транспортной сети (путях). Генераторы преступности – это места, которые генерируют множество криминальных событий просто из-за большого количества присутствующих людей. При этом здесь сосредотачи-

вается большое количество мотивированных преступников и большое количество подходящих целей, сходящихся во времени и пространстве. С другой стороны, криминальные аттракторы фактически привлекают мотивированных преступников в этот район из-за (хорошо) известных криминальных возможностей. Чаще всего, генераторы преступности со временем становятся аттракторами преступности, поскольку здесь большой объем подходящих для преступников целей.

Существует много факторов, которые приводят к тому, что кто-то решает, совершить преступление или нет: психологические, семейные, социальные, экономические факторы, предыдущее воздействие на преступную деятельность и готовность прибегать к незаконным средствам для удовлетворения своих потребностей. И, конечно же, многие потребности любого человека, в том числе и правонарушителя, социально обусловлены. Исходя из этих мотиваций и потребностей, потенциальный преступник должен искать возможные решения. При этом он, чаще всего, рационально выбирает свой криминальный путь.

Теория рационального выбора официально в криминологии началась в 1985 году с работ Рональда Кларка и Дерека Корниша [8]. Как было отмечено Рональдом Кларком и Дерек Корнишем в 1985 году, в социологии, криминологии, экономике и когнитивной психологии существовало несколько подходов, изучающих рациональность правонарушения. Хотя теоретические выводы этих дисциплин были весьма поучительны для понимания криминальных событий в определенных измерениях, они считались ограниченными для моделирования решений и действий правонарушителей. Рональд Кларк и Дерек Корниш использовали теорию рационального выбора применительно к криминологическим проблемам. Эта теория дает много информации о процессах принятия решений правонарушителями. Исследования в этой области ясно показывают, что рациональность проявляется на фоне самых гнусных преступлений. И рациональность является действующей теорией в рамках экологических криминологических теорий. Если бы преступники не вели себя рационально, мы не смогли бы предсказать их (преступные) действия и не было бы места для поля (ситуационного) предупреждения преступности.

Итак, по мнению американских ученых – экологических криминологов, суть ситуационного предупреждения преступности коренится в самом термине ситуационный. Ситуативность относится к

конкретным видам преступлений, месту совершения преступного события, времени совершения преступного события, конкретному характеру объекта преступления и так далее. Ситуационное предупреждение преступности – это подход к предупреждению преступности с целью сокращения криминальных возможностей. Этот подход направлен на вполне конкретные преступления (не только в классификации преступлений, но и по месту и времени преступной деятельности), стремится изменить среду, в рамках которой криминальные события происходят, делая криминальное событие более трудным, более рискованным, и менее полезным [9]. При этом предлагается набор принципов, определяющих деятельность по ситуационному предупреждению преступности:

1. Увеличение воспринимаемого правонарушителем усилия для совершения преступления.
2. Увеличение предполагаемых рисков (задержания, получения физического и иного отпора при нападении и т.п.).
3. Уменьшение ожидаемой выгоды от преступления (труднодоступность, маркировка предмета посягательства, снижение возможности реализации и т.п.).
4. Уменьшение провокаций для совершения преступления (ослабленная защита и доступность предмета преступного посягательства, демонстрация его дороговизны и значимости и т.п.).
5. Убрать все предлоги для совершения преступления, то есть нейтрализовать все ситуационные криминогенные факторы.

Чем же отличается ситуационное предупреждение от классического его понимания?

В 1998 году Маркус Фелсон и Рональд Кларк опубликовали статью под названием: «Возможность делает вора: практическая теория для предупреждения преступлений» [10]. В этой работе Фелсон и Кларк утверждали, что возможность является основной причиной преступности. И в этом – ключевое отличие, поскольку глубинные проблемы в экономической, социальной, психологической и т.п. структурах общества, способствующих преступности, подпадают под категорию первичного предупреждения преступности и признаются частью концепции ситуационного предупреждения преступности, а непосредственно анализируются ситуационные факторы.

Литература:

1. *Brantingham Paul J. Environmental Criminology / Brantingham Paul J. and Brantingham Patricia L. Beverly Hills, Calif. : Sage, 1981. P. 18.*
2. Материал из Википедии – свободной энциклопедии.
3. *Jeffery C.R. Crime prevention through environmental design. Beverly Hills, CA: Sage Publication. 1971. P. 279.*

Literature:

1. *Brantingham Paul J. Environmental Criminology / Brantingham Paul J. and Brantingham Patricia L. Beverly Hills, Calif. : Sage, 1981. P. 18.*
2. From Wikipedia, the free encyclopedia.
3. *Jeffery C.R. Crime prevention through environmental design. Beverly Hills, CA: Sage Publication. 1971. P. 279.*

4. *Jeffery C.R.* Crime prevention and control through environmental engineering / C.R. Jeffery // *Criminologica* 1969. № 7(3). P. 35–58.

5. *Martin A. Andresen.* Environmental Criminology. Evolution, Theory and Practice. Second Edition: published 2020 by Routledge S2 Vanderbilt Avenue. New-York, NY 10017. P. 50.

6. *Brantingham P.I.* Notes on the geometry of crime / P.I. Brantingham, P.J. Brantingham [et al.]. Environmental criminology. Prospect Heights. Ill. : Waveland Press, 1981. P. 27–54.

7. *Brantingham P.I.* The criminality of place: Crime generators and crime attractor / P.I. Brantingham, P.J. Brantingham // *European Journal of crime policy and Research*, 1995. № 3(3). P. 5–26.

8. *Clarke R.V.* Modeling offenders decisions: A framework for research and policy / R.V. Clarke, D.B. Cornish // *Crime and Justice: An Annual Review of Research*. 1985. № 6. P. 147–185.

9. *Clark R.V.* Situation crime prevention: Successful case studies. New-York, 1992. NY Harrow and Heston. Clark R.V. 1997. Situation crime prevention: Successful case studies. 2nd ed. Monsey. NY : Criminal Justice Press.

10. *Felson M.* Opportunity makes the thief: Practical theory for crime prevention / M. Felson, R.V. Clarke. London UK : Home office Policing and Reducing Crime Unit Research. Development and Statistics Directorate. 1998.

4. *Jeffery C.R.* Crime prevention and control through environmental engineering / C.R. Jeffery // *Criminologica* 1969. № 7(3). P. 35–58.

5. *Martin A. Andresen.* Environmental Criminology. Evolution, Theory and Practice. Second Edition: published 2020 by Routledge S2 Vanderbilt Avenue. New-York, NY 10017. P. 50.

6. *Brantingham P.I.* Notes on the geometry of crime / P.I. Brantingham, P.J. Brantingham [et al.]. Environmental criminology. Prospect Heights. Ill. : Waveland Press, 1981. P. 27–54.

7. *Brantingham P.I.* The criminality of place: Crime generators and crime attractor / P.I. Brantingham, P.J. Brantingham // *European Journal of crime policy and Research*, 1995. № 3(3). P. 5–26.

8. *Clarke R.V.* Modeling offenders decisions: A framework for research and policy / R.V. Clarke, D.B. Cornish // *Crime and Justice: An Annual Review of Research*. 1985. № 6. P. 147–185.

9. *Clark R.V.* Situation crime prevention: Successful case studies. New-York, 1992. NY Harrow and Heston. Clark R.V. 1997. Situation crime prevention: Successful case studies. 2nd ed. Monsey. NY : Criminal Justice Press.

10. *Felson M.* Opportunity makes the thief: Practical theory for crime prevention / M. Felson, R.V. Clarke. London UK : Home office Policing and Reducing Crime Unit Research. Development and Statistics Directorate. 1998.

Полтавец Валерия Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
pvaleri111@gmail.com

Хрущева Мария Александровна

студентка 4 курса
юридического факультета
имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
salentine2@gmail.com

**Тьюторское сопровождение
в пенитенциарной системе РФ**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с институтом тьюторства в пенитенциарной системе РФ. Выделяется совокупность причин, негативно влияющих на эффективность реабилитационных программ в местах лишения свободы. Акцентируется внимание на необходимости изменения подхода к ресоциализации осужденных посредством внедрения институт тьюторского сопровождения, определяются условия его эффективности.

Ключевые слова: тьюторство, пенитенциарная система, реабилитация, ресоциализация, наставничество, осужденный, образование, труд, профессиональная подготовка.

В условиях отбывания наказания, связанного с изоляцией осужденного от общества, личность преступника изменяется и, к сожалению, чаще всего не в лучшую сторону. В настоящее время вопросы, связанные с эффективной реабилитацией осужденных, крайне актуальны в связи со значительным количеством лиц, в действиях которых судом усматривается рецидив (в том числе опасный/особо опасный). Это подтверждается анализом статистических данных, представленных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Так, в 2017 году рецидив выявлен у 98199, опасный рецидив – у 16546, особо опасный рецидив – 6568 лиц соответственно. В 2018 году с признаками рецидива осуждено 98752, опасного рецидива – 14980, с признаками особо опасного рецидива – 6261 лица соответственно. В 2019 году признаки рецидива были установлены в действиях 93315, опасного рецидива – 13468, особо опасного рецидива – 5443 осужденных. В 2020 году было осуждено 88144 лица за совершение преступлений с признаками рецидива, опасного рецидива – 11870, особо опасного рецидива – 4668. Фактически каждый пятый, освобожденный из мест лишения

Valeria V. Poltavets

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
pvaleri111@gmail.com

Maria A. Khrushcheva

Student of the 4th year
of the Faculty of Law
named after A.A. Khmyrov
Kuban State University
salentine2@gmail.com

**TUTOR SUPPORT IN THE PENITENTIARY
SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. The article discusses issues related to the institution of tutoring in the penitentiary system of the Russian Federation. A set of reasons is highlighted that negatively affect the effectiveness of rehabilitation programs in places of deprivation of liberty. Attention is focused on the need to change the approach to resocialization of convicts through the introduction of the institution of tutor support, and the conditions for its effectiveness are determined.

Keywords: tutoring, penitentiary system, rehabilitation, resocialization, mentoring, convict, education, labor, vocational training.

свободы, совершает новое преступление [1]. Как видим снижения рассматриваемого контингента осужденных происходит очень медленно, что свидетельствует о низкой эффективности реализуемых средств исправления.

Приведенная неблагоприятная тенденция обусловлена как объективными, так и субъективными причинами. Субъективные причины рецидивной преступности детерминированы индивидуальными личностными характеристиками субъекта. В качестве объективных, прежде всего следует назвать недостаточную компетентность сотрудников исправительных учреждений, которые не могут отказаться от стереотипов в восприятии заключенных; отсутствие необходимой подготовки и необходимых средств, отвечающих современным стандартам работы с заключенными. Вместе с тем в п. 3 ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. установлено, что «пенитенциарной системой предусматривается режим для заключенных, существенной целью которого является их исправление и социальное воспитание» [2].

Исторически так сложилось, что проводимая длительный период времени пенитенциарная политика в России во многом ориентирована на применение карательно-репрессивных методов деятельности в отношении заключенных. В связи с чем экстраполируется необходимость ее реформирования, как и всей пенитенциарной системы в целом. В идеале пенитенциарные учреждения должны стать своеобразными социальными учреждениями, где будет организован на высоком уровне с учетом понимания специфики контингента педагогический процесс исправления социально запущенных заключенных. Однако, такой переход от применяемых достаточно жестких методов до наиболее гуманных требует не только серьезных временных затрат, но и привлечения значительного количества социально-экономических ресурсов, в том числе глубинного изменения (а также и сбалансирования) законодательной материи.

Согласно ст. 9 УИК РФ, воспитательная работа в местах лишения свободы является основным механизмом исправления осужденных.

Оптимизация порядка исправительного воздействия на осужденных, отбывающих лишение свободы, должна осуществляться с учетом уяснения базовых принципов реабилитации и ресоциализации осужденных, посредством внедрения новых технологий, направленные не просто на работу с психологическими аспектами личности, а на непосредственный учет индивидуальных потребностей каждого осужденного, его особенностей и, соответственно, проектирование индивидуального плана работы с контингентом, формирование необходимой среды для развития потенциала каждого пребывающего в местах лишения свободы. В связи с чем в настоящее время приобретает особую актуальность институт тьюторства, как новый вид сопровождения людей, имеющих сложности в социальной адаптации.

Тьюторское сопровождение – это работа с личной заинтересованностью в исправлении, с переосмыслением и готовностью к рефлексии самого осужденного. Тьютор – это профессиональный наставник, работающий с трудносциализируемыми людьми, который использует широкий спектр современных педагогических технологий: проектирование, портфолио, творческие мастерские, социокультурные игры, проектирование дорожной карты субъекта, вопросно-ответные технологии, форсайт-сессий и т.д.

Одной из ключевых задач принятой Концепции уголовно-исполнительной системы РФ до 2030 года является исправление осужденных, отвечающее требованиям законодательства РФ и международным стандартам, совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными [3].

Реализации указанной задачи видится посредством тьюторского сопровождения осужденных с момента их прибытия в исправительное учреждение и до момента освобождения.

В педагогике выделяются два основных этапа исправления: подготовительный и основной этап реализации. Их преломление сквозь призму задачи и специфики контингента уголовно-исполнительной системы, позволяет охарактеризовать эти этапы следующим образом:

Подготовительный этап. Реализуется с момента приема осужденного в исправительное учреждение и до момента окончания пребывания в карантинном отделении. Проявляется названный этап с учетом понимания применяемого в дальнейшем воспитательного воздействия и заключается в диагностировании психико-физиологических данных субъекта (в том числе, характера, темперамента, психики), выявлении причин и условий девиантного поведения, субъективного отношения к сложившейся ситуации, наличия или отсутствия психических заболеваний, не исключающих вменяемость осужденного и т.д. На основе проведенного анализа разрабатывается соответствующая программа ресоциализации (дорожная карта реабилитации заключенного в исправительном учреждении), устанавливаются этапы и сроки ее исполнения.

Основной этап. Проявляется в оказании осужденному посильной психологической и иной помощи в адаптации к новым условиям, в рамках которой выявляются конфликтогены, проводятся беседы, консультации, тренинги. В рамках данного этапа также осуществляется подготовка осужденного к самостоятельной полноценной жизни после освобождения: организуется труд, образование, в том числе профессиональная подготовка.

Как представляется, сопровождение осужденного на всех этапах профессиональным наставником (тьютором, консультантом, опытным специалистом) в большей степени создаст условия для эффективной реализации мер исправительного воздействия.

Наставник (тьютор, консультант, опытный специалист) должен мотивировать своего подопечного трудиться и развиваться, обучить правилам правомерного поведения в той или иной ситуации, необходимости соблюдения действующего отечественного законодательства и установленного правопорядка в обществе.

Тьюторское сопровождение обнаруживает и использует имманентно присущие осужденному личностные характеристики, механизмы его поведения с учетом имеющейся обстановки его пребывания (в условиях изоляции от общества), позволяющие восстановить человеческое в человеке. Работа тьютора в большей степени должна быть направлена на создание такой среды и условий для осужденного, в рамках которых последний определяет правомерную траекторию своего развития и реализации. Непосредственно осужденный должен самостоятельно провести крайне важную работу по выявлению желаемых (приемлемых) направлений его будущей деятельности. Работа тьютора в этом случае заключается: в совместном анализе указанных направлений, мотивации осужденного, оказании помощи в их реализации. Особое место в исправительной работе

с осужденным должны занимать образование, профессиональная подготовка и труд в исправительных учреждениях. Эффективность влияния названных направлений на реинтеграцию и реабилитацию осужденного неоднократно доказывалась практикой. Так результаты проведенного масштабного исследования в США свидетельствуют о том, что заключенные, получившие общее образование и прошедшие курс профессиональной подготовки, значительно реже вновь оказываются в исправительном учреждении и гораздо чаще находят работу, чем те, которые такой возможности не имели, пребывая в местах лишения свободы [4, с. 2].

Помимо прочего, реализация перечисленных направлений развития потенциала осужденного снизит вероятность возникновения депрессивных состояний у осужденных, уровень их конфликтности, позволит лучше управлять осужденными, а значит в определенной мере избежать насилия в среде спецконтингента, улучшить их финансовые возможности, а главное будет способствовать исправлению.

Эффективность названных трех категорий программ в исправительных учреждениях, а именно в сфере образования, профессиональной подготовки и труда, во многом зависит от подготовки тьюторского сопровождения. Прежде всего, от глубины изучения личности осужденного: потребностей, уровня его образования (в том числе профессионального), состояния здоровья, трудовых

навыков, физических и интеллектуальных возможностей.

Условием успешности тьюторского сопровождения, безусловно, является обеспеченность учреждений исправительной системы необходимой и разнообразной базой: широким спектром актуальных реабилитационных программ, в том числе предоставляющих осужденному право выбора программы профессиональной подготовки, получения специальности, соответствующей реальным потребностям современного рынка труда, достойной оплатой труда заключенного и обеспечение его безопасности.

Как представляется, исключительный тандем тьюторского сопровождения и перечисленных условий является залогом эффективной ресоциализации осужденных и отвечает международным стандартам в рассматриваемой сфере.

Учитывая изложенное, видится необходимым не только правовое урегулирование деятельности тьюторов в исправительных учреждениях, но и разработка методического сопровождения данного процесса, обучение специалистов и постоянное повышение их квалификации. Комплексное и своевременное осуществление названных мер позволит эффективно реализовать международные обязательства по обеспечению прав осужденных, но и повысить уровень реабилитационной работы с осужденными, а также воспитательной функции российской пенитенциарной системы в целом.

Литература:

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России по всем составам преступлений в УК РФ за 2017, 2018, 2019, 2020 гг. Форма № 11.2 Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460> (дата обращения 04.11.2021).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года // Веб-сайт ООН. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 04.11.2021).
3. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // СПС «Гарант». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения 04.11.2021).
4. Дорожная карта для разработки программ реабилитации в условиях тюрьмы. Серия справочников по вопросам уголовного правосудия. ООН, Вена, 2018.

Literature:

1. Summary statistical data on the state of criminal record in Russia for all types of crimes in the Criminal Code of the Russian Federation for 2017, 2018, 2019, 2020. Form № 11.2 Report on the characteristics of the crime, its recidivism and repetition by the number of convicts for all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460> (date of application 04.11.2021)
2. The International Covenant on Civil and Political Rights of 1966 // Website of LLC. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (date of application 04.11.2021).
3. On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 № 1138-r // SPS «Garant». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (date of application 04.11.2021).
4. Roadmap for the development of rehabilitation programs in prison conditions. A series of reference books on criminal justice issues. UN, Vienna, 2018.

Пронина Юлия Олеговна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Юго-Западный
государственный университет
y.o.pronina@gmail.com

Петров Николай Вячеславович

преподаватель кафедры
конституционного и гражданского права,
Курская академия государственной
и муниципальной службы
petrovkolya97@mail.ru

Берлов Кирилл Дмитриевич

аспирант кафедры гражданского права,
Юго-Западный
государственный университет
gpkursk@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О РОЛИ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ
В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ПРОЦЕДУРЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ДОГОВОРА КУПИ-ПРОДАЖИ
ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА,
НАХОДЯЩЕГОСЯ В МУНИЦИПАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ**



Аннотация. В настоящей статье рассматривается роль муниципальных правовых актов в обеспечении процедуры заключения договора купли-продажи земельного участка. Земельный участок как объект права собственности на сегодняшний день отличается сочетанием частных и публичных начал в правовом регулировании сделок по распоряжению им, совершение которых осложняется рядом подзаконных актов. По итогу исследования авторы обосновывают необходимость постоянного совершенствования административных регламентов в обороте земельных участков, находящихся в муниципальной собственности.

Ключевые слова: земельный участок, муниципальное образование, местное самоуправление, правовой акт, законодательство, правовое регулирование.



Современный гражданский оборот нельзя представить без права распоряжения земельными участками. С принятием Конституции Российской Федерации субъектный состав собственников земельных участков существенно расширился: граждане и юридические лица

Yulia O. Pronina

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Civil Law,
Southwest State University
y.o.pronina@gmail.com

Nikolay V. Petrov

Lecturer of the Department
of Constitutional and Civil Law,
Kursk Academy of State
and Municipal Service
petrovkolya97@mail.ru

Kirill D. Berlov

Postgraduate Student
of the Department of Civil Law,
Southwest State University
gpkursk@yandex.ru

**TO THE QUESTION OF THE ROLE
OF MUNICIPAL LEGAL ACTS
IN THE LEGAL REGULATION
OF THE PROCEDURE FOR CONCLUDING
A CONTRACT OF SALE OF A LAND PLOT
IN MUNICIPAL OWNERSHIP**



Annotation. This article examines the role of municipal legal acts in the support of the procedure for concluding a contract of sale of a land plot. A land plot as an object of property right today is distinguished by a combination of private and public principles in the legal regulation of transactions on its disposal, the commission of which is complicated by a number of by-laws. Based on the results of the study, the authors substantiate the need for continuous improvement of administrative regulations in the turnover of land plots that are in municipal ownership.

Keywords: land plot, municipal formation, local self-government, legal act, legislation, legal regulation.



наравне с публично-правовыми образованиями получили возможность иметь в собственности и использовать в экономической деятельности земельные участки. В статье 36 Конституции Российской Федерации содержится соотношение публичных и частных начал при владении,

пользовании и распоряжении земельными участками: с одной стороны, гражданам гарантируется такое право, а с другой стороны ему корреспондирует обязанность обеспечивать сохранность окружающей среды и не нарушать законные права и интересы других лиц при реализации названных правомочий [1].

Исторически сложилось, что земельные участки являются одним из самых ценных экономических ресурсов, что обуславливает достаточно сложный механизм правового регулирования их оборота. Вместе с тем, необходимо обратить внимание на то, что по сравнению с другими природными объектами, законодатель дает больше возможностей по переходу земельного участка из собственности Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования в частную собственность граждан и юридических лиц.

Например, в статье 1.2 Закона РФ «О недрах» указывается, что недра, в том числе полезные ископаемые и энергетические ресурсы, могут находиться только в государственной собственности [2]. Водный кодекс Российской Федерации в качестве общего правила закрепляет государственный вид собственности на водные объекты и лишь в качестве исключения позволяет муниципальным образованиям, гражданам и юридическим лицам иметь в собственности пруд или обводненный карьер. Применительно к лесному участку как объекту права собственности, применяется аналогичное общее правило об отнесении его к объектам государственной собственности, однако, в части 2 статьи 8 Лесного кодекса Российской Федерации содержится бланкетная норма об определении правового режима права собственности лесного участка в соответствии с земельным законодательством [3].

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что среди природных объектов именно земельный участок наиболее мобилен в гражданском обороте. В статье 39.1 Земельного кодекса Российской Федерации среди оснований возникновения прав на земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности, единственным основанием, которое дает все правомочия собственника (владение, пользование и распоряжение) является договор купли-продажи [4].

Регламентация договора купли-продажи земельного участка является воплощением частных и публичных начал в правовом регулировании перехода права собственности посредством совершения сделки от одного субъекта к другому.

Анализ нормативно-правовой базы, составляющей основу закрепления правил заключения договора купли-продажи земельного участка показывает, что она имеет достаточно сложную структуру.

Общие правила установлены в параграфе 7 главы 30 Гражданского кодекса Российской Федерации, где отражено правовое регулирование договора купли-продажи недвижимости [5]. Исходя

из законодательных положений, земельный участок рассматривается как самостоятельный предмет договора и как объект недвижимости, который передается как «вспомогательный» вместе со зданием или сооружением, по поводу которого заключается договор. Следует отметить, что Гражданский кодекс Российской Федерации в статьях 549-558 не содержит бланкетных норм, которые обозначают особенности системы правовой регламентации процедуры заключения договора купли-продажи земельного участка.

Все земельные участки, которые могут стать предметом договора купли-продажи можно условно разделить на находящиеся в собственности граждан и юридических лиц и в собственности публично-правовых образований. В первом случае действуют правила, которые применяются и к другим объектам недвижимости, тогда как во втором случае необходимо руководствоваться нормами Земельного кодекса Российской Федерации, устанавливающего институт торгов как инструмент заключения договора купли-продажи земельного участка.

Поскольку земельный участок представляет собой один из важнейших экономических ресурсов, эффективное и оперативное управление их оборотом невозможно без участия органов местного самоуправления. Об этом свидетельствует отнесение к вопросам местного значения полномочий по утверждению правил землепользования (статьи 14–16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). Кроме того, о важности и первичности местного самоуправления в пользовании и распоряжении земельными участками говорит отнесение земельного налога к местным (статья 15 Налогового кодекса Российской Федерации). Именно поэтому возрастает актуальность исследования муниципальных актов в области регулирования процедур заключения договора купли-продажи земельного участка, находящегося в муниципальной собственности.

Изучение муниципальных актов показывает, что они направлены на конкретизацию отдельных элементов договора купли-продажи земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, и принимаются местными администрациями. Согласно пункту 3 части 1 статьи 43 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в систему муниципальных правовых актов входят постановления местной администрации [6].

Например, в Постановлении Администрации города Курска № 1698 от 11.09.2020 «Об утверждении перечня земельных участков на территории города Курска для льготного предоставления в собственность за плату без проведения торгов (аукционов) отдельным категориям граждан» определяет особенности предмета договора купли-продажи (перечень земельных участков, их кадастровые номера), а также цену договора, условия предоставления – без проведения торгов [7].

Особое место в системе нормативных актов, связанных с процедурой заключения договора купли-продажи земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, занимают административные регламенты, под которыми в Федеральном законе «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ понимаются «нормативные акты, устанавливающие порядок предоставления и стандарт государственной или муниципальной услуги» [8].

Так, Постановление Администрации города Белгорода № 28 от 02.02.2017 утвержден административный регламент по предоставлению муниципальных услуг, связанных с принятием решения проведения аукциона по продаже земельного участка [9]. Этот муниципальный акт определяет, кто может стать контрагентом по договору купли-продажи земельного участка, находящегося в собственности муниципального образования, осуществляющий аукцион на заключение договора субъект (Комитет Земельных и имущественных отношений Администрации города Белгорода), перечень необходимых для участия в аукционе документов, результат оказания муниципальной услуги (решение о проведении либо отказе в проведении аукциона) и сроки принятия решения.

Отдельно хотелось бы отметить, что названный выше административный регламент устанавливает основания для отказа в проведении аукциона, которые связаны с необходимостью уточнения границ земельного участка, с отсутствием зарегистрированного права муниципальной собственности или параметров предельного строительства, а также, сведений о технических условиях подключения; данный земельный участок обременен правом пожизненного наследуемого владения или постоянного бессрочного пользования и т.д. Из этого следует, что именно на уровне муниципального правового акта вырабатываются основания и уточняются основания, устраняющие предпосылки для заключения договора купли-продажи земельного участка [9].

Проблема определения юридической природы административных регламентов и их место в системе муниципальных правовых актов на протяжении долгого времени является предметом научной дискуссии. Так, по мнению Е.А. Филимоновой, они представляют собой «особый источник муниципального права», направленный на повышение качества оказания муниципальных услуг [10, с. 105]. О.В. Яхина рассматривает административные регламенты как «форму,

регулирующую порядок действий при предоставлении муниципальных услуг» [11, с. 38].

В.Д. Бадоян и С.И. Шамуратова полагают, что административные регламенты являются лишь приложением к муниципальному правовому акту, а сами относятся к системе муниципальных правовых актов косвенно, но предложение о включении их напрямую в систему муниципальных актов видится нецелесообразным, поскольку законодатель определил их нормативно-правовой характер [12, с. 250].

Применительно к договору купли-продажи земельного участка, находящегося в муниципальной собственности, следует отметить, что процедура его заключения является муниципальной услугой и в этом проявляются публичные начала правового регулирования рассматриваемой договорной конструкции. Назначение муниципальных актов в данном случае сводится к установлению предмета и цены договора, продавца (представителя органа местного самоуправления), порядка заключения договора.

На основании вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что роль муниципальных актов в правовом регулировании договора купли-продажи земельного участка, находящегося в муниципальной собственности достаточно значима. Они носят практическую направленность, поскольку для граждан и юридических лиц, желающих приобрести в собственность закрепленный за муниципальным образованием земельный участок, в первую очередь, важны, не обозначенные в Земельном кодексе Российской Федерации общие положения, а особенности процедуры заключения договора, его предмет и цена, которые указаны именно в муниципальных правовых актах. Связи с этим. Мы предлагаем разработать типовой административный регламент по предоставлению муниципальной услуги «заключение договора купли-продажи земельного участка, находящегося в муниципальной собственности». Особенно актуальным это видится в свете конституционной новеллы части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации, согласно которой, органы государственной власти и органы местного самоуправления составляют единую систему публичной власти в целях эффективного решения задач в интересах населения. Управление земельными ресурсами, безусловно, является задачей, на эффективность решения которой должны быть направлены все управленческие и правовые ресурсы, поэтому качество муниципальных актов в этой области должно оставаться на высоком уровне.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation № 6-FKZ of 30.12.2008, № 7-FKZ of 30.12.2008,

№ 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 04 июль 2020 г. № 144.

2. Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 № 2395-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.10.2021).

3. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.10.2021).

4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.10.2021).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (ред. 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.10.2021).

6. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.10.2021).

7. Постановление Администрации города Курска № 1698 от 11.09.2020 «Об утверждении перечня земельных участков на территории города Курска для льготного предоставления в собственность за плату без проведения торгов (аукционов) отдельным категориям граждан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.10.2021).

8. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. 02.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.10.2021).

9. Постановление Администрации города Белгорода № 28 от 02.02.2017 Об утверждении административного регламента по предоставлению муниципальной услуги «Принятие решения о проведении аукциона по продаже земельного участка или аукциона на право заключения договора аренды земельного участка по инициативе гражданина или юридического лица, заинтересованных в предоставлении земельного участка, находящегося в муниципальной собственности или государственная собственность на который не разграничена» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.10.2021).

10. *Филлимонова Е.А.* Юридическая природа и значение муниципальных административных регламентов / Е.А. Филлимонова // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 103–107.

11. *Яхина О.В.* Муниципальные услуги, муниципальные функции и административные регламенты органов местного самоуправления: правовое соотношение / О.В. Яхина // Национальная Ассоциация Ученых. 2015. № 7-2(12). С. 37–38.

12. *Бадоян В.Д.* Система муниципальных правовых актов: теоретические и практические аспекты / В.Д. Бадоян, С.И. Шамуратов; Отв. ред. Т.Н. Михеева // В сборнике: Проблемы реализации общественного контроля на уровне местного самоуправления. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2016. С. 247–250.

№ 2-ФКЗ of 05.02.2014, № 11-ФКЗ of 21.07.2014, № 1-ФКЗ of 14.03.2020) // RossiyskayaGazeta. July 04, 2020. № 144.

2. The Law of the Russian Federation «On Subsoil» dated 02/21/1992 № 2395-1 // SPS «ConsultantPlus» (date of application 10.10.2021).

3. Forest Code of the Russian Federation № 200-FZ dated 04.12.2006 (date of application 02.07.2021) // SPS «ConsultantPlus» (date of application 10.10.2021).

4. Land Code of the Russian Federation № 136-FZ dated 25.10.2001 (ed. dated 02.07.2021) // SPS «ConsultantPlus» (date of application 10.10.2021).

5. The Civil Code of the Russian Federation (ed. 01.07.2021) // SPS «ConsultantPlus» (date of application 10.10.2021).

6. Federal Law № 131-FZ of 06.10.2003 (as amended on 01.07.2021) «On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus» (date of application 10.10.2021).

7. Resolution of the Administration of the city of Kursk № 1698 of 11.09.2020 «On approval of the list of land plots in the territory of the city of Kursk for preferential provision of ownership for a fee without bidding (auctions) to certain categories of citizens» // SPS «ConsultantPlus» (date of application 10.10.2021).

8. Federal Law «On the organization of the provision of state and municipal services» dated 27.07.2010 № 210-FZ (ed. 02.07.2021) // SPS «ConsultantPlus» (date of application 10.10.2021).

9. Resolution of the Administration of the City of Belgorod № 28 dated 02.02.2017 On approval of the administrative regulations for the provision of municipal services «Making a decision on holding an auction for the sale of a land plot or an auction for the right to conclude a lease agreement for a land plot on the initiative of a citizen or a legal entity interested in providing a land plot that is in municipal ownership or state ownership of which is not delimited» // SPS «ConsultantPlus» (date of application 10.10.2021).

10. *Filimonova E.A.* The legal nature and significance of municipal administrative regulations / E.A. Filimonova // North Caucasian Legal Bulletin. 2014. № 3. P. 103–107.

11. *Yakhina O.V.* Municipal services, municipal functions and administrative regulations of local self-government bodies: legal relationship / O.V. Yakhina // National Association of Scientists. 2015. № 7-2(12). P. 37–38.

12. *Badoyan V.D.* The system of municipal legal acts: theoretical and practical aspects / V.D. Badoyan, S.I. Shamuradov; Responsible editor T.N. Mikheeva // In the collection: Problems of implementation of public control at the level of local self-government. Collection of materials of the International scientific and practical Conference. 2016. P. 247–250.

Рябчиков Вадим Вячеславович
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
9040315660@mail.ru

Бабаев Эмран Зейналович
магистрант,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
emran.2017@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. Уголовно-процессуальный закон обязывает органы расследования, прокурора в каждом случае обнаружения признаков преступления принять меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления и от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного, а, в отдельных случаях, частного обвинения, осуществлять уголовное преследование. В статье рассмотрены полномочия прокурора на стадии предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела. Общие особенности взаимодействия следователя и прокурора. Выявлены проблемы указанного взаимодействия и предложены пути решения.

Ключевые слова: прокурор, государственный обвинитель, следователь, уголовное преследование, функция обвинения, взаимодействие.

Уголовно-процессуальный закон обязывает органы расследования, прокурора в каждом случае обнаружения признаков преступления принять меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления и от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного, а, в отдельных случаях, частного обвинения, осуществлять уголовное преследование (ст. 21 УПК РФ).

Деятельность вышеуказанных органов и должностных лиц соответствует одной из трех основных функций уголовного процесса – функции обвинения (ч. 2 ст. 15 УПК РФ). В этой же статье сказано, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не

Vadim V. Ryabchikov
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
9040315660@mail.ru

Emran Z. Babaev
Master's Student,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
emran.2017@mail.ru

PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN THE INVESTIGATOR AND THE PUBLIC PROSECUTOR DURING THE INVESTIGATION OF A CRIMINAL CASE

Annotation. The Criminal Procedure Law obliges the investigative bodies, the prosecutor in each case of detection of signs of a crime to take measures to establish the event of the crime, to expose the person or persons guilty of committing a crime and on behalf of the state in criminal cases of public and private-public, and, in some cases, private prosecution, to carry out criminal prosecution. The article examines the powers of the prosecutor at the stage of preliminary investigation and judicial review of a criminal case. General features of the interaction between the investigator and the prosecutor. The problems of this interaction are identified and solutions are proposed.

Keywords: prosecutor, public prosecutor, investigator, criminal prosecution, prosecution function, interaction.

могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Объективность и всесторонность предварительного расследования, проводимого следователем, отнюдь не являются функцией защиты от предъявленного обвинения, наоборот, обосновывает законность предъявленного обвинения, является составляющей функции обвинения.

Однако существуют и другие мнения, например А.М. Багмет считает, что следователь, не поддерживающий ни одну из сторон, является установителем истины по уголовному делу [1]. Авторы статьи, в целом, позитивно относятся к такой идее, однако, полагают, что ее реализация потребует не только внесения существенных дополнений и изменений действующее законодательство, а

возможно и пересмотра всей модели досудебного производства. Кроме того, понятие «истина» в философском смысле не тождественно понятию «истина» в уголовном процессе. Истина в уголовном процессе, как ее не назови, суть, истина юридическая [3] и сводится она, при производстве по конкретному уголовному делу, к установлению судом обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, при условии вступления судебного данного решения в законную силу (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ).

Анализируя действующее уголовно-процессуальное законодательство можно отметить, что «основной» обвинитель – это следователь, поскольку прокурор, являясь должностным лицом, уполномоченным в пределах своей компетенции осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, не имеет полноценной возможности воздействовать на следователя для формирования доказательственной базы с позиции, в будущем, государственного обвинителя. Однако, обеспечивая законность и обоснованность предъявляемого следователем обвинения (ст. 37 УПК РФ), он, отчасти, формирует его для использования в ходе предстоящего судебного разбирательства, поэтому надзор прокурора за процессуальной деятельностью органов расследования, в целом, вписывается в рамки уголовного преследования, что, по сути, является функцией обвинения.

Ряд процессуалистов придерживается другого мнения, например А.Р. Сафина [8], Б.Б. Ооржак [6], исходя из полномочий прокурора, выделяют и другие функции, однако, авторы статьи не склонны смешивать такие понятия как «полномочия» и «процессуальные функции» и придерживаются указанных в ч. 2 ст. 15 УПК РФ принципиальных положений.

В соответствии с ч. 2 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации: «Осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя». Государственный обвинитель, в соответствии с ч. 6 ст. 5 УПК РФ, это поддерживающее (выделено автором) от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры. Однако здесь необходимо отметить, что уголовное преследование, следователем осуществляется в публичном порядке (ч. 1 ст. 20 УПК РФ) и действуют они, предъявляя обвинение, так же от имени государства.

Пределы судебного разбирательства, в соответствии со ст. 252 УПК РФ, ограничены предъявленным следователем (от имени государства) обвинением, а прокурор поддерживает это обвинение, сначала утверждая обвинительное заключение, предъявленное следователем, а перед судом «в ходе поддержания государственного обвинения он выступает в роли стороны, доказывающей правомерность своего утверждения о совершении лицом преступления и требующей окончательного применения уголовно-правовой нормы» [3].

Таким образом, по мнению авторов статьи, при всем арсенале имеющихся процессуальных

полномочий, органы предварительного расследования и прокуратуры во взаимодействии выполняют одну из основных функций уголовного процесса – функцию государственного обвинения. Причем, ведущим субъектом обвинения, по мнению О. В. Левченко [5], выступает следователь, а не прокурор.

О неэффективности прокурорского надзора за деятельностью органов расследования утверждает О.Я. Баев, являясь далеко не единственным сторонником всем известной реформы досудебного производства 2007 года, сущность которой заключалась в радикальном перераспределении полномочий между прокурором, следователем и руководителем следственного органа, что, в свою очередь, привело к изменениям всей модели предварительного расследования, особенно предварительного следствия. В развитие данной реформы он полагает, что процессуальный контроль «за законностью действий и решений должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование на досудебных стадиях уголовного процесса, надлежит осуществлять суду; может быть (и скорее всего), следует возложить функции его осуществления на возрождаемый институт следственных судей» [2].

Авторам статьи ближе позиция О.В. Левченко в том, что после реформы 2007 года главные участники со стороны обвинения искусственно разделены и прокурор, формально выступая участником стороны обвинения и относясь к публичным органам уголовного преследования, в досудебном производстве не имеет реальной возможности повлиять на обвинение и его доказывание. После поступления прокурору уголовного дела с обвинительным заключением он, зачастую, уже не в силах изменить предмет обвинения и его основания, что влечет за собой определенные трудности осуществить на практике функцию обвинения. В этой ситуации «пассивность» государственного обвинителя, ответственного за развитие уголовного процесса в судебных стадиях, компенсируется «вынужденной активностью» суда и, как следствие, тот самый обвинительный уклон, в котором часто упрекают уголовное правосудие [5].

В свою очередь, И.Г. Рогова и Е.Д. Романова полагают, что, «возглавляя обвинительную власть, прокурор несет полную ответственность за эффективность и законность уголовного преследования на всех этапах уголовного судопроизводства и полное право распоряжаться обвинением – продолжать или прекращать уголовное преследование, вносить в содержание обвинения определенные изменения, отказаться от использования в целях уголовного преследования недопустимых доказательств» [7]. По глубокому убеждению авторов статьи это будет возможно только при возвращении прокурору всех утраченных им полномочий. Сразу оговоримся, что вопрос о возбуждении уголовного дела, в этом случае, потребует определенной доработки, особенно процедуры получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела.

Литература:

1. *Багмет А.М.* Анализ целесообразности введения института следственного судьи в уголовное судопроизводство / А.М. Багмет // Рос. следователь. 2015. № 11. С. 6–8.
2. *Баев О.Я.* Функции следователя и прокурора – уголовное преследование / О.Я. Баев // Судебная власть и уголовный процесс 2016. № 1. С. 120–126.
3. *Воронин О.В.* К вопросу о признании поддержания государственного обвинения в качестве отдельной функции российской прокуратуры / О.В. Воронин // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2(8). С. 35–42.
4. *Гуров А.* Истина и состязательность в уголовном процессе. URL : <https://zachnik.com/spravochnik/pravo/ugolovno-protsessualnoe-pravo/istina-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/>
5. *Левченко О.В.* Современное правовое положение прокурора в предварительном следствии по уголовному делу и направления его совершенствования / О.В. Левченко // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 189–191.
6. *Ооржак Б.Б.* К вопросу о функциях прокурора / Б.Б. Ооржак // Молодой ученый. 2021. № 19(361). С. 234–235.
7. *Рогавя И.Г.* Полномочия прокурора в рамках прокурорского надзора на стадии предварительного следствия и дознания / И.Г. Рогавя, Е.Д. Романова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-1. С. 191–193.
8. *Сафина А.Р.* Функции прокурора в уголовном процессе / А.Р. Сафина // Вопросы науки и образования. 2017. № 10(11). С. 120–123.

Literature:

1. *Bagmet A.M.* Analysis of the expediency of introducing the institute of an investigative judge into criminal proceedings / A.M. Bagmet // Russian investigator. 2015. № 11. P. 6-8.
2. *Baev O.Ya.* Functions of the investigator and the Prosecutor, prosecution // The Judiciary and criminal procedure 2016. № 1. P. 120–126.
3. *Voronin O.V.* To the question of recognizing the maintenance of public prosecution as a separate function of the Russian prosecutor's office / O.V. Voronin // Bulletin of the Tomsk state University. Right. 2013. № 2(8). P. 35–42.
4. *Gurov A.* Truth and competitiveness in criminal proceedings. URL : <https://zachnik.com/spravochnik/pravo/ugolovno-protsessualnoe-pravo/istina-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/>
5. *Levchenko O.V.* The current legal status of the prosecutor in the preliminary investigation of a criminal case and the directions of its improvement / O.V. Levchenko // Bulletin of Economic Security. 2021. № 2. P. 189–191.
6. *Oorzhak B.B.* On the question of the functions of the prosecutor / B.B. Oorzhak // Young scientist. 2021. № 19(361). P. 234–235.
7. *Rogava I.G.* Powers of the prosecutor within the framework of prosecutorial supervision at the stage of preliminary investigation and inquiry / I.G. Rogava, E.D. Romanova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. № 11-1. P. 191–193.
8. *Safina A.R.* Functions of the prosecutor in the criminal process / A.R. Safina // Questions of science and education. 2017. № 10(11). P. 120–123.

Селиванов Олег Владимирович
студент 1 курса,
Российский государственный
университет правосудия
avadakeedavraa@yandex.ru

Барашева Елена Викторовна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия, Иркутск
barahevaev@bk.ru

Степаненко Алексей Сергеевич
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БРАКОРАЗВОДНОГО ПРОЦЕССА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию теоретических аспектов бракоразводного процесса с участием несовершеннолетних детей. Авторами проведено исследование юридических основ бракоразводного процесса. Рассмотрены основания для расторжения брака, обстоятельства, подтверждающие невозможность сохранения семьи, доказательства, используемые супругами в рамках судебного разбирательства и само судебное заседание.

Ключевые слова: бракоразводный процесс, несовершеннолетние дети.

«Брак – основная причина разводов». Эта крылатая фраза, сказанная когда-то давно Лоуренсом Питером, канадским педагогом и писателем 20 века, по праву является лучшим вступлением по теме работы о бракоразводном процессе.

Брак, согласно 12 статье Семейного кодекса Российской Федерации (далее СК РФ) – это взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, которые достигли восемнадцатилетнего возраста, иными словами, согласно статье 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) – возраста полной гражданской дееспособности [2; 3].

Oleg V. Selivanov
1st year Student,
Russian State
University of Justice
avadakeedavraa@yandex.ru

Eleva V. Barasheva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Russian State
University of Justice, Irkutsk
barahevaev@bk.ru

Alexey S. Stepanenko
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Russian State
University of Justice
mail@esbrsuj.ru

THEORETICAL ASPECTS OF DIVORCE PROCEEDINGS INVOLVING MINOR CHILDREN

Annotation. This article is devoted to the study of the theoretical aspects of the divorce process with the participation of minor children. The legal basis of the divorce proceedings has been studied. The grounds for divorce, the circumstances confirming the impossibility of preserving the family, the evidence used by the spouses in the course of the trial and the trial itself are considered.

Keywords: divorce process, minor children.

Брак защищается конституционно, на основании 38 статьи – «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства» [1].

Кратко изучив понятие «брак», обратимся к изучению прекращения брака – развода. Как уже было сказано ранее, согласно статье 12 СК РФ, брак – это взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, иными словами это их личный выбор. Развод зачастую является хоть и вынужденной мерой, но все же, также личным выбором супругов, но никогда не является выбором ребенка. Этот тезис стоит выделить отдельно – «Развод никогда не является выбором ребенка».

Согласно статье 21 СК РФ, расторжение брака производится в судебном порядке в случае:

1. Наличия у супругов общих несовершеннолетних детей;
2. Отсутствия согласия одного из супругов на расторжение брака.
3. Уклонения одного из супругов от расторжения брака в органе записи актов гражданского состояния [2].

Относительно первого случая действует 19 статья СК РФ, которая устанавливает обстоятельства, позволяющие расторгнуть брак в органах записи актов гражданского состояния. В случае если один из супругов:

1. Признан судом безвестно отсутствующим (статья 42 ГК РФ – суд может признать человека безвестно отсутствующим по заявлению заинтересованных лиц, если в течение года в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания) [2; 3];
2. Признан судом недееспособным (статья 29 ГК РФ – суд может признать недееспособным человека, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими) [2; 3];
3. Осужден к лишению свободы на срок свыше трех лет [2].

Согласно статье 23 СК РФ, суд при наличии взаимного согласия супругов расторгает брак без выяснения мотивов развода.

Согласно статье 24 СК РФ, суд разрешает вопросы, касающиеся несовершеннолетних детей. Пункт 1 дает право супругам составить соглашение, содержащее данные о месте проживания, порядке выплат средств на содержание детей и (или) нетрудоспособного нуждающегося супруга, о размере выплат и о разделе общего имущества супругов. Пункт 2 обязывает суд в случаях, если соглашения отсутствует, либо нарушает интересы детей или одного из супругов, определить вышеизложенное содержание соглашения самостоятельно.

Относительно второго случая действует 22 статья СК РФ, которая устанавливает факт невозможности сохранения семьи, а также право суда по принятию мер к примирению супругов. На время примирения суд откладывает разбирательство дела и назначает срок примирения в пределах трех месяцев. Брак расторгается в случае, если меры по примирению ни к чему не привели и супруги (один из них) также настаивают на разводе [2].

Стоит отметить, что согласно пункту 10 Пленума Верховного суда Российской Федерации от 05 ноября 1998 года № 15 – определение суда об отложении разбирательства не может быть обжаловано в апелляционном и кассационном порядке [5].

Перечень обстоятельств, подтверждающих невозможность сохранения семьи, не закреплен законом, однако за счет судебной практики можно отнести:

1. Злоупотребление алкогольной продукцией одним из супругов;
2. Хронический алкоголизм одного из супругов;
3. Ограничения дееспособности по причинам злоупотребления алкоголем или наркотиков;
4. Отсутствие между супругами близких отношений;
5. Раздельное проживание длительный период времени;
6. Осуждение супруга к лишению свободы на срок до трех лет включительно (если заявление в суд подано другим супругом);
7. Осуждение супруга к лишению свободы на срок свыше трех лет;
8. Неустановленное место жительства супруга (но супруг не признан судом безвестно отсутствующим);
9. Супружеская неверность;
10. Фактически брачные отношения одного из супругов с другим лицом; Жестокое обращение с супругом или несовершеннолетними детьми;
11. Невозможность одного из супругов иметь детей.

В качестве доказательств перечисленных обстоятельств используются:

1. Копия вступившего в законную силу приговора суда об осуждении супруга к лишению свободы;
2. Копия вступившего в законную силу решения суда об ограничении супруга в дееспособности;
3. Справка из медицинского учреждения о постановке супруга на учет по причине хронического алкоголизма;
4. Справка из медицинского учреждения об обращении супруга по поводу причиненных побоев;
5. Справка из медицинского учреждения о наличии заболевания, препятствующего рождению детей;
6. Свидетельские показания соседей, родственников, друзей, сослуживцев и коллег.

Относительно третьего случая не действует отдельная статья регулирующая понятие уклонения. Для разрешения подобного дела в суде используются следующие доказательства:

1. Копия телеграммы с предложением даты, времени и места встречи для подачи заявления в орган загса о расторжении брака;

2. Справка из органов загса о неявке супруга с заявлением о расторжении брака;

3. Справка из органа загса о подаче заявления о расторжении брака, но неявке одного из супругов для регистрации расторжения брака [6].

Рассмотрев основания для расторжения брака, обстоятельства, подтверждающие невозможность сохранения семьи и доказательства, используемые супругами в рамках судебного разбирательства, необходимо сказать пару слов о самом заседании суда по бракоразводному процессу.

Согласно статье 10 Гражданского Процессуального Кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ) – разбирательство гражданских дел во всех судах является открытым. Однако согласно пункту второму данной статьи бракоразводный процесс может проходить в закрытом заседании по ходатайству одной из сторон, в случае необходимости сохранения неприкосновенности частной жизни. Данное право гарантируется статьей 23 действующей Конституции Российской Федерации [1; 4].

В рамках бракоразводного процесса личный конфликт сторон является нормой, в связи с этим часто возникает сложность проведения судебного заседания из-за неявки одной из сторон. Статья 167 ГПК РФ устанавливает несколько вариантов развития событий в случае неявки одной из сторон. Согласно пунктам 2 и 6 суд вправе отложить разбирательство дела в случае:

1. Отсутствия сведений об извещении сторон;
2. Признания причины неявки уважительной.

Согласно пунктам 3 и 4 суд вправе рассмотреть дело в отсутствие одной из сторон в случае:

1. Сторона не представила сведения о причинах неявки или суд признал причины неуважительными;
2. Сторона не просила рассмотреть дело в его отсутствие и не представила данные о причинах неявки [4].

Подводя итоги, если отбросить рассуждения о фундаментальности понятия «семья» и его исторической значимости, то мы все равно не потеряем текущую значимость брака в устройстве всего государства. Эта значимость формирует общественный обязательственный характер вступления в брак, жить в 21 веке одному не считается нормой.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995. № 223-ФЗ.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994. № 51-ФЗ.

За последние десять лет количество разведенных пар значительно выросло. По статистике в первые десять лет брака разводятся около 60% супружеских пар, затем количество разводов резко сокращается. В последние годы закрепились тенденции, что именно женщина выступает инициатором развода [7].

Отчасти из-за общественного давления, отношения государства и отсутствия какого-либо школьного образования, в нашей стране ежегодно увеличивается количество браков несовершеннолетних, которые согласно статистике являются наиболее ненадежными. На фоне этого растет и количество разводов, а значит и бракоразводных процессов.

Бракоразводный процесс с детьми возлагает на суд огромную ответственность, поскольку законодательно не установлены общепринятые критерии для определения:

- справедливого разделения имущества; расчета алиментов; оснований распределения детей;
- обстоятельств, подтверждающих невозможность сохранения семьи.

Все это регулируется либо общими, расплывчатыми формулировками, либо судебной практикой.

В завершении хочется упомянуть монографию А. Б. Синельникова, доктора социологических наук «Субъективные причины развода: данные исследования». Эта работа предлагает несколько интересных нововведений в Семейный кодекс Российской Федерации:

1. Определение инициатора развода виновным если он (или она) не докажет, что другой супруг нарушил правила семейной жизни. Невинный супруг должен иметь преимущество при разделе собственности и установлении опеки над детьми;
2. В связи с общественным неприятием брачных договоров, их число в России очень мало по сравнению с числом браков. Таким образом, автор предлагает внести поправку в Семейный Кодекс о том, что при регистрации брака обязательно требуется заключение брачного договора [8];
3. Данные нововведения разрешили бы довольно существенную часть споров, однако усложнили бы сам бракоразводный процесс.

Literature:

1. Constitution of the Russian Federation. M., 1993.
2. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995. № 223-ФЗ.
3. Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994. № 51-ФЗ.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002. № 138-ФЗ.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998. № 15.

6. *Решетникова И.В.* Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / И.В. Решетникова, А.В. Закарлюка, Л. Звягинцева. М. : Изд. : «Норма», 2021.

7. *Гнетова Л.В.* Бракоразводный процесс в Российской Федерации : монография / Л.В. Гнетова, М.А. Карпова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018.

8. *Синельников А.Б.* Субъективные причины развода, данные исследования : монография / А.Б. Синельников // Вестник Московского университета. 2017.

4. Civil procedure Code of the Russian Federation of от 14.11.2002. № 138-ФЗ.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF of 05.11.1998. № 15.

6. *Reshetnikova I.V.* Handbook on proof in civil proceedings / I.V. Reshetnikova, A.V. Zakarlyuk, L. Zvyagintseva. M : Publishing house : «Norma», 2021.

7. *Gnetova L.V.* Divorce process in the Russian Federation : monograph / L.V. Gnetova, M.A. Karpova // Innovative economics: prospects for development and improvement. 2018.

8. *Sinelnikov A.B.* Subjective reasons for divorce, research data : monograph / A.B. Sinelnikov // Bulletin of Moscow University. 2017.

Ставило Сергей Петрович
кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
Stavilodallad@yandex.ru

Sergey P. Stavilo
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Novorossiysk branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Stavilodallad@yandex.ru

ПРОФИЛАКТИКА КРИМИНОГЕННОСТИ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ (ПАМЯТИ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВАЛЕРИЯ САМУИЛОВИЧА УСТИНОВА)

PREVENTION OF CRIMINOGENICITY OF THE SECURITIES MARKET (IN MEMORY OF VALERY SAMUILOVICH USTINOV, DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED SCIENTIST OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, посвященные анализу и профилактике криминогенности рынка ценных бумаг. Автор обращается к жизненному пути и научному творчеству своего учителя д-р юрид. наук, профессора В.С. Устинова, под научным руководством которого он начал изучать преступность на рынке ценных бумаг. В статье говорится о необходимости криминологического исследования негативных процессов, происходящих в России в течение последних тридцати лет, связанных с недобросовестной приватизацией, мошенническими проявлениями, криминальным рейдерством с использованием фондовых инструментов рынка ценных бумаг.

Annotation. The article deals with issues related to the analysis and prevention of criminogenicity of the securities market. The author refers to the life path and scientific creativity of his teacher, Doctor of Law, Professor V.S. Ustinov, under whose scientific guidance he began to study crime in the securities market. The article talks about the need for criminological research of the negative processes taking place in Russia over the past thirty years related to unfair privatization, fraudulent manifestations, criminal raiding using stock instruments of the securities market.

Ключевые слова: преступность, криминогенность, детерминация, профилактика, предупреждение, рынок ценных бумаг, латентность, виктимность.

Keywords: crime, criminogenicity, determination, prevention, prevention, securities market, latency, victimization.

Вечность, с которой сталкивается человек, безгранична и непознаваема. Но нельзя представить себе человека, который не стремился бы познать те явления, которые окружают его, которые он вынужден созерцать, будучи включенным в общественные связи и отношения. Творческий потенциал, который присущ человеку позволяет не только улучшать основы социальной жизни, но и совершенствовать саму человеческую суть.

заведующего библиотекой. Потом была работа маляром в Рязани и, наконец, в 1961 году начало обучения во Всесоюзном юридическом заочном институте МВД СССР в г. Москве, после окончания которого – четыре года службы в должности следователя ОВД Московской области. В 1971 году Валерий Самуилович успешно защищает кандидатскую, а спустя семнадцать лет – докторскую диссертацию [1]. Все эти годы его судьба неразрывно связана с Нижегородской академией МВД России, в которой он создал главное научное направление своего научного творчества – систему предупредительного воздействия на преступность и криминологическую профилактику преступлений.

Трудный, но интересный жизненный путь выбрал для себя мой учитель – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, полковник милиции Валерий Самуилович Устинов. Родившись 22 сентября 1942 года в городе Красноярске, он рано остался без отца. Семилетнее образование средней школы дало ему возможность закончить техникум в городе Канске и начать трудовой путь в должности

Всей своей жизнью он стремился показать верность профессиональному долгу и научным традициям. Трудно было представить себе, что человек, находясь в расцвете сил, добившийся

многого в науке и в жизни, может так неожиданно и трагично уйти: 20 апреля 2003 года перестало биться сердце великого ученого-криминолога.

Постоянно ловлю себя на мысли, что в этом есть и моя вина и вина других его учеников. Ведь сколько истратено душевных сил, сколько переживаний выпало на его долю в связи с неудачами, проблемами, трудностями, которые возникали у нас. Ничто не проходит бесследно. Нервные нагрузки приводят к печальному итогу.

Вспоминая удивительные, но, к сожалению редкие, минуты общения с учителем, понимаю, как много он успел сделать в своей жизни и как много не успел. Постоянный поиск себя, постоянный труд и совершенствование. Мысль о покое была неприемлема. Он всегда стремился к большему.

Очень доброжелательный и скромный в быту Валерий Самуилович помогал каждому из нас открывать дверь в науку. Его участие присутствовало во всем. Это были не только проблемы научного плана, но и помощь во вполне обычных житейских ситуациях, например, часто предлагал иногородним ученикам переночевать, если было негде.

В бытность слушателем Нижегородской высшей школы МВД России, помню первую встречу с Валерием Самуиловичем. Невысокого роста, приятной наружности. Внимательный и добрый взгляд.

Интерес вызвало первое мое выступление на внутривузовской конференции, посвященное рынку ценных бумаг, его уголовно-правовому и криминологическому анализу. Именно эта первая встреча с Валерием Самуиловичем позволила развить тезисы выступления до уровня дипломной работы, затем – до уровня кандидатской диссертации.

Работоспособность Валерия Самуиловича была уникальной. Этот человек не жалел себя, стремился находиться в гуще научных событий, был непосредственным участником правовых реформ современной России. Последние годы жизни большое внимание он уделял проблемам законодательской техники, виктимологической профилактики, предупреждению преступности в XXI в. [2]. Это направление научного исследования актуально и для родного вуза – Нижегородской академии МВД России. Ведь, известная на весь Советский Союз Горьковская высшая школа МВД СССР выпускала специалистов по борьбе с хищениями социалистической собственности. Разве не этому учебному заведению заниматься разработкой научного обеспечения борьбы с преступностью в сфере экономики, с учетом новых рыночных отношений, защитой частной, общественной и государственной собственности, которая в настоящее время, в большинстве своем, находит отражение (представлена) в ценных бумагах (например, в акциях)?

Вместе с учителем мы приходили к выводу о том, что весьма интересным будет криминологическое исследование негативных процессов, происходящих в России в течение последних тридцати лет,

связанных с недобросовестной приватизацией, мошенническими проявлениями, криминальным рейдерством с использованием фондовых инструментов рынка ценных бумаг.

Валерий Самуилович говорил: «Вот где неисследованное поле для криминолога!» И, действительно, до сих пор мало кого интересует данный вопрос, и в науке, практически, не поднимается. Хотя изучать есть что.

Механизм социальной несправедливости, который заложен самим государством при проведении «хищнической» приватизации, проведением полузаконных залоговых аукционов и конкурсов, спекулятивным рынком государственных краткосрочных обязательств (ГКО) еще долго будет сотрясать Россию и прямым или косвенным образом влиять на криминогенную ситуацию в инвестиционной сфере и на рынке ценных бумаг, повышая криминогенность общественных отношений.

Тенденция к криминогенности общественных отношений, связанных с функционированием рынка ценных бумаг, косвенно подтверждается продолжающейся монополизацией капитала, посредством перераспределения пакетов простых акций и, в конечном счете, консолидацией их в одних руках.

При этом к основным признакам перераспределения и последующей монополизации относятся:

- 1) умышленное снижение рентабельности предприятия руководством, вывод активов в дочерние предприятия, отсутствие прямых инвестиций в производство предприятия за счет прибыли;
- 2) умышленное снижение заработной платы, социальных гарантий работникам (ранее – длительная невыплата заработной платы), начисление мизерных дивидендов по простым акциям;
- 3) организация кампании по приобретению простых акций у населения посредством установления более высокой цены и рекламы;
- 4) увеличение прямых инвестиций в производство после того, как контрольный пакет акций сконцентрирован в одних руках;
- 5) сокращение штатной численности уже наемных работников, резкое снижение уровня заработной платы, избавление от объектов социально-культурной сферы (детские сады, профилактории, дома отдыха, клубы и т.д.);
- 6) резкое увеличение дивидендов по простым акциям за счет полученной прибыли;
- 7) снижение качества выпускаемой продукции в связи со снижением издержек, отход от нормативов ГОСТ и т.д.
- 8) главная цель – извлечение прибыли для небольшого количества акционеров, пренебрежение интересами наемных работников.

Такие тенденции, на наш взгляд, способствуют нарастанию криминогенности в обществе, росту

общеуголовной преступности, что необходимо учитывать при составлении криминологических прогнозов преступности и не только на рынке ценных бумаг. При этом нельзя ограничиваться методом экстраполяции. В среднесрочных и долгосрочных прогнозах необходимо использовать метод моделирования, учитывать социальные и иные детерминанты преступности.

Анализируя вместе с учителем возможности уголовно-правового и криминологического исследования рынка ценных бумаг, мы приходили к выводу о том, что необходимо, прежде всего, определить понятие и раскрыть системную характеристику преступности на рынке ценных бумаг, далее – изучить положительный опыт уголовно-правового обеспечения борьбы с преступностью на рынке ценных бумаг в дореволюционной России и в зарубежных странах, то есть использовать методы исторического и сравнительного правоведения.

По нашему мнению, особое внимание следует уделить изучению латентной преступности на рынке ценных бумаг, ее понятию, размерам и методике измерения. Необходимо рассмотреть детерминацию и причинность преступности на рынке ценных бумаг, механизм преступного поведения и криминологические ситуации, изучить роль жертвы в детерминации преступного поведения. Отдельная часть исследования должна быть посвящена криминологическим мерам борьбы с преступностью на рынке ценных бумаг.

Литература:

1. Устинов В.С. Система предупредительного воздействия на преступность : (криминологические и уголовно-правовые проблемы) : автореферат дис. ... на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 1986. 32 с.
2. Устинов В.С. Стратегия предупредительного воздействия на преступность в XXI веке / В.С. Устинов // Научные труды РАЮН : в 3-х т. М. : Юрист, 2003. Вып. 3. Т. 3. С. 81–88.

Здесь должны быть раскрыты следующие вопросы:

- понятие и система предупреждения преступности на рынке ценных бумаг;
- роль уголовного права в предупреждении преступлений, совершаемых на рынке ценных бумаг;
- субъекты предупреждения преступности на рынке ценных бумаг.

Таким образом, изучение и предупреждение преступлений и преступности на рынке ценных бумаг является важным и необходимым звеном в системе профилактики криминогенности рынка ценных бумаг и обеспечения экономической безопасности российского государства. Именно в этом направлении необходимо проводить уголовно-правовые и криминологические исследования, разрабатывать научно-методические рекомендации по раскрытию, расследованию, квалификации, профилактике и предупреждению преступлений, совершаемых на рынке ценных бумаг.

В завершении можно сказать, что судьба предоставила мне уникальную возможность общения с дорогим учителем Валерием Самуиловичем Устиновым, человеком, с которым связаны самые лучшие воспоминания и чувства, к которому всегда буду испытывать признание, уважение, благодарность.

Literature:

1. Ustinov V.S. The system of preventive impact on crime : (criminological and criminal law problems) : abstract of the dis. ... on the job. learned. step. dr. law sciences. 12.00.08. M., 1986. 32 p.
2. Ustinov V.S. Strategy of preventive impact on crime in the XXI century / V.S. Ustinov // Scientific works of RAYUN : in 3 vol. M. : Lawyer, 2003. Iss. 3. Vol. 3. P. 81–88.

Тушев Александр Александрович

доктор юридических наук,
профессор,
заведующий
кафедрой уголовного процесса,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
tushev-a@mail.ru

Корчагин Александр Юрьевич

доктор юридических наук,
профессор
кафедры криминалистики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
crimkubgau@mail.ru

ФУНКЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ



Аннотация. В статье авторами рассматриваются дискуссионные вопросы о понятии уголовно-процессуальных функций уголовного преследования и расследования в досудебных стадиях, их соотношении друг с другом. Ими также приводятся некоторые точки зрения ученых - процессуалистов по данным вопросам. Предложены критерии разграничения этих функций по характеру обязанностей субъектов, реализующих эти функции, сущности, целям и задачам, содержанию, пределам действия в стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: функция уголовного преследования, функция расследования, досудебные стадии, следователь, дознаватель.



В науке уголовного процесса до сих пор идут дискуссии о тождестве или различии функций уголовного преследования и функции расследования в досудебных стадиях и их характеристик. Например, А.Н. Халиков, сторонник наличия в уголовном судопроизводстве, наряду с функциями обвинения, защиты и разрешения уголовных дел, и функции предварительного расследования дела, которые осуществляют следователь и дознаватель: «Переходя к выводам, мы считаем необходимым тезисно предложить следующее: вместе с функциями обвинения и защиты следует ввести в уголовно-процессуальный закон функцию предварительного расследования дела, которая реально существует до установления по уголовному делу виновных в совершении преступления лиц и продолжает действовать и дальше, вплоть до направления дела прокурору с обвинительным заключением» [1, с. 40].

Alexander A. Tushev

Doctor of law,
Professor,
Head of the Department
of Criminal Procedure,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
tushev-a@mail.ru

Alexander Yu. Korchagin

Doctor of Law,
Professor
of the Department of Criminalistics,
Kuban state Agrarian University
named after I.T. Trubilina
crimkubgau@mail.ru

INVESTIGATION AND PROSECUTION FUNCTIONS IN PRETRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS



Annotation. The article discusses controversial issues about the concept of criminal procedural functions of criminal prosecution and investigation in the pre-trial stages, their relationship with each other. Some points of view of learned processologists on these issues are given. Criteria for differentiating these functions by the nature of the duties of the subjects implementing these functions, essence, goals and objectives, content, limits of action in the stages of the criminal process are proposed.

Keywords: function of criminal prosecution, function of investigation, pre-trial stages, investigator, interrogator.



Д.М. Берова отмечает, что «следователь не обвиняет, он расследует факт, который расценивается (при возбуждении дела и в ходе расследования) как содержащий признаки преступления. Но следователь обязан расследовать объективно, полно и всесторонне, собирая как обвиняющие, так и оправдывающие доказательства, как отягчающие, так и смягчающие вину. При таких условиях нельзя расценивать следователя как сторону обвинения. Единственной процессуальной функцией следователя является функция расследования уголовного дела» [2, с. 210]. Сходных позиций придерживаются О.А. Малышева., Б.Я. Гаврилов [3, с. 15]. Р.С. Аникеев [4, с. 709], В.В. Колодко. [5, с. 6] и др.

Некоторые ученые, исходя из того, что следователь и дознаватель отнесены к стороне обвинения, основной их функцией считают уголовное преследование [7, с. 15].

Существует точка зрения и о том, что функция расследования включает в себя уголовное преследование: «Таким образом, основным направлением деятельности следователя, исходя из поставленных перед ним задач, служит расследование преступлений. В содержание данной функции входят такие элементы (подфункции), как доказывание (исследование обстоятельств дела), уголовное преследование, возмещение вреда, причинённого преступлением, реабилитация, предупреждение преступлений» [6, с. 102].

Различные мнения высказываются и по поводу содержания функции уголовного преследования. Одни включают в нее такие элементы как возбуждение уголовного дела, задержание лица, подозреваемого в его совершении, применение к нему мер уголовно-процессуального принуждения, формулирование обвинения и изобличение обвиняемого в инкриминируемом ему деянии, обоснование его уголовной ответственности и применение к нему мер уголовного наказания» [8]. Другие – возбуждение уголовного дела против конкретного лица, применение мер процессуального принуждения, привлечение лица в качестве обвиняемого, проведение следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих его конституционные права [9, с. 101].

Конечно, такое разнообразие мнений обусловлено нечеткой регламентацией данных функций в уголовно-процессуальном законодательстве. Нет в нем и полного перечня функций, которые осуществляют в уголовном судопроизводстве следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, прокурор, суд.

В качестве дискуссии выскажем свою точку зрения о соотношении функции расследования и уголовного преследования: уголовно-процессуальная функция, чтобы ее называли таковой, должна отвечать определенным конкретным критериям, по которым возможно будет определять вид функции. Как нам представляется, к таким критериям относятся обязанность общего характера конкретного субъекта уголовного процесса, закрепленная в УПК РФ, сущность функции, цели и задачи, ее содержание и пределы действия. Как известно, в соответствии с ч. 1 ст. 21 УПК РФ, обязанность осуществлять уголовное преследование от имени государства лежит на прокуроре, следователе и дознавателе, хотя в ч. 2 и 3 данной статьи упоминаются также орган дознания и руководитель следственного органа. Эта обязанность носит общий характер и реализуется с помощью конкретных полномочий, закрепленных в других статьях. Законодатель попытался охарактеризовать содержание данной функции, указав в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, что в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим УПК меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. В п. 55 ст. 5 УПК уголовное преследование определяется уже только как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в

целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Об обязанности установить событие преступления здесь речь не идет. Данные и другие нестыковки и обусловили разные точки зрения ученых процессуалистов о сущности, целях, задачах и содержании функции уголовного преследования. Думается, что сущность этой функции заключается в том, чтобы субъекты, ее осуществляющие, принимали предусмотренные законом меры к изобличению лиц, совершивших преступление, привлечению их к уголовной ответственности и применению к ним необходимых мер уголовно-процессуального принуждения. Цель – чтобы ни одно лицо, совершившее преступление, не избежало уголовной ответственности и освобождалось от нее только в соответствии с законом. Задача – эффективно использовать все свои полномочия для доказывания вины подозреваемого или обвиняемого и применения к ним необходимых мер уголовно-процессуального принуждения.

Как нам представляется, в её содержание входят процессуальные действия четырех видов:

- 1) следственные и иные процессуальные действия, с помощью которых собираются доказательства, обличающие подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления или устанавливающие обстоятельства, отягчающие их вину;
- 2) действия по применению к ним мер процессуального принуждения;
- 3) принятие официального решения о постановке лица в положение подозреваемого или привлечении лица в качестве обвиняемого;
- 4) принятие решения о розыске подозреваемого или обвиняемого или о направлении запроса об их выдаче, если они находятся на территории иностранного государства [11, с. 132, 133].

Пределы действия этой функции – все стадии уголовного судопроизводства. Но здесь надо иметь в виду, что реализацию этой функции осуществляют разные субъекты, имеющие неодинаковый правовой статус – следователь, дознаватель, прокурор, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, потерпевший и его представитель, гражданский истец и его представитель, частный обвинитель, т.е., участники со стороны обвинения. Следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, могут реализовывать эту функцию только в досудебных стадиях и в стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Что касается прокурора, потерпевшего и иных участников со стороны обвинения, то они могут осуществлять эту функцию во всех стадиях.

Нет единства и в понимании момента появления этой функции при производстве по уголовному делу. Здесь мнения ученых разделяются на три

группы – одни считают, что она возникает при поступлении сообщения о совершенном преступлении [12, с. 56], другие – с момента возбуждения уголовного дела независимо известно лицо, совершившее преступление или нет, [13, с. 215], третьи – с момента появления лиц, имеющих статус подозреваемого или обвиняемого [1, с. 41]. Мы солидарны с третьей точкой зрения, так как преследовать можно только конкретное лицо, а не абстрактное, еще не установленное.

Функция расследования присуща только следователю и дознавателю. Она не присуща руководителю следственного органа, руководителю подразделения дознания, начальнику органа дознания, так как при расследовании ими преступлений самостоятельно, они получают статус следователя или дознавателя.

Обязанность следователя и дознавателя осуществлять предварительное расследование закреплено в законе в п. 7,41 ст. 5, в ч. 1 ст. 38 УПК РФ.

Сущность этой функции заключается в выполнении всех предусмотренных законом процессуальных действий для установления истины по делу, т.е., всех обстоятельств преступления, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. Следовательно, целью функции расследования является установление всех обстоятельств преступления, как уличающих подозреваемого и обвиняемого или отягчающих их ответственность, так и оправдывающих их или смягчающих их ответственность. Задачи – эффективно использовать все свои полномочия, а также рекомендации соответствующих юридических наук для быстрого, полного, всестороннего и объективного расследования преступления, обеспечивая всем участникам производства по

уголовному делу их законные права и свободы и выполнение ими своих обязанностей.

Вызывает затруднение разграничение функций уголовного преследования и расследования по их содержанию, так как процессуальные действия, направленные на изобличение подозреваемого и обвиняемого одновременно направлены и на установление всех обстоятельств преступления. В данном случае, как представляется, эти функции реализуются параллельно и одновременно. Но функция расследования также предусматривает производство процессуальных действий, не направленных на изобличение указанных лиц. Например, возбуждение уголовного дела по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, приостановление производства по делу, прекращение уголовного дела или уголовного преследования, запросы характеристик на подозреваемого и обвиняемого, принятие мер попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества, ознакомление потерпевшего и его представителя, обвиняемого и его защитника, законного представителя, гражданского истца, ответчика и их представителей с материалами оконченного уголовного дела и т.д. Если не будут произведены указанные процессуальные действия, то нельзя считать, что расследование окончено, т.е., полностью реализована функция расследования. Пределы действия этой функции

Таким образом, функция уголовного преследования и функция расследования – это самостоятельные функции, отличающиеся друг от друга по характеру обязанности субъекта, их осуществляющих, сущности, целям и задачам, содержанию и пределами действия по стадиям.

Литература:

1. *Халиков А.Н.* Функции предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / А.Н. Халиков // Российский судья. 2009. № 7. С. 37–40.
2. *Берова Д.М.* К вопросу о процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве / Д.М. Берова // Общество и право. 2009. № 3. С. 207–210.
3. *Малышева О.А.* Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы : монография / О.А. Малышева, Б.Я. Гаврилов; Под научной ред. Б.Я. Гаврилова. М. : Издательство Юрайт, 2020. 307 с.
4. *Аникеев Р.С.* Молодой ученый. 2015. № 8(88). С. 707–709. URL : <https://moluch.ru/archive/88/17281/> (дата обращения 20.11.2021).
5. *Колодко В.В.* Уголовно-процессуальная функция расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2013. 245 с.
6. *Ревенко Н.И.* Функция расследования преступлений как основное направление деятельности следователя / Н.И. Ревенко // Вестник Омского

Literature:

1. *Khalikov A.N.* Functions of preliminary investigation in criminal proceedings / A.N. Khalikov // Russian judge. 2009. № 7. P. 37–40.
2. *Berova D.M.* On the issue of the procedural function of the investigator in criminal proceedings / D.M. Berova // Society and Law. 2009. № 3. P. 207–210.
3. *Malyшева O.A.* Pre-trial proceedings in the Russian criminal process: theory, practice, prospects : monograph / O. Malyшева, B.Ya. Gavrilov; under the scientific editorship of B.Ya. Gavrilov. M. : Yurayt Publishing House, 2020. 307 p.
4. *Anikeev R.S.* Young scientist. 2015. № 8(88). P. 707–709. URL : <https://moluch.ru/archive/88/17281/> (date of application 20.11.2021).
5. *Kolodko V.V.* Criminal procedure function of investigation : author. dis. ... cand. law sciences: 12.00.09. Chelyabinsk, 2013. 245 p.
6. *Revenko N.I.* The function of investigating crimes as the main direction of the investigator's activity / N.I. Revenko // Bulletin of Omsk University.

университета. Серия «Право». 2009. № 1(18). С. 100–103; *Tatoyan A.* Процессуальная функция уголовного преследования и ее соотношение с расследованием дела / А. Татоян // Государство и право. Ереван, 2016. Вып. 2(72). С. 81–82.

7. *Шагиева З.Х.* Функции обвинения в современной модели российского уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. 28 с; *Баев О.Я.* Следователь (основы теории и практики деятельности). Издательство «Прометей», 2017 [и др.].

8. *Чулюкин Л.Д., Гайнулов И.Ф.* URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsiya-ugolovnogo-presledovaniya/viewer>

9. *Tatoyan A.* Процессуальная функция уголовного преследования и ее соотношение с расследованием дела / А. Татоян // Государство и право. Ереван, 2016. Вып. 2(72). С. 81–82.

10. *Мусеибов У.А.* Процессуальные функции и полномочия прокурора / У.А. Мусеибов // Российский следователь. 2016. № 21. С. 6–10; *Мальшева О.А.* Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы : монография / О.А. Мальшева, Б.Я. Гаврилов; Под научной ред. Б.Я. Гаврилова. М. : Издательство Юрайт, 2020. С. 15.

11. См. подробнее: *Тушев А.А.* Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации / А.А. Тушев; Науч. ред. докт. юрид. наук, проф. И.Ф. Демидов. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 325 с.

12. *Ягофаров С.М.* К вопросу о соотношении уголовного преследования и обвинительной деятельности прокурора / С.М. Ягофаров // Вестник ОГУ № 3(164) март 2014. Оренбургский государственный университет. С. 56.

13. *Соловьёва Н.А.* Функция обвинения в досудебном производстве / Н.А. Соловьёва // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 2. С. 210–216; *Еникеев З.Д.* Уголовное преследование : учеб. пособие. Уфа : Издательство БашГУ, 2000. 132 с; С. 81 [и др.].

Series «Right». 2009. № 1(18). P. 100–103; *Tatoyan A.* Procedural function of criminal prosecution and its relationship with the investigation of the case // State and Law. Yerevan, 2016. Iss. 2(72). P. 81–82.

7. *Shagieva Z.Kh.* Functions of the prosecution in the modern model of the Russian criminal process : author. dis. ... cand. law sciences. Izhevsk, 2007. 28 p; *Baev O. Ya.* Investigator (fundamentals of theory and practice of activity). Publishing house «Prometheus», 2017, [et al.].

8. *Chulyukin L.D., Gainulov I.F.* URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsiya-ugolovnogo-presledovaniya/viewer>

9. *Tatoyan A.* Procedural function of criminal prosecution and its relationship with the investigation of the case / A. Tatoyan // State and law. Yerevan. 2016. Iss. 2(72). S. 81-82.

10. *Museibov U.A.* Procedural functions and powers of the prosecutor / U.A. Museibov // Russian investigator. 2016. № 21. P. 6–10; *Malysheva O.A.* Pre-trial proceedings in the Russian criminal process: theory, practice, prospects : monograph / O. Malysheva, B.Ya. Gavrillov; Under the scientific editorship of B.Ya. Gavrillov. M. : Yurayt Publishing House, 2020. P. 15.

11. See in more detail: *Tushev A.A.* Prosecutor in the criminal process of the Russian Federation / A.A. Tushev Scientific. ed. doct. jurid. Sciences, prof. I.F. Demids. SPb. : Publishing house R. Aslanov «Legal Center Press», 2005. 325 p.

12. *Yagofarov S.M.* On the issue of the relationship between criminal prosecution and prosecutorial activities / S.M. Yagofarov // Vestnik OSU № 3(164) March 2014. Orenburg State University. P. 56.

13. *Solovyova N.A.* The function of accusation in pre-trial proceedings / N.A. Solovyova // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2. P. 210–216; *Enikeev Z.D.* Criminal prosecution : manual. Ufa : BashSU Publishing House, 2000. 132 p; P. 81 [et al.].

Умарова Амала Алиевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный
университет имени А.А. Кадырова
umarova1986@mail.ru

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО КАК КОРРУПЦИОННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Аннотация. Включение в практику уголовного наказания лиц, берущих и дающих взятку, в течение нескольких десятков лет остается вопросом, вызывающим острую полемику в среде ученых и практиков. В статье рассмотрены основные вопросы квалификации взяточничества, обращено особое внимание на способы совершения взяточничества и противодействие взяточничеству на уровне образовательном. Автором рассмотрены проблемные вопросы предмета взяточничества, а также им проводится анализ законодательных, экономических, организационных, политических, информационных мер защиты общества и государства от негативного влияния взяточничества.

Ключевые слова: взяточничество, посредничество во взяточничестве, пособничество взяточничеству, наказание за взяточничество, противодействие взяточничеству.

По причине того, что включение в практику уголовного наказания лиц, берущих и дающих взятку, в течение нескольких десятков лет остается вопросом, вызывающим острую полемику в среде ученых и практиков. Пленум Верховного Суда многократно представлял на рассмотрение правоприменительной сфере способы решения этого диспута. И каждый раз к предлагаемым алгоритмам прилагались содержательные комментарии и разъяснения ученых. Принимая это обстоятельство во внимание, непостижимым остается (уже неоднократно звучали сожаления по этому поводу) то, почему ряд изданий о новостях в юридической науке и законодательстве не заметили постановления Пленума Верховного Суда от 10 февраля 2000 года «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» [1, с. 58].

Мы считаем, что незаинтересованность этой темой говорит о том, что:

1) юридическое сообщество разочаровалось в действенности мер наказания уголовного права на создавшуюся в нашей стране обстановку;

Amala A. Umarova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Civil Law and Procedure
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov
umarova1986@mail.ru

BRIBERY AS A CORRUPTION CRIME

Annotation. The inclusion in the practice of criminal punishment of persons who take and give a bribe for several decades remains an issue that causes sharp controversy among scientists and practitioners. The article discusses the main issues of the qualification of bribery, pays special attention to the ways of committing bribery and countering bribery at the level of intelligence. The problematic issues of the subject of bribery are considered. Legislative, economic, organizational, political, informational measures are analyzed. protection of society and the state from the negative impact of bribery.

Keywords: bribery, mediation in bribery, complicity in bribery, punishment for bribery, countering bribery.

2) опасается возможных последствий точного исполнения требований уголовного закона.

Причем, второй пункт можно описать и иначе: Имеет ли смысл заниматься изысканием механизмов наиболее эффективного применения закона, если наше общество в буквальном смысле прошиито, а может быть, и сплетено практически неразрывными нитями коррупции? Иногда, даже представляется, что, разорвав эти нити, общество, какое оно есть сейчас, просто рассыпится, утратит свою цельность, превратится в руины. Такие мысли оказывают отрицательное воздействие на восприятие правоприменителем сути уголовно-правового «противокоррупционного» запрета. Неспособность понять содержание данного запрета просматривается в их деятельности в виде совершенных многими стандартных ошибок в разрешении проблем, большая часть из которых, как будто, не должна вызывать трудности (такой вывод сделан на основе данных, полученных путем опроса большого количества судей, прокуроров, следователей).

К примеру, на удивление, оказывается сложно решить вопрос уголовного преследования

чиновника, который получил взятку за совершение законных действий. Принято не относить вознаграждение, не обусловившее неправомерные действия должностного лица, к такой категории коррупционных преступлений как взятка. Но в ч. 1 ст. 290 УК РФ, речь идет о получении взятки за действия (бездействие), входящие в круг служебных компетенций чиновника. Получение же взятки за неправомерные действия (бездействие) ч. 2 ст. 290 УК РФ квалифицируется как взяточничество. Следовательно, установитель законов никак не исключил юридическое наказание за получение и дачу взятки за осуществление незаконных действий.

В практической плоскости, многие люди превратно понимают правовое содержание такого явления, как взятка-благодарность, полагая, что оно не входит в разряд криминальных действий. Но подлежащим уголовной ответственности является как предварительно условленное получение денег (иных материальных ценностей и выгод), так и взятка, дающаяся после осуществления чиновником действий (бездействия) в интересах того, кто дал взятку или представляемых им людей, хотя, даже взяткодатель и взяточник об это заранее не договаривались и лицо, получающее взятку, даже не предполагало, что ее получит.

Прежде, следуя заведенному порядку и советам исследователей, довольно часто уголовное преследование взяточников и взяткодателей прекращалось, если взятка не представляла собой существенной ценности, к примеру, дарились букеты цветов, сладости, недорогое шампанское и пр. Но, например, оперирование взяткой в виде спиртных напитков более дорогостоящей категории уже квалифицировалась как уголовно наказуемое деяние.

Сейчас же, по мнению ряда исследователей, ссылающихся на ст. 575 ГК РФ, позволяющую одаривать подарками стоимостью, не превышающей пяти минимальных размеров зарплат госслужащих и служащих органов местного самоуправления в контексте их должностного статуса или выполнения служебных обязанностей, будто бы, определена ценовая грань между правомерным и подлежащим уголовной ответственности дарением подарков должностному лицу.

Надо думать, что хотя и существует, так называемое, «разрешение», все же, какое бы то ни было получение должностным лицом вознаграждения за те или иные действия (а не просто «в контексте»), являясь законодательно запрещенным деянием, влечет за собой наказание по уголовному кодексу за взяточничество.

Предложение об аккуратном, если так можно сказать, незначительном локальном применении уголовного закона к людям, замеченным в преступных деяниях экономического и служебного характера, исходит от известных ученых, вообразите – от криминалистов. Лейтмотивом большей части проектов, которые разработаны международными «специальными» организациями, является первенство профилактических мер, а не мер

уголовно-правового воздействия в рамках противодействия коррупции. В качестве примера этому можно представить ставшее предметом недавнего обсуждения в научной среде пособие «Системы общегосударственной этики поведения», разработанное международной организацией неправительственного уровня «Трансперенси Интернешнл», заявляемой целью которой является борьба с коррупцией и открывшей в Российской Федерации свое представительство [2, с. 61].

На основе имеющихся обобщенных данных, полученных по результатам международных практик борьбы с коррупцией, для нас составлены рекомендации в виде емкой совокупности соответствующих мер. В перечень предложенных мер входит, к примеру:

- контроль за расходами должностных лиц;
- аннулирование сделок, за совершение которых была дана взятка;
- недопущение цензуры в виде ограничения в правах журналистов за ложную информацию;
- повышение уровня оплаты труда госслужащих и пр.

Поразительный эффект имела операция «Чистые руки», которая проводилась в 1990-х годах в Италии. Однако о ней в России мало что известно. Суть же ее заключается в том, что под предводительством прокурора – «архитектора» Борелли, как было сказано его жизнеописателем, был построен город Закона. Но чтобы его возвести, он разрушил прежний город, называвшийся (с легкой руки того же жизнеописателя) Взяткоград. По итогам «чистки», ликвидировавшей немислимую для цивилизованной страны по своему размаху коррумпированность власти, из политической сферы было выведено 80% политических деятелей; по сути, прекратили свое существование самые крупные партии. Ученые, в общей сложности, не одобряющие способы устранения в Италии коррупции (ибо его сопровождало большое количество (не менее 30) самоубийств лиц, находящихся под следствием), оценивают как основную и независимую от власти государства роль правоохранительной системы, как «правлящей социальной группы в развитой индустриальной демократии» в упорной и не допускающей компромиссов борьбе с опасной разновидностью преступности – «преступностью элит» [3, с. 89].

Надо признаться, что наши органы правопорядка, в том числе и прокуратура, таким весом не располагают, поэтому вполне закономерным, не случайным и не удивительным является отсутствие в нашей стране реального внимания к этим вопросам со стороны одной из ветвей правоприменения, применения уголовно-правовых норм, являющихся на данный момент единственным инструментом противодействия коррупции. И, хотя власть и демонстрирует содействие разработке концепта противокоррупционного законодательства, формированию комитетов, проведению научных форумов и пр., все же, она до настоящего времени не сочла нужным, и, скорее всего,

просто не смогла сдержать коррупционный поток, сделать его по природному свойству узким, не способным выйти из надежно укрепленных берегов закона, не дающих ей возможности подмыслить устои общества [4, с. 80].

Однако все поддается изменению. И медлительное, нередко оторванное от жизни обсуждение путей противодействия коррупционной преступности должны сменить меры, состоящие в не нуждающемся в специальных усилиях установителя законов применении, как нередко твердят, действующего, а, в сущности – пока, большей частью, бездействующего, уголовного закона.

Взгляд, обращенный на концептуальные теории международных проектов противодействия коррупции, позволяет увидеть, что доктрина приоритетности некарательных методов базируется на идее гражданского общества как равновеликой силы. В частности, авторы пособия, о котором велась речь выше, беря во внимание обстановку в развитых демократических государствах Запада, выстраивают парадигму в форме треугольника, в качестве вершин которого выступают власть, капитал и гражданское общество. Причем, гражданское общество ими рассматривается как организации и системы, отделенные от ветвей власти, от государственного механизма, но находящиеся с ними во взаимодействии. Предполагается, что здесь говорится о таком явлении, которое в понимании соотечественников является «прогрессивной общественностью», которой каким-либо способом придана организованная форма [5, с. 18].

Важной подробностью для создания в нашей стране такой парадигмы является то, что здесь отсутствует гражданское общество в том виде, в каком оно понимается авторами их проектов, иными словами, отсутствует институт, равносильный власти и капиталу. По этой причине, рассматривать «гражданское общество» как элемент такой парадигмы не представляется возможным. Таким образом, «некарательная модель» в России – безнадежно нефункционирующая. Здесь можно говорить только о мерах, должных быть принятыми с целью построения этого гражданского общества. Другой вопрос, что такие меры, так или иначе, в какой-то своей степени, окажутся сходными с мерами, ориентированными на противодействие коррупции. Но, если бы, составляющие гражданского общества в России уже и существовали, все равно, это не устранило бы необходимость проведения таких серьезных мероприятий, как операция «Чистые руки», в качестве доказательства чему служит итальянский пример [6, с. 283].

Литература:

1. Яни П. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии / П. Яни // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 58.
2. Яни П. Указанное сочинение. С. 59.

Следовательно, если рассматривать в качестве аксиомы потребность в противодействии коррупции, то необходимо признать следующее: основным средством борьбы с ней остается не столько, к примеру, открытость работы должностных лиц (они горазды на выдумки и изыщут способ завуалировать преступное использование своих прав), свобода СМИ и ее элемента – печати (в нищем государстве нередко коррумпирована и печать, в значении – пресса) и т. д., сколько карательные меры, причем, меры уголовно-правового свойства. Надо уточнить, что мы не выступаем за усиление репрессий, наоборот, являемся приверженцами приоритетного применения штрафов за преступления коррупционного и экономического характера.

Какие бы то ни было, этические аргументы не могут выдержать сравнение по силе превентивного влияния со страхом должностного лица быть разоблаченным и привлеченным к ответственности. Некоррупционность и порядочность чиновничества (речь идет не об отдельном должностном лице!) должна на постоянной основе поддерживаться страхом перед добросовестно трудящимся прокурором. Этот постулат наиболее действителен в нашей стране, в которой бедные госслужащие подвергаются большому искушению и не обременены ни религиозной моралью, ни моралью, преобладающей в обществе.

Считаем, что все противокоррупционные меры должны быть не просто тесно связанными с осуществлением этого предписания, но и опираться на него, ибо, еще раз повторим, закрепляя сказанное выше, если за всеми, даже очень строгими требованиями противокоррупционного законодательства не будет «просматриваться» устрашающий образ материально независимого, хорошо «упакованного», опасавшегося лишиться своей должности прокурора, эти требования не будут поддержаны и укреплены объективной угрозой привлечения к уголовной ответственности за их невыполнение.

Тешим себя надеждой, что, с течением времени, ситуация изменится и лица, занимающиеся хищениями, взяточничеством, злоупотреблениями по службе и пр., в конечном счете, будут наказаны. И в этом деле, разумеется, значение уголовно-правового запрета будет очень велико. Немаловажную роль играет также толкование сути этого запрета. Если соответствующая процедура будет ужесточена, то особое значение будет иметь, в первую очередь, единообразность применения закона (речь идет лишь об уголовно-правовой оценке, а не о наказании), конкретность и, наряду с этим, сохранность принципов, не подлежащих изменению.

Literature:

1. Yani P. In the fight against corruption, only repression is effective / P. Yani // Russian justice. 2013. № 7. P. 58.
2. Yani P. Specified essay. P. 59.

3. *Арисов И.С.* Взятничество как коррупционное преступление и меры противодействия ему / И.С. Арисов // Бюллетень науки и практики. 2017. № 12(25). С. 88–94.

4. *Клейменов М.П.* Модели борьбы с коррупцией. Владивосток : Изд. ДВГУ, 2010. С. 80.

5. *Герасимова Е.В.* Теоретические и практические проблемы применения ст. 291. 1 УК РФ, обусловленные несовершенством ее законодательной конструкции / Е.В. Герасимова // Пенитенциарная наука. 2019. № 3. С. 16–21.

6. *Левин М.И.* Коррупция как объект математического моделирования / М.И. Левин, М.Л. Цирик. М. : Вегур, 2010. С. 283.

3. *Aristov I.S.* Bribery as a corruption crime and measures to counter it / I.S. Aristov // Bulletin of Science and Practice. 2017. № 12(25). P. 88–94.

4. *Kleimenov M.P.* Models of the fight against corruption. Vladivostok : Publishing House of the Far Eastern State University, 2010. P. 80.

5. *Gerasimova E.V.* Theoretical and practical problems of the application of Article 291. 1 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the imperfection of its legislative structure / E.V. Gerasimova // Penitentiary Science. 2019. № 3. P. 16–21.

6. *Levin M.I.* Corruption as an object of mathematical modeling / M.I. Levin, M.L. Tsirik. M. : Vegur, 2010. P. 283.

Умарова Амала Алиевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный
университет имени А.А. Кадырова
umarova1986@mail.ru

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В данной статье автором проведено исследование причин и условий коррупционной преступности, а также, анализ экономических причин и условий коррупционной преступности, политических причин и условий коррупционной преступности. Анализируются правовые причины и условия коррупционной преступности, психологических причин и условий коррупционной преступности, а также – организационные причины и условия коррупционной преступности. Помимо этого, им проводится анализ вопросов противодействия коррупционной преступности.

Ключевые слова: коррупционное преступление; коррупционный признаки; причины, условия, противодействие коррупции.

Экономическими причинами и условиями коррупции являются:

- экономическая неустойчивость, выражающаяся, в первую очередь, в беспорядочных изменениях уровня инфляции и, таким образом, в чрезвычайно быстром падении значимости денежного содержания госслужащих и служащих органов местного самоуправления, что побуждает их к поиску каких-либо источников доходов;
- возникновение довольно широко представленного пласта граждан, располагающих сверхвысокими доходами и, стало быть, свободными деньгами, которые могут быть пущены в неограниченном количестве в дело подкупа;
- отсутствие действенной рыночной конкуренции, предоставляющей возможность получать неоправданные сверхвысокие доходы;
- лишенная адекватности оплата труда госслужащих и служащих органов местного самоуправления, вызывающая формирование противозаконных источников дохода.

К числу политических причин и условий коррупционной преступности необходимо отнести:

- отсутствие доверия к власти со стороны большинства граждан, среди прочего, к управлению

Amala A. Umarova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Civil Law and Procedure
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov
umarova1986@mail.ru

DETERMINISM OF CORRUPTION CRIME

Annotation. The author conducted a study of the causes and conditions of corruption crime. The analysis of the economic causes and conditions of corruption crime, political causes and conditions of corruption crime is carried out. The legal causes and conditions of corruption crime, psychological causes and conditions of corruption crime, as well as organizational causes and conditions of corruption crime are analyzed. The analysis of the issues of combating corruption crime is given.

Keywords: corruption crime; corruption signs; causes, conditions, anti-corruption.

имуществом, законотворчеству и правоприменению, систематически воспроизводящему основания для зависимого положения россиян от государственного служащего;

- отсутствие действенного парламентского контроля над уровнем продажности высших должностных лиц государства;
- возрастающее количество должностных лиц в различных госорганах всех уровней, являющихся представителями организованных преступных групп, среди прочего, и криминальных организаций;
- неоправданно большое количество госслужащих и служащих органов местного самоуправления, в реальности, приводящее к снижению уровня оплаты труда таких служащих и качества контроля за их деятельностью;
- никаким образом не возмещенное уничтожение прошлой системы негосударственного контроля над работой госорганов и чиновников.

Правовые причины и условия коррупционной преступности:

- отсутствие определения на законодательном уровне ряда коррупционных преступлений;

– практически абсолютное пренебрежение административно-правовыми запретами разных видов коррупционного поведения;

– отсутствие в законодательстве необходимых юридических норм, устанавливающих порядок взимания налогов с чиновников, госслужащих, служащих органов местного самоуправления;

– реальное бессилие законов при кризисных состояниях правоприменения [1, с. 46].

В перечень психологических причин и условий коррупционной преступности входят:

– старая традиция взяточничества и мягкого вымогательства на госслужбе в России;

– привычно невысокий уровень поддержки гражданами действия норм о наказании за подкуп;

– сравнительно невысокий уровень правовой просвещенности совершеннолетних граждан, делающий их чрезмерно зависимыми от чиновников, госслужащих и служащих органов местного самоуправления;

– психологическая готовность большей части граждан к подкупу госслужащих для осуществления интересов как не противоречащих нормам права, так и противоречащих им;

– глубоко укрепившаяся в сознании (всего общества и каждого отдельного гражданина) убежденность в том, что риск быть наказанным за осуществление коррупционного действия невелик;

– факт обоюдной вины того, кого подкупают и того, кто подкупает.

Организационные причины и условия коррупционной преступности:

– небольшой практический опыт применения норм права, посвященных противодействию коррупции;

– отсутствие всеохватывающей и достоверной уголовной и административной статистики коррупционных правовых нарушений;

– отсутствие общегосударственного и регионального регистров (организаций, регистрирующих) лиц, не имеющих права быть государственными должностными лицами, государственными служащими и служащими органов местного самоуправления;

– недостаточная разработанность учебно-методической литературы по подготовке специалистов в области противодействия коррупционной преступности;

– недостаточно эффективный механизм взаимодействия органов правопорядка по вопросам противодействия коррупционной преступности (в первую очередь, на местном и региональном уровнях) [2, с. 26].

До сих пор противодействие коррупционной преступности в нашей стране остается бессис-

темным, львиная доля проводимых мероприятий являются уголовно-правовыми мерами, да и то, проводимыми бессистемно и не постоянно. Однако совокупность применяемых здесь целенаправленных законодательных и организационно-правовых мер противодействия коррупционной преступности соизмерима по своему количественному составу с совокупностью аналогичных мер в какой-либо из стран Европы. Поэтому вполне объяснимо, что еще в конце прошлого века было инициировано принятие общего криминологического закона о противодействии коррупции, должно основать систему противодействия коррупции, все еще оставшуюся не осуществленной [3, с. 65].

К правовым мерам, должным быть включенными в систему противодействия коррупционной преступности, можно отнести:

– включение в законодательство перечня коррупционных преступлений, формирующее, таким образом, правовую базу для организации системы законного постоянного наблюдения за этой группой преступлений;

– определение на законодательном уровне субъекта коррупционного преступления как индивиду, наделенного публичными функциями и полномочиями государственного значения, причем охватывающее не только чиновников государственных институтов управления и муниципалитетов, их учреждений, но и индивидов, управляющих государственными объединенными предприятиями, другими коммерческими организациями, находящимися в частичном управлении государством или являющимися исполнителями государственных и муниципальных заказов;

– определение на законодательном уровне системы государственных и негосударственных субъектов противодействия коррупционной преступности, главной или одной из главных функций которых является противодействие этому явлению;

– включение в законодательство налагаемых на государство обязательств по компенсации ущерба, нанесенного жертве коррупционных преступлений индивидами, являющимися государственными должностными лицами, а также госслужащими и служащими органов местного самоуправления;

– обновление административного кодекса РФ, предусматривающего правила служебного поведения для публичных служащих всех уровней, среди прочего, правила коммуникации с людьми, являющимися представителями коммерческих организаций, правила решения ситуаций, сопряженных со столкновением интересов, и прочие правила, устанавливающиеся на данный момент ведомственными и нормативными актами;

– создание и принятие Дисциплинарного кодекса РФ, предусматривающего дисциплинарную ответственность за коррупционные проступки.

Специальными организационными мерами противодействия коррупционной преступности на разных уровнях являются:

- развитие и модернизация практики планирования противодействия коррупции на всех ступенях государственного и муниципального управления;
- формирование системы непрерывного наблюдения за коррупционной преступностью;
- возложение на государственные и муниципальные органы власти обязанности неукоснительного составления отчетов о состоянии коррупции и мер воздействия на нее;
- неременное введение в действие процедуры проведения экспертизы законодательных актов на предмет коррупционности (например, представление Счетной палате РФ полномочий по проведению противокоррупционной экспертизы решений о бюджете);
- активизация системы первенствующего декларирования доходов, расходов и материального состояния отдельных граждан и юридических лиц, принимавших участие в приватизации государственного имущества, и членов их семей;

Литература:

1. *Иванова А.А.* Коррупционное преступление: подходы к определению / А.А. Иванова // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. № 3(23). С. 45–47.
2. *Ванцев В.А.* Коррупционная преступность. М. : Норма, 2012. С. 26.
3. *Кулакова М.Н.* Понятие и критерии юридической оценки коррупционного преступления / М.Н. Кулакова // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 2(42). С. 63–66.

- логически закономерное сокращение количества госслужащих и служащих органов местного самоуправления до наиболее приемлемого уровня;
- публикация открытых информбюллетеней о состоянии доходов и имущественном состоянии госслужащих, занимающих должности, установленные Основным Законом РФ или конституциями субъектов РФ;
- неременное ежегодное издание развернутых бюджетов и списков чиновников государственных структур и муниципалитетов в надлежащих официальных изданиях.

Главным же в реализации общей совокупности мер противодействия коррупции должно в конце концов стать безусловное обеспечение безопасности и нещадной борьбы с взяточничеством – основной составной частью коррупционной преступности.

Literature:

1. *Ivanova A.A.* Corruption crime: approaches to the definition / A.A. Ivanova // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. № 3(23). P. 45–47.
2. *Vantsev V.A.* Corruption crime. M. : Norma, 2012. P. 26.
3. *Kulakova M.N.* The concept and criteria of legal assessment of corruption / M.N. Kulakova // *Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia*. 2018. № 2(42). P. 63–66.

Умарова Амала Алиевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный
университет имени А.А. Кадырова
umarova1986@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Государство через законодательную систему методично гуманизирует уголовную ответственность за преступные деяния в экономической сфере. Принятые решения о модернизации уголовно-правовых норм, закрепляющих уголовную ответственность за преступные деяния экономического характера, воспринимаются в обществе положительно. В данной статье автором определены сущность, содержательное наполнение, ключевые особенности современной антикриминальной стратегии обеспечения экономической безопасности, а также, была предпринята попытка сопоставить новую антикриминальную политику с курсом экономического и социального развития государства и изменениями криминогенной среды.

Ключевые слова: экономическая безопасность, социальные отношения, правовая политика, экономическая преступность, гуманизация законодательства.

Государство через законодательную систему методично гуманизирует уголовную ответственность за преступные деяния в экономической сфере [1, с. 20]. Принятые решения о модернизации уголовно-правовых норм, закрепляющих уголовную ответственность за преступные деяния экономического характера, воспринимаются положительно [2, с. 228]. Подчеркивается также, что последствия этих нововведений пока не вполне очевидны [3, с. 139] и могут ощущаться не ранее, чем через 5–6 лет [4, с. 60]. Например, профессор А.В. Наумов [5, с. 59] положительно оценил проникновение идей либерализма в уголовное право. Ученый констатирует факт достижения определенных успехов либеральной антикриминальной стратегии в виде сокращения числа арестов и числа осужденных в стране. В то же время, он подчеркивает, что не следует «заходить слишком далеко» в этом вопросе и ослаблять профилактику тяжких и особо тяжких преступлений путем отмены нижних пределов тюремного заключения за 68 преступлений, а также, опасно радикально расширять поле деятельности судей: «уровень свободы усмотрения судей

Amala A. Umarova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Civil Law and Procedure
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov
umarova1986@mail.ru

NATIONAL ECONOMIC INTERESTS AND HUMANIZATION OF CRIMINAL LEGISLATION

Annotation. The state, through the legislative system, methodically humanizes criminal liability for criminal acts in the economic sphere. The decisions taken to modernize the criminal law norms enshrining criminal liability for criminal acts of an economic nature are perceived positively in society. The essence, content, and key features of the modern anti-criminal strategy for ensuring economic security are determined. An attempt was made to compare the new anti-criminal policy with the course of economic and social development of the state and changes in the criminal environment.

Keywords: economic security, social relations, legal policy, economic crime, humanization of legislation.

должен быть сокращен, а не увеличен», что также «сократит количество случаев коррупции в секторе правосудия» [6, с. 39].

В свою очередь, профессор А.Г. Кибальник осуждает политические решения, касающиеся трансформации правовых норм, представляющих непосредственный интерес для разработчиков законопроектов, без внесения изменений в соответствующие нормы. Он называет подобные действия «законодательной халатностью», которая «поднимает меч» на фундамент антикриминального законодательства. Низко оценив злоупотребление специальными композициями для усиления противодействия определенным разновидностям преступных деяний, ученый тщательно исследовал «просчеты в законодательстве» [7, с. 24]. Соответственно, ученые не проявили особого критического отношения к самой концепции гуманизации антикриминальной политики для обеспечения экономической безопасности.

Некоторые исследователи не только ставят под сомнение законность реструктуризации антикриминальной политики, но и убеждены в том, что,

внесенные в законодательство корректировки, необходимо пересмотреть в кратчайшие сроки. Основываясь на статистических данных, ученые указывают на неточность данных о криминализации бизнеса и количестве «заключенных» среди предпринимателей. Они говорят об опасности криминализации предпринимательской деятельности, если правоохранительные органы не примут соответствующих мер по борьбе с этими видами преступлений. По мнению некоторых критиков нынешнего курса антикриминальной политики в отношении преступных деяний в сфере экономической деятельности, отдельные законодательные тексты являются социально неопределенным и концептуально необоснованным вмешательством в принципы УК РФ, а это означает, что они могут серьезно ослабить его научную базу и ухудшить качество уголовного права.

Таким образом, мы видим, что экономическая преступность является предметом антикриминальной стратегии по созданию условий для достижения экономической безопасности. Мы приходим к выводу о том, что эта стратегия направлена на борьбу с преступными деяниями экономического характера, совершаемыми в сфере предпринимательства или другой предпринимательской деятельности.

Экономическое преступление, как и любая другая форма преступления, считается чем-то злым. Этот факт признается на официальном уровне в деловых бумагах и научных трудах экспертов. Экономические преступления являются мощным ускорителем почти всех преступлений, чем-то вроде основы их тотальности. Нарушения законности в сфере предпринимательства или другой экономической деятельности представляют угрозу, как институту частной собственности, так и свободе предпринимательской (экономической, экономической) деятельности, являются препятствием для экономического развития государства и, тем самым, подрывают основы национальной безопасности [8, с. 159].

Не вдаваясь в глубокий анализ, преступления в сфере экономической деятельности воспринимаются как преступления в сфере коммерческой деятельности (бизнес, предпринимательство). Поэтому с этой точки зрения экономические преступления, в целом, можно отождествлять с таким явлением, как экономические преступления. В то же время, в действительности, все не так просто, реальность еще более усложняется. Необходимо понимать, что криминалистическая политология и криминология не выработали единого подхода к определению такого явления, как экономическая преступность, что является одним из факторов согласованности антикриминальной политики в борьбе с данным видом преступности. Как утверждают авторитетные российские криминологи, экономическая преступность широко определяется как специфическая, трансформируемая форма экономической деятельности, осуществляемая ее субъектами в сфере бизнеса с целью незаконного обогащения с помощью методов, обеспечивающих достижение этой цели.

И еще одно определение экономического преступления: трансформированная форма экономической (предпринимательской) деятельности (бизнеса), осуществляемая ее участниками с целью достижения социально несправедливого обогащения путем нарушения правила равенства обмена.

Практически во всех странах, в том числе, и в США, где существуют ортодоксальные экономические отрасли, и государство допускает это на протяжении веков, существует взаимовыгодный симбиоз между правящей элитой и экономической преступностью. Поэтому криминально-юридический механизм следует воспринимать как механизм, действие которого заключается в разветвлении регулирования экономической преступности, а не в ее ликвидации. Антикриминальное законодательство и деятельность судебной системы по уголовным делам не отделяют экономические преступления от социальных явлений, а связывают их с системой взаимовыгодного обмена через множество параюридических, полуюридических и правовых схем. В нашей стране криминализированы целые отрасли экономики, львиная доля которых – теневая экономика. Такое состояние дел благоприятно для бизнеса. В некоторых случаях, оно удобно и для власти, например, в вопросе трудовой миграции из постсоветских стран. Антикриминальный аппарат используется властью для того, чтобы провести грань между преступностью и законопослушанием, переосмыслить ее в тех случаях, когда она устраивает истеблишмент. Правовая политика в современном (как говорил Фуко, «дисциплинарном») обществе сводится к простому пониманию необходимости управлять экономическими преступлениями, включать их в полезные структуры, направлять на благо экономического истеблишмента, сводить его к наиболее приемлемому функционированию не для того, чтобы сдерживать или подчинять его, а для того, чтобы сосуществовать с экономическими преступлениями. На наш взгляд, это является экономической, неформальной основой НСЭП. Именно «преступление белых воротничков» является источником и результатом антикриминальной политики по борьбе с ним (взаимодействие с ним).

Одним из основных исходных положений уголовно-правовой политики по достижению экономической безопасности является критерий (или их совокупность) определения социальной опасности преступных деяний в сфере экономической деятельности или их криминологических характеристик. Сама их цель – оправдать присутствие государства в гражданско-правовых отношениях хозяйствующих субъектов друг с другом, а также между ними и другими субъектами. Они также служат основанием для установления необходимости уголовного наказания нарушителя закона, а не просто возмещения причиненного ему вреда или восстановления нарушенного права.

Целесообразно сформулировать суть экономической безопасности как состояния национальной экономики и институтов власти, в которых достигается наивысший уровень защиты национальных интересов, предвзятость социальной

политики, максимальный уровень оборонительных возможностей даже тогда, когда страна находится в критической ситуации вследствие процессов, происходящих внутри страны или за ее пределами. Следовательно, под экономической безопасностью следует понимать состояние гарантированной защиты национальной экономики от наиболее опасных угроз (под инцидентами правоохранительных органов и инцидентами, совершаемыми предпринимателями, т.е. нарушениями закона), что предполагает контроль и регулирование этих угроз.

Новый формат экономической безопасности, на основе которого должна строиться доктрина антикриминальной политики по ее реализации, действительно продиктован первостепенными задачами обеспечения национальной безопасности, определенными в указах и распоряжениях Главы государства. Если верить источникам массовой информации, то сейчас они активно развиваются с учетом обстоятельств, происходящих внутри государства и за его пределами, в том числе и тех негативных угроз, к которым приходится адаптироваться внутренней экономической и социально-правовой системам [9, с. 231].

Также, должна быть обсуждена тема рассматриваемого нами метода антикриминальной политики. Информация, представленная нами в теоретическом и методологическом разделе нашего исследования по данному вопросу, должна быть дополнена тем, что для достижения экономической безопасности в рамках действующей антикриминальной стратегии необходимо сместить акцент с правовых и технических методов реализации антикриминальной политики (криминализация/декриминализация, пенализация/депенализация) на методы и приемы правового влияния отрасли права (идеолого-политическое содержание): Переход от исключительно публично-правового (не носящего предписывающего характера) способа правового регулирования уголовно-правовых отношений, сформировавшихся в сфере экономической деятельности, отчасти допускающего выбор поведения ее участников.

В следующем разделе будет рассмотрен еще один важный компонент правового механизма антикриминальной политики по достижению экономической безопасности и борьбе с преступными деяниями в сфере бизнеса, расширен частно-государственный правовой режим уголовного преследования наиболее распространенных преступных деяний в сфере экономической деятельности, в том числе мошенничества. Изменились параметры публично-правовой функции правоохранительных органов по преследованию многих преступных деяний, которые всегда рассматривались как объект публично-правовых отношений. Подчеркнем, что решение о включении в перечень дел по обвинениям в частно-государственной сфере дел о манипулировании, составляющих основную совокупность преступных деяний корыстного и венчального характера в сфере предпринимательства или иной экономической деятельности, признано исключительным и уникальным в международной жизни случаем приватизации законного способа борьбы с преступностью в экономической сфере [10, с. 14]. Таким

образом, с точки зрения стратегии сформирован новый формат правового механизма предупреждения экономических преступлений и достижения, как следствие, экономической безопасности. Этот правовой механизм характеризуется тем, что вмешательство государства в отношении потерпевшей стороны с предпринимателем вследствие возможного преступного нарушения его прав и охраняемых законом интересов (в связи с совершением преступных деяний, предусмотренных статьями 159, 1594, 1595, 1596 УК РФ) осуществляется только по усмотрению той же потерпевшей стороны, что и истец/обвиняемый. Только потерпевший решает вопрос об уголовном характере деяния, которое причинило ущерб, повлияло на интересы или их отсутствие. Он (потерпевший, заинтересованное лицо) становится главной фигурой следователя. Сотрудник правоохранительных органов, обязанный применять уголовное законодательство, не имеет права возбуждать уголовное дело, если имеются доказательства того, что ряд граждан были обмануты мошенниками или совершили другой вид преступления, предусмотренного частью 4 статьи 20 УПК РФ, но не заявили об этом в установленном порядке.

В соответствии с общим курсом нынешнего законодателя, надзорные органы, милиция и другие правоохранительные органы не несут ответственности за осуществление частно-государственных уголовных преследований в экономической сфере в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступных деяний, если они затрагивают простых людей в России. Государство больше не обязано защищать права гражданина (или даже группы лиц), потребителей продукции и услуг предпринимателей. Теперь – это право самих потребителей. В настоящее время ОРМ по выявлению и раскрытию преступных деяний, подпадающих под категорию частно-государственных дел, не осуществляется, если в качестве участников коммерческого спора выступают частные лица. Если оно выходит за рамки уголовно-процессуального законодательства, то будет преследоваться по ч. 3 ст. 303 УК РФ или наказываться иным образом (ч. 2 ст. 6 ФЗ «О милиции»). Вполне логично, что в Уголовный кодекс РФ включена статья 169, закрепляющая уголовное наказание за противодействие законной предпринимательской или иной деятельности, а статья 63 Уголовного кодекса дополнена обстоятельством (пунктом о) умышленного преступного деяния сотрудника правоохранительных органов, заведомоотягчающим ответственность. Кроме того, расширены и ужесточены наказания за действия, предусмотренные статьей 303 Уголовного кодекса.

Либерализация уголовного права в последние годы проявилась в децензуре многих преступных деяний, уменьшении возможности применения уголовно-правовых санкций в отношении экономических правонарушений, но они не были включены в структуру сопутствующих изменений в части завершения уголовного процесса, административного права, уголовного правоприменения, оперативно-розыскных мероприятий и другой правоохранительной деятельности. В то же

время можно добиться успеха в борьбе с уголовными преступлениями, например, если все меры, связанные с борьбой с преступностью, последовательны и скоординированы, исследованы и разработаны цели, поставленные на общий результат, и они связаны с реформами, происходящими в государстве в области экономико-социальных и других процессов.

Мнение о том, что государственные структуры не должны вмешиваться в хозяйственные споры и что органы правопорядка должны быть ограничены в своих действиях, ошибочно. Этот тезис предполагает нелегитимность государства, поддерживает антигосударственные настроения и подрывает правопорядок. Уголовная юстиция должна применяться, когда и если интересы других граждан страдают от противоправных действий собственника в сфере бизнеса или если это представляет опасность для общества в целом, так как подрывает основы правового порядка в сфере бизнеса и угрожает экономической безопасности государства.

Когда экономическое преступление, то есть, общественно опасное деяние, затрагивает не только и не в наибольшей степени только одну жертву, но и правовые институты (частную собственность, договоры), налоговую, финансовую и другие системы, то есть, общий интерес, который заключается в создании условий для достижения экономической безопасности. Невозможно, чтобы правоохранительная система не реагировала на такое положение дел. Более того, ее функции должны включать в себя проактивную работу, профилактику, первичное выявление преступных элементов в экономической сфере и предотвращение их развития во избежание более серьезных последствий. Поэтому критерием публично-правового вмешательства прокуратуры государства должно быть только следующее: даже появление признаков того, что правовая коллизия выходит за рамки частных интересов конфликтующих собственников. Если затрагиваются только интересы сторон экономического спора, то стороны спора (предприниматели) имеют право разрешить спор в гражданском суде. Необходимо создать такой правовой механизм уголовного преследования, который гарантировал бы защиту

Литература:

1. *Егорова Н.А.* Реформа Уголовного кодекса Российской Федерации (декабрь 2016 г.): проблемы применения новых норм / Н.А. Егорова // Уголовное право. 2012. № 3. С. 18–22.
2. *Феоктистов М.В.* Уголовно-правовая политика: есть или нет / М.В. Феоктистов // Современные проблемы уголовной политики: Материалы III международной научно-практической конференции (28 сентября 2012 г.). Краснодар : КрУ МВД России, 2012. С. 324–330.
3. *Лозинский И.В.* Концепция развития главы 22 УК РФ: криминализация или декриминализация? /

общества от наиболее опасных антиобщественных явлений. Считаем, что, учитывая существование буржуазного общества, это должно распространяться, в первую очередь, на тяжкие и особо тяжкие налоговые и иные правонарушения экономического характера, совершаемые в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности.

В условиях царящего беззакония эффективно вести честный бизнес практически невозможно. Государство, руководствующееся принципом верховенства права, должно иметь возможность и волю защищать себя и общество, интересы которого оно обязано защищать, от желания богатых иметь власть над законом и общественными и личными интересами. Правонарушители должны быть привлечены к уголовной ответственности за общественно опасные преступления на равных основаниях, независимо от того, в каком секторе были совершены эти преступления.

Для совершенствования уголовного права и уголовного судопроизводства необходимы сбалансированные, совокупные, основанные на фактических данных шаги. Период размышлений об уникальном, нетрадиционном курсе развития права уже прошел. Исторический опыт показывает, что вряд ли можно выбрать новый путь, все придумано до нас и нет исключительного, экзотического направления, отличного от западного. Следовательно, для борьбы с преступностью белых воротничков мы должны использовать те правовые схемы и механизмы, которые уже много лет успешно применяются европейскими странами.

Для создания доктрины борьбы с экономической и коррупционной преступностью необходимо не что иное, как применение европейских правовых технологий к нашей реальности. Именно такой путь избрали многие здравомыслящие постсоветские страны, стремящиеся к интеграции в Европу.

Стремительные, поспешные, автономные нововведения в уголовном праве и уголовном судопроизводстве, решившие «гуманизировать» обращение с деловыми преступниками, должны быть запрещены.

Literature:

1. *Egorova N.A.* Reform of the Criminal Code of the Russian Federation (December 2016): problems of application of new norms / N.A. Egorova // Criminal law. 2012. № 3. P. 18–22.
2. *Feoktistov M.V.* Criminal law policy: is there or not / M.V. Feoktistov // Modern problems of criminal policy: materials of the III International Scientific and Practical Conference (September 28, 2012). Krasnodar : KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. P. 324–330.
3. *Lozinsky I.V.* Concept of development of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation:

И.В. Лозинский // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 3(71). С. 137–142.

4. *Лопашенко Н.А.* Уголовное право: Теория и практика изменений или ожидаемых изменений и непредвиденных результатов / Лопашенко Н.А. // Уголовное право в эпоху перемен: Материалы IX Российского конгресса по уголовному праву (29–30 мая 2014 г.). М., 2014. С. 54–70.

5. *Наумов А.* Идеологические основы уголовного права / А. Наумов // Запрет уголовного права и его эффективность в борьбе с современной преступностью. Сборник научных трудов. Саратов : Спутник, 2008. С. 56–60.

6. *Наумов А.* О серьезной уязвимости одного из последних законопроектов о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации / А. Наумов // Уголовное законодательство. 2016. № 1. С. 38–45.

7. *Кибальник А.Г.* К чему приведет «гуманизация уголовного законодательства»? / А.Г. Кибальник // Законию. 2016. № 9. С. 22–25.

8. *Овчинников А.И.* Основы национальной безопасности : учебник. М. : ИЗЗ РИОР, НИЦ ИНФРА-М., 2016. 348 с.

9. *Бидова Б.Б.* Правовая политика и правовая политология в России: историко-методологический статус / Б.Б. Бидова // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 2. С. 230–234.

10. *Александров А.С.* Новая криминальная политика в сфере противодействия экономическим и налоговым преступлениям: есть вопросы / А.С. Александров, И.А. Александрова // Библиотека криминологов. Научный журнал. 2018. № 1 (6). С. 5–20.

criminalization or decriminalization? / I.V. Lozinsky // Bulletin of Tomsk State University. 2018. № 3(71). P. 137–142.

4. *Lopashenko N.A.* Criminal law: Theory and practice changes or expected changes and unexpected results / N.A. Lopashenko // Criminal law in an era of change: materials of the IX Russian Congress of penal law (may 29–30, 2014). M., 2014. P. 54–70.

5. *Naumov A.* The Ideological foundations of criminal law / A. Naumov // the Prohibition of criminal law and its effectiveness in the fight against modern crime. Collection of scientific works. Saratov : Sputnik, 2008. P. 56–60.

6. *Naumov A.* On the serious vulnerability of one of the latest draft laws on amendments to the Criminal Code of the Russian Federation / A. Naumov // Criminal Legislation. 2016. № 1. P. 38–45.

7. *Kibalnik A.G.* What will the «humanization of criminal legislation» lead to? / A.G. Kibalnik // Zakonia. 2016. № 9. P. 22–25.

8. *Ovchinnikov A.I.* Fundamentals of National security : textbook. M. : IZZ RIOR, SIC INFRA-M, 2016. 348 p.

9. *Bidova B.B.* Legal policy and legal political science in Russia: historical and methodological status / B.B. Bidova // Issues of national and federal relations. 2020. № 2. P. 230–234.

10. *Alexandrov A.S.* New criminal policy in the sphere of countering economic and tax crimes: there are questions / A.S. Alexandrov, I.A. Alexandrova // Library of Criminologists. Scientific journal. 2018. № 1 (6). P. 5–20.

Умарова Амала Алиевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный
университет имени А.А. Кадырова
umarova1986@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОРРУПЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию природы и сущности коррупции как социально-правового явления. Её автор, принимая во внимание этимологию термина «коррупция», применяя общий и криминологический подход, проанализировал и определил совокупность существенных признаков этого явления. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что определение коррупции, закрепленное в действующем законодательстве, не в полной мере охватывает всю совокупность признаков такого рода явления.

Ключевые слова: национальная безопасность, коррупция, противодействие коррупции, социально-правовая природа коррупции, признаки коррупции.

Коррупция в Российской Федерации объективно стала угрожать национальной безопасности государства. Хотя в большей части стран мира ведут борьбу с коррупцией, однако, все еще не выработалось общее понимание социальной сути этого негативного явления.

В нынешнем российском обществе бытует стойкое убеждение, что коррупция является одним из наиболее опасных проявлений криминогенного поведения в государственных органах федерального и регионального уровня [1, с. 3]. Она проникла во все структуры управления, действует на них дестабилизирующе, замедляет развитие социальных процессов, блокирует осуществление первоочередных национальных проектов.

Факт присутствия в жизни российского общества коррупции стал объектом изучения в конце прошлого века. Вполне закономерно, что коррупции в научных исследованиях отводится особое место. В качестве примера можно представить множество научных монографий, диссертаций, постоянное проведение научных конференций, посвященных этому вопросу. Такой интерес к проблеме обусловлен тем, что реализовать меры борьбы с коррупцией не представляется возможным без научного толкования, анализ которого находится в ведении правовой науки. То есть, правовая наука должна выработать не только концепцию борьбы с коррупцией, но и теоретическую базу, основанную на фактическом

Amala A. Umarova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Civil Law and Procedure
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov
umarova1986@mail.ru

SOCIO-LEGAL PREREQUISITES OF CORRUPTION

Annotation. The article is devoted to the study of the nature and essence of corruption as a socio-legal phenomenon. The author, taking into account the etymology of the term «corruption», applying a general and criminological approach, analyzed and determined a set of essential features of this phenomenon. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the definition of corruption, enshrined in the current legislation, does not fully cover the whole set of signs of this kind of phenomenon.

Keywords: national security, corruption, anti-corruption, socio-legal nature of corruption, signs of corruption.

материале. Лишь, таким образом, практика борьбы с коррупцией может принести положительные результаты.

Помимо этого, в последние годы активно ведется разработка законодательных проектов по борьбе с коррупцией в нашей стране. Сейчас уже понятно, что точное законодательное закрепление понятия «коррупция» даст возможность идентифицировать систему коррупционных преступлений, сегмент (подэлемент) коррупционных правонарушений, представляющих наибольшую угрозу обществу, включить в функционирующий УК РФ как общественно опасные преступления коррупционного свойства, скорректировать действующие уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за преступные деяния коррупционного характера, сделать их в наибольшей мере сообразными аналогичным нормам международного уголовного права с принятием во внимание, разумеется, специфики российского законодательства [2, с. 112].

Многие исследователи считают, что коррупция как отрицательный феномен уже давно изучена, что составлена вся требуемая документация с отображением в ней особенностей разных государств, в которых борьба с коррупцией уже принесла хорошие результаты. А это значит, что уже не имеет смысла изобретать что-либо новое и не представляется возможным инициация новых подходов. Наряду с этим, изучение концептуаль-

ных правовых источников свидетельствует о том, что коррупция как явление не исследована достаточно глубоко, а скорее, не системно, не комплексно. Мало того, ряд исследовательских коллективов при разработке учебников по криминологии вообще не включают в них тему противодействия коррупции.

При этом проблему коррупции необходимо исследовать комплексно, интегрировано, что позволит разобраться в ней основательно и установить место и значение этого отрицательного социального явления в жизни общества.

Филологическая трактовка понятия «коррупция». Чтобы охарактеризовать коррупцию, необходимо сначала уяснить ее словопроизводный смысл, определить терминологический состав, среди прочего, установить понятийный и лексический элемент, дающий возможность дать оценку ее общесоциальной роли [3, с. 20].

Слово «коррупция» пришло к нам в 20-е годы прошлого века из английского языка, в котором термин «corruption», толкуемый как «коррупция, порча, искажение», берет свое начало в латыни «corruptio», что значит «искажение, порча» [4, с. 450]. Действующий элемент слова «corruptere» (это глагол, включающий в себя приставку «cum-» и корень «ruptere» – «нарушать, насилловать») – это тотгирсог, который «работает» наиболее отчетливо в умозрительном понятии legi-rupio, которое переводится исключительно как «нарушитель законов», с которым просто можно связать lego, следовательно, и противоположное ему по смыслу neg-lego «не беспокойся» так, что действие готреге, в понимании legi-rupio имеет отношение именно к лицу, нарушающему правила, так как оно «не имеет совести» [5, с. 413].

В латинском термине «corruptio» приставка «cor», как будто, «зазывала» вместе нарушать закон, приглашение, изначально установив, что коррупция является преступным деянием, совершаемым несколькими людьми, иначе говоря, характерным признаком коррупции есть человек, который подкупает и человек, которого подкупают, а в определенных случаях и посредник – корруптер [6, с. 52].

В словарях коррупция представлена как:

- подкуп, подкупность политиков, общественных деятелей, госчиновников;
- подкупность политиков, общественных деятелей, госчиновников, в целом;
- подкуп, искушение, развращение взятками чиновников и политиков;
- хозяйственная деятельность, реализация которой представляет собой следствие подкупа тех или иных государственных должностных лиц, влияющих на процесс оформления заключаемых соглашений;
- опасный общественный феномен, преступная деятельность, широко распространившаяся в некоторых государствах и состоящая из непосредственного злоупотребления чиновником своими

полномочиями с целью наживы и корысти, выгод посредством подкупа, взятия взяток и иных противозаконных способов обогащения; порочность, аморальность;

- непосредственное, бесхозяйственное злоупотребление чиновником своими полномочиями, правами и возможностями, сопряженными с ним, с целью личного обогащения;

- подкуп взятками, подкупность чиновников и политических деятелей [7, с. 105].

В словаре-справочнике по менеджменту понятие «коррупция» понимается как непосредственное злоупотребление чиновником прав, сопряженных с его должностными обязанностями, с целью наживы; подкупность, подкуп высокопоставленных чиновников, политиков и государственных деятелей, государственных служащих, военнослужащих.

В политической сфере коррупция понимается как преступная деятельность, состоящая из злоупотребления чиновниками их правами и властными возможностями с целью незаконной наживы, получения материальных и прочих благ, а также преимуществ как в собственных, так и в узкогрупповых интересах.

Словарь-справочник по политологии трактует слово «коррупция» как:

- 1) загнивание политической и экономической системы в стране, проявляющееся в подкупности чиновников и общественных деятелей;
- 2) преступное деяние, заключающееся в злоупотреблении чиновником правами, предоставляемыми ему по должности, с целью наживы.

Юридические словари обозначают понятие «коррупция» как:

- умышленное использование чиновниками, состоящими на госслужбе, возможностей своей должности с целью получения различных благ имущественного и неимущественного свойств;
- социально-опасный феномен в политической сфере или в сфере государственного управления, проявляющийся в преднамеренном использовании представителями власти, а также, государственным служащими своего служебного положения в целях незаконного получения благ имущественного и неимущественного свойства и каких-либо преимуществ, а также – заключающееся в подкупе таких лиц;
- преступная деятельность в политической сфере, госуправлении, судопроизводстве, внешнеэкономической деятельности и прочих областях, выражающаяся в злоупотреблении чиновниками доверенными им правами и властными возможностями с целью наживы;
- преступная деятельность, состоящая из злоупотребления чиновниками, политиками и общественниками доверенными им правами и властными возможностями с целью наживы во вред

государству, обществу и гражданам, а также из соединения госструктур со структурами преступного мира в экономической сфере.

В международном междисциплинарном энциклопедическом словаре слово «коррупция» интерпретируется как подкупность государственных должностных лиц, работников коммерческих или других объединений, общественников и политиков. В данном словаре дается разъяснение содержательного наполнения коррупции: совокупность разных действий или бездействий, заключающихся в противозаконном получении денег, имущества, услуг или льготных условий лицом, наделенным полномочиями осуществлять государственные или другие социально важные обязанности, а также в предоставлении таких преимуществ.

В юридической энциклопедии, коррупция является подкупом, подкупностью госслужащих, прочих служащих и на этой базе корыстным злоупотреблением в собственных либо групповых, корпоративных интересах официальными служебными полномочиями подкупаемыми лицами, сопряженными с ними авторитетом и возможностями, а также получением тех или иных неподобающих преимуществ исполнителями подкупа.

Предложенная авторами словаря «Коррупция и антикоррупционная политика» дефиниция понятия «коррупция» основана на международно-правовых документах и определяется как использование властных полномочий для достижения собственных выгод и целей. Причем, в этом словаре отмечается, что российская криминология видит в этом негативном феномене:

- 1) составляющую организованной преступности;
- 2) особую разновидность экономической преступности;
- 3) отдельный вид преступности;
- 4) одну из форм выражения преступности, действующей в политической сфере [8, с. 53].

В данном словарном источнике также коррупцию подразделяют на: внутригосударственную, осуществляемую в ОВД, существующую в органах исполнительной власти, в судопроизводстве, в избирательной системе, в коммерческой среде, в образовательной сфере, корпоративную, преступную, скрытую, международную, незначительную, опосредствованную, правительственную, партийную, пассивную, пенитенциарную, политическую, правоохранительную, по понятиям, в целях выживания, проистекающую «сверху», «светлую», «серую», проистекающую «снизу», транснациональную, «черную». Думается, что в этом словаре иницированы не все существующие в реальности разновидности коррупционной деятельности. Активное развитие социальных отношений генерирует новые виды проявлений коррупции.

Следовательно, основываясь на проведенном этимологическом анализе, можно прийти к заключению, что термин «коррупция» характеризуется

на данный момент как полисемантический. Интересно, что определение понятие «коррупция» содержится не во всех современных словарях и это свидетельствует о недоисследованности данного явления и терминологической размытости.

В общем плане, коррупция представляет собой социальный феномен, нарушивший жизнедеятельность публичного аппарата управления, проявляющийся в дезорганизации и деморализации власти, злоупотреблении госслужащими, сотрудниками органов местного самоуправления и прочими должностными лицами, выполняющими государственные функции, своим служебным положением, статусом и авторитетом своей должности с корыстной целью наживы или в интересах узкой группы лиц [9, с. 658].

Под коррупцией понимается злоупотребление служащими государственных, муниципальных и других публичных секторов (среди прочего депутатами и судьями) либо сотрудниками организаций коммерческого или другого типа (среди прочего международного) своим статусом с целью противоправного получения тех или иных преимуществ (имущества, прав на имущество, услуг и льготных условий, среди прочего неимущественных) либо дачи последним указанных преимуществ.

С точки зрения В.А. Григорьева и Б.А. Юлина, коррупция (каковой она трактуется сегодня) является «социальным феноменом, выражающемся в корыстном злоупотреблении государственным чиновником своим служебным положением с целью наживы» [10, с. 13].

Коррупция как социологическое явление представляет собой уклад обыденности, прогрессирующей в области социального управления, заменяющей и вытесняющей из нее общепринятые функциональные отношения чиновников и создающей альтернативу правомерным действиям этих должностных лиц.

Анализ доктринальных источников свидетельствует о том, что авторы, дающие определение этому явлению как правовому, видят его суть порочному. В частности, по мнению П.А. Кабанова и Р.Р. Газимзянова, коррупция и коррупционная преступность представляют собой особое остро-негативное социально-правовое явление, накрывшее и разлагающее государственные структуры, муниципалитеты и их представителей [11, с. 9].

Наряду с этим, позицию исследователей, считающих коррупцию правовым явлением, нельзя подержать, так как это правовое явление базируется на правовых нормах, регулируется ими. Коррупция же, как отрицательное социальное явление, не может базироваться на правовых нормах, наоборот, она присутствует в жизни общества наперекор им.

Можно предложить следующее определение понятия «коррупция»: социально-отрицательное явление в виде системы экономических, политических, правовых, социально-психологических

условий, при наличии которых госслужащие могут на регулярной основе непосредственно или опосредованно злоупотреблять своими служебными возможностями и компетенциями с целью наживы за материальное вознаграждение, которое не предусмотрено правовыми нормами, в групповых интересах или интересах третьих лиц.

Чтобы понять суть коррупции, необходимо разобраться в сущности понятия «коррупционные проявления». Как уже было сказано, коррупция способна проявляться в жизни социума в разном виде. Причем, даже если осуществленное нелегитимное действие не квалифицируется как коррупционное преступление, подлежащее уголовной ответственности, оно, все равно, может рассматриваться как коррупционное проявление. Следовательно, коррупционное проявление является таковым, если человек непосредственно или опосредованно осуществляет действие, которое не предусмотрено правовыми нормами, в групповых интересах или интересах третьих лиц, злоупотребляет своими служебными возможностями и компетенциями с целью наживы за материальное вознаграждение.

Вызывает интерес инициатива В.В. Лунеева по включению в УК РФ уголовно-правового запрета на:

- коррупционный лоббизм (воздействие, экономическое давление влиятельных систем на политику государства);
- коррупционный фаворитизм (патронация, осуществляемая высокопоставленной особой);
- коррупционный протекционизм (протектирование в продвижении по карьерной лестнице не по профессиональным качествам);
- кумовство (патронация на базе родственных, дружеских и прочих связей);
- тайные взносы на политические цели;
- пожертвования на выборы с дальнейшим возмещением в виде государственных должностей или лоббирования интересов корруптера;
- нелегитимное осуществление приватизации, залоговых аукционов, создание акционерных обществ из государственных предприятий;
- нелегитимное предоставление льготных налоговых и таможенных условий;
- переход госчиновников (непосредственно после отставки) на должности глав (председателей совета директоров) прикормленных банков и корпораций;
- коррупционные проявления во внешнеэкономической деятельности при заключении соглашений;
- совмещение госслужбы с коммерческой деятельностью в формах, за которые в УК РФ еще не предусмотрена уголовная ответственность;

- незаконно полученные доходы и пр. [12, с. 27].

Все эти незаконные действия являются коррупционными проявлениями.

Коррупционная преступность состоит из всех коррупционных преступлений, имеющих отношение к предоставлению отдельными гражданами, юридическими лицами, криминальными группами и организациями:

- дополнительной платы, подарков, всевозможных услуг, возможностей, оплачиваемых поездок внутри государства и за его пределы, нелегитимных льготных кредитных условий, заемов, приобретения ценных бумаг, имущества (в том числе, недвижимости) госслужащим, чиновникам, судьям, законодателям, с использованием этими лицами противоправных возможностей, а также - их «алаверды» преступного характера в пользу «взятодателей» – отдельных граждан, юридических лиц, криминальных групп и организаций: хищения, препятствование реализации избирательного права и компетенций доверенных лиц;
- фальсификация избирательных документов;
- использование своего властного или служебного статуса;
- превышение власти или служебных полномочий;
- служебный подлог;
- кража или порча документации, штампов, бланков, печатей;
- фальсификация или продажа фальсифицированных документов, бланков, штампов;
- некоторые преступления, направленные против правосудия и пр.

Но коррупция в ее более широком значении не ограничивается только взяточничеством, ибо она порождается в стремлениях корыстного характера, нацеленных на получение наживы, и в злоупотреблениях чиновником в этих целях правами, сопряженными с его должностью.

Коррупционным является также поведение, заключающееся в получении других выгод и преимуществ нематериального свойства.

Многовариантность дефиниций коррупции дает право вести разговор о многосторонности и многофункциональности данного явления и обуславливает необходимость проведения учеными исчерпывающего, всеохватывающего и глубокого его исследования. К примеру, установление понятийной однозначности этого феномена, лексической определенности, понимание его сути, даст возможность определить его главные признаки.

1. Коррупция, по мнению ряда отечественных авторов, является отрицательным социальным феноменом, возникающим только в социальной сфере со свойственными ей факторами, могущими стать причиной осуществления преступ-

ления либо предупреждать ее проявления. Отличительными признаками социальной сущности коррупции являются:

- некорректное выполнение тех или иных функций в сфере экономических отношений в социуме;
- пренебрежение интересами социума, социальных групп и какого-либо отдельного гражданина;
- оскудение морально-нравственных установок в сознании социальных индивидов, изменяющее в негативную сторону основы социальной жизни.

2. Коррупция есть системное явление, повреждение государственно-правового механизма, расшатывающим основы трех ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной). Будучи системным явлением, она дает возможность не только подстраивать под свои предпочтения, требования отдельных граждан, социальные группы, занимающие менее высокое положение структуры управления, но и отрицательно воздействовать на их поведение.

3. Коррупция – это многоуровневый феномен, разрушающий основы деятельности законодательной, исполнительной и судебной власти на разных уровнях, портит репутацию их представителей, что обуславливает отрицательную оценку со стороны населения принимаемых ими решений. В каждом конкретном случае незаконная деятельность исполнителей коррупционных действий может быть самостоятельным правовым нарушением, не имеющим признака организованности.

4. Коррупция есть корыстным явлением, заключающим в себе получение выгоды материального характера и преимуществ, реализацию корыстных потребностей. Подкуп и подкупность как элементы коррупции отличаются тем, что лица, являющиеся подкупающей стороной коррупционных отношений, стараются склонить лиц, являющихся подкупаемой стороной данных отношений, – госслужащих или других служащих – к осуществлению в своих интересах низменного поступка, а подкупаемая сторона выражает готовность пойти вразрез с правилами служебного поведения и сделать это за противозаконное вознаграждение.

5. Коррупция есть явлением, сопряженным с интересами третьих лиц за вознаграждение. Этот

Литература:

1. *Кабанов П.А.* Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков : монография / П.А. Кабанов, Г.И. Райков, Д.К. Чирков. М. : Дружбанародов, 2008. 127 с.

2. Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия международное сотрудничество: Сборник статей / Под ред. П.Н. Панченко, А.Ю. Чупровой, А.И. Мизерия. Н. Новгород : НА МВД России, 2001. 349 с.

признак характеризуется тем, что коррупция способна проявиться, если существует третье лицо, имеющее интерес в получении выгоды, стимулирующее либо склоняющее к противозаконным действиям со стороны представителя власти.

6. Коррупция есть явлением межотраслевым, состоящим не только из тех нарушений закона, которые подпадают под действие Уголовного кодекса, но тех проступков, которые предусмотрены Административным, Гражданским и Дисциплинарным кодексами.

Все вышеуказанное предоставляет возможность дать понятию «коррупция» определение, беря за основу преобладающее значение предложенных выше признаков и приведенных доктринальных позиций. Итак, мы предлагаем следующее определение данного социального явления.

Коррупция – это социально-отрицательный феномен, подверженный частым переменам вследствие разных исторических причин, являющийся системой социально-экономических, политических, правовых, психологических условий, при которой государственные и иные служащие обладают возможностью регулярно злоупотреблять своим служебным положением и полномочиями с целью наживы за материальное вознаграждение либо получения других нематериальных выгод, в интересах третьих лиц, являющий собой юридически наказуемое деяние и подрывающий авторитет государственных институтов управления, государственной службы и службы в муниципальных органах.

Изучение понятия «коррупция» предоставило возможность дать его детальное определение и сформулировать его отличительные признаки. Чтобы установить социальную суть этого понятия, мы его рассмотрели с точки зрения этимологической и доктринальной трактовки. Точное определение понятия «коррупция», закрепленное на законодательном уровне, даст возможность выстроить систему коррупционных правовых нарушений и, в первую очередь, их наиболее общественно опасный сегмент – подсистему коррупционных преступлений, ввести в текущий УК РФ социально-опасные коррупционные деяния, скорректировать имеющиеся уголовно-правовые нормы, которые предусматривают наказание за преступления коррупционного характера.

Literature:

1. *Kabanov P.A.* Political corruption in the conditions of reforming Russian statehood at the turn of the century : monograph / P.A. Kabanov, G.I. Raikov, D.K. Chirkov. M. : Druzhbanarodov, 2008. 127 p.

2. Corruption in public authorities: nature, counteraction measures international cooperation: Collection of articles / Ed. by P.N. Panchenko, A.Yu. Chuprova, A.I. Miseria. N. Novgorod : AT the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 349 p.

3. *Лунеев В.В.* Коррупция в России / В.В. Лунеев // Государство и право. 2007. № 11. С. 17–21.
 4. *Шанский Н.М.* Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. М. : Прозерпина, 1994. 658 с.
 5. *Даниленко В.И.* Современный политологический словарь. М. : NOTABENE, 2014. 591 с.
 6. *Гончаренко Г.С.* Криминологический мониторинг личности коррупционного преступника. М. : Изд-во Ин-та междунар. права и экономики имени А.С. Грибоедова, 2015. 250 с.
 7. *Краснов З.Д.* Исторические предпосылки возникновения коррупции в органах государственной власти. Н. Новгород : Графика, 2012. 255 с.
 8. Коррупция и антикоррупционная политика : словарь / Под ред. Р.Р. Газимзянова. Казань, 2009. 308 с.
 9. Уголовное право России : учебник для вузов / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М. : Норма-Инфра, 1998. 763 с.
 10. *Григорьев В.А.* Понятие коррупции / В.А. Григорьев, Б.А. Юлин // Коррупция в налоговой сфере : учебное пособие. М. : Юрист, 2002. 350 с.
 11. *Кабанов П.А.* Коррупция в России: понятие, сущность, причины, противодействие : учебное пособие / П.А. Кабанов, Р.Р. Газимзянов. Набережные Челны : ИД «Стержень», 2013. 220 с.
 12. *Лунеев В.* Снисходительность властей к коррупционерам доведена до абсурда / В. Лунеев // Чистые руки: Будущее без коррупции. М. : Изд. Моск. Клуба юристов, 1999. № 2. С. 26–33.
3. *Luneev V.V.* Corruption in Russia / V.V. Luneev // State and law. 2007. № 11. P. 17–21.
 4. *Shansky N.M.* Etymological dictionary of the Russian language / N.M. Shansky, T.A. Bobrova. M. : Proserpina, 1994. 658 p.
 5. *Danilenko V.I.* Modern political dictionary. M. : NOTABENE, 2014. 591 p.
 6. *Goncharenko G.S.* Criminological monitoring of the identity of a corrupt criminal. M. : Publishing House of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics, 2015. 250 p.
 7. *Krasnov Z.D.* Historical prerequisites for the emergence of corruption in public authorities. N. Novgorod : Graphics, 2012. 255 p.
 8. Corruption and anti-corruption policy: dictionary / Edited by R.R. Gazimzyanov. Kazan, 2009. 308 p.
 9. Criminal Law of Russia : textbook for universities / Edited by A.N. Ignatov, Yu.A. Krasikov. M. : Norma-Infra, 1998. 763 p.
 10. *Grigoriev V.A.* The concept of corruption / V.A. Grigoriev, B.A. Yulin // Corruption in the tax sphere : textbook. M. : Lawyer, 2002. 350 p.
 11. *Kabanov P.A.* Corruption in Russia: concept, essence, causes, counteraction : textbook / P.A. Kabanov, R.R. Gazimzyanov. Naberezhnye Chelny : Publishing house «Rod», 2013. 220 p.
 12. *Luneev V.* The leniency of the authorities to corrupt officials has been brought to the point of absurdity / V. Luneev // Clean hands: A Future without corruption. M. : Moscow Publishing House. Club of Lawyers, 1999. № 2. P. 26–33.

Усенко Анатолий Сергеевич
аспирант кафедры криминалистики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
ceo@epomen.ru

ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ УЧАСТИИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье изложены отдельные основные научно-практические рекомендации по допросам подозреваемого должностного лица по делам о незаконном участии в предпринимательской деятельности. Рассмотрены конфликтные и бесконфликтные ситуации, наступающие при проведении допроса. Определены факты и обстоятельства, подлежащие установлению при подготовке и проведению первоначального допроса подозреваемого должностного лица.

Ключевые слова: следственные действия, допрос, незаконное участие в предпринимательской деятельности, методика расследования, должностное лицо, подконтрольная организация.

Допрос подозреваемого должностного лица по делам о незаконном участии в предпринимательской деятельности являются одним из сложных следственных действий, поскольку в большинстве случаев носит конфликтный характер.

Конфликтность может заключаться не только в полном отрицании своей вины и отказа от дачи показаний, но и даче частично правдивых показаний. Отрицание своей вины и отказ от дачи показаний может быть обусловлен стремлением занижения своей роли в совершенном преступлении, а также заведения следствия по ложному следу в целях сокрытия более тяжкого преступления.

Следует учитывать, что должностное лицо, давая признательные показания может не только раскаиваться о содеянном и, намереваясь возместить ущерб или иным образом загладить вину, но и скрывать возможное совершение преступления средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого преступления. Таким образом, для предотвращения возможности наступления и прогнозирования конфликтной ситуации, а также формирования психологического контакта при допросе с подозреваемым, требуется тщательная подготовка и планирование для выбора наиболее оптимальной тактики проведения данного следственного действия.

Перед началом допроса должностного лица следует установить, проанализировать и уточнить:

Anatoliy S. Usenko
Graduate Student
of the Department of Criminology,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
ceo@epomen.ru

INTERROGATION OF A SUSPECT IN CASES OF ILLEGAL PARTICIPATION IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Annotation. The article sets out some basic scientific and practical recommendations for interrogating a suspected official in cases of illegal participation in entrepreneurial activity. The conflict and non-conflict situations occurring during the interrogation are considered. The facts and circumstances to be established during the preparation and conduct of the initial interrogation of the suspected official have been determined.

Keywords: investigative actions, interrogation, illegal participation in entrepreneurial activity, investigation technique, official, controlled organization.

– занимаемую должность, основание назначения и период работы, должностные обязанности, кто находится в подчинении, с кем из сослуживцев активно контактирует в рабочее и нерабочее время; образование, на какой должности, в какой организации работало до назначения на государственную (муниципальную) службу, принимало ли участие в учреждении и управлении коммерческими и некоммерческими организациями, было ли зарегистрировано в качестве ИП;

– осуществление предпринимательской деятельности членами семьи, бывшим супругом должностного лица (когда было создано юридическое лицо или зарегистрирован в качестве ИП и какой вид экономической деятельности осуществляет) и их участие в государственных закупках, получении льгот, субсидий, иных преимуществ; принадлежащее на праве собственности должностного лица, членов его семьи, бывшему супругу недвижимого и движимого имущества, время и основание приобретения данного имущества, соответствует ли рыночная стоимость имущества реальному доходу.

– время создания подконтрольной организации; состав учредителей (участников); размер уставного (складочного) капитала; ведение финансово-хозяйственной деятельности и вид осуществляемой экономической деятельности; находящееся на балансе имущество, размер активов и пассивов; какие сделки и с какими

контрагентами в последнее время заключались, участие организации в государственных закупках, получение льгот, субсидий, иных преимуществ; соответствие подконтрольной организации критериям, необходимым для законного предоставления льгот и преимуществ;

– документы и иные доказательства, отражающие факт осуществления покровительства;

Данные сведения можно получить при изучении личных дел подозреваемого, локальных актов государственных (муниципальных) органов, постановлений судов, органов прокуратуры, следствия и дознания, вынесенного в связи с отказом в возбуждении уголовного дела, бухгалтерских отчетах, банковских документах, документах жилищно-коммунальных службы, дел оперативного учета, результатов оперативно-разыскной деятельности и т.п.

При допросе подозреваемого необходимо учитывать возможный уровень его профессиональных знаний в области гражданского, административного, уголовного законодательства и тактики проведения следственных действий.

Как отмечает Р.С. Белкин, умелое использование при проведении допроса доказательств, опровергающих уклончивые ответы или лживые показания, могут быть эффективным средством получения правдивых показаний [1, с. 11]. Безусловно, допрос должностного лица необходимо строить таким образом, чтобы у последнего складывалось впечатление о полном владении следователем обстановки совершения преступления.

Исследуемое преступление совершается, как правило, в совокупности с иными преступлениями. В целях сокрытия преступных деяний и, зная, что согласно ч. 5 ст. 62 УК РФ и ч. 7 ст. 316 УПК РФ, наказание осужденному не может превышать 2/3 максимального срока или размера наиболее строго вида наказания, предусмотренного за совершение преступления, подозреваемый или его адвокат заявляет о согласии с предъявленным ему обвинением в рамках гл. 40 УПК РФ, полагаясь на желание следователя быстро расследовать уголовное дело, что может повлиять на полноту следствия и возвращение дела на доследование. Как отмечает Е. И. Попова: «В последние годы суды принимают решение в среднем по 60–65 % уголовных дел в порядке гл. 40 УПК РФ» [2, с. 2–3]. В данном случае, на первый взгляд, отсутствует конфликтная ситуация, именно поэтому, для выявления факта возможного сокрытия иного преступления так важна подготовка к проведению допроса и установления всех связей должностного лица и имеющегося у него дохода в целях постановки как можно большего числа конкретизирующих и уточняющих вопросов, ввиду чего, тактически верным нам представляется максимальная детализация показаний (детальная их конкретизация). Следует проводить дополнительные и повторные допросы. Проведение повторного допроса позволит установить несоответствие показаний. На практике, одними из наиболее типичных ошибок при проведении допроса является его поверхностное,

неглубокое проведение, некачественная фиксация в протоколе допроса полученных показаний.

В случае отказа допрашиваемого от задаваемого следователем вопроса либо его молчания, в протоколе допроса следует фиксировать задаваемый следователем вопрос и то, что допрашиваемый не отвечает (молчит) либо отказывается от ответа на вопрос. Подобное детальное ведение протокола позволит дополнить следственную картину преступления, не позволит стороне защиты ссылаться на неполноту и поверхностное проведение следственного действия, не вернуть уголовное дело на доследование, а также суду в дальнейшем объективно и всесторонне оценить собранные доказательства.

На первоначальном допросе подозреваемого подлежат установлению следующие факты и обстоятельства:

– сведения о личности, год, место рождения, место жительства, с кем проживает, есть ли соседи, образование, брачно-семейные отношения, образ жизни; занимаемая должность, стаж работы, что входит в должностную и служебную компетенцию, чем регламентируется его деятельность, какие полномочия у структурного подразделения государственного (муниципального) органа, в которой осуществляется трудовая функция, кто курирует его деятельность из вышестоящих органов, какие сложились отношения с вышестоящем руководством; осуществление подозреваемым предпринимательской деятельностью до поступления на государственную (гражданскую), муниципальную службу; есть ли в подчинении сотрудники, какие у их обязанности и как они распределяются, какие отношения с сотрудниками, возникали ли конфликтные ситуации и в чем причина данных конфликтов; знает ли о запрете осуществления должностными лицами предпринимательской деятельности;

– осуществление предпринимательской деятельности членами семьи, и их участие в государственных закупках, получении преимуществ;

– когда было принято решение о создании или использовании ранее созданной организации в преступных целях, т.е. получения дохода от законной и незаконной предпринимательской деятельности посредством незаконного участия в предпринимательской деятельности; кем составлялись и направлялись в регистрирующий орган необходимые для государственной регистрации организации документы; за счет чьих денежных средств была оплачена государственная пошлина на регистрацию организации и сформирован уставный капитал, приобретены штампы, печати, ЭЦП, программы формирования электронного документооборота и электронной отчетности, ККТ; участие подозреваемого в принятии решения по назначению исполнительного органа; контролирование подозреваемым процесса получения организацией лицензий и разрешений, необходимых для осуществления финансово-хозяйственной деятельности; проводилась ли подготовка и направление документов в кредитную организацию для открытия расчетного счета для подконтрольной организации; есть ли доступ у

подозреваемого к личному кабинету банка подконтрольной организации; кем осуществлялось ведение бухгалтерского (финансового) учета и контроль активов организации, использование платформ электронного документооборота для отправки отчетности, договоров и иных актов с контрагентами, курирование работы по организации работы web-сайта; кем проводилось руководство кадровой политикой организации, определение трудовой функции и оплаты труда; заключались ли договоры аренды помещения, необходимого для функционирования организации; предоставлялись ли организации по договору беспроцентного займа от подозреваемого денежные средства; какие права участия и управления в организации осуществлял подозреваемый; принимал ли участие в распределении получаемых дивидендов, когда, в каком размере; знает ли доверенного лица, учредителей (участников), работников, контрагентов подконтрольной организации;

Литература:

1. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : в 3-х т. М., 1997. Т. 2. 464 с.
2. *Попова Е.И.* поддержание государственного обвинения по уголовным делам, рассматриваемым судом в особом порядке (гл. 40 УПК РФ): уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты : монография. 2019. 128 с; С. 2–3. СПС «Консультант Плюс».

основание, форма, размер и порядок предоставления льгот и преимуществ; какие формы покровительства осуществлялась в отношении подконтрольной организации; осуществление покровительства лично должностным лицом или его подчиненными по указанию подозреваемого; какой порядок проведения аукционов, конкурсов, тендеров по выбору организации для обеспечения государственных и муниципальных нужд посредством заключения контракта на закупку товаров, работ; что обеспечило победу подконтрольной организации в государственных закупках; местонахождение документов и предметов, подтверждающих факт осуществления покровительства; были ли получены материальные активы от подконтрольной организации, в случае получения: когда, в каком размере, период и способ предоставления; в чем заключается личная или иная корыстная заинтересованность.

Literature:

1. *Belkin R.S.* The course of criminalistics : in 3 vol. M., 1997. Vol. 2. 464 p.
2. *Popova E.I.* maintenance of public prosecution in criminal cases considered by the court in a special order (Ch. 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): criminal procedural and criminalistic aspects : monograph. 2019. 128 p; P. 2–3. SPS «Consultant Plus».

Усенко Анатолий Сергеевич
аспирант кафедры криминалистики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
ceo@epomen.ru

СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО И ПОСЛЕДУЮЩЕГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО УЧАСТИЯ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Следственная ситуация характеризуется спецификой отражения действий должностного и доверенного лица по учреждению, участию в управлении подконтрольной организации, и предоставлению должностным лицом подконтрольной организации покровительства в окружающей среде и располагаемым следователем объемом. По делам о незаконном участии в предпринимательской деятельности по характеру трудности возможны простые, усложненные и сложные следственные ситуации.

Ключевые слова: следственная ситуация, незаконное участие в предпринимательской деятельности, должностное лицо, доверенное лицо, следственная картина преступления, простая следственная ситуация, усложненная следственная ситуация, сложная следственная ситуация, коррупция.

Организация первоначального и последующего этапов расследования преступления, проведение следственных действий базируются на различных следственных ситуациях, обусловленных наличием у следователя совокупности криминалистически значимой информации об обстоятельствах совершенного преступления, лицах, его совершивших, а также иных процессуальных и не процессуальных сведениях [1, с. 12–13].

При расследовании незаконного участия в предпринимательской деятельности возникают различные следственные ситуации. Опираясь на проведенные исследования содержания следственной ситуации А.Н. Колесниченко [2], В.К. Гавло [3], Н.А. Селиванова [4], В.Д. Зеленского [5] и др. отметим, что под следственной ситуацией необходимо понимать совокупность условий (обстановку), в которой осуществляется процесс доказывания.

Содержание следственной ситуации, в т.ч., и на первоначальном этапе расследования незаконного участия в предпринимательской

Anatoliy S. Usenko
Graduate Student
of the Department of Criminology,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
ceo@epomen.ru

INVESTIGATIVE SITUATIONS OF THE INITIAL AND SUBSEQUENT STAGE OF INVESTIGATION OF ILLEGAL PARTICIPATION IN BUSINESS ACTIVITIES

Annotation. The investigative situation is characterized by the specifics of reflecting the actions of an official and a trustee for an institution, participation in the management of a controlled organization, and the provision by an official of a controlled organization of environmental protection and the amount available to an investigator. In cases of illegal participation in entrepreneurial activity, by the nature of the difficulty, simple, complicated and complex investigative situations are possible.

Keywords: investigative situation, illegal participation in entrepreneurial activity, criminal, confidant, crime investigation, simple investigative situation, complicated investigative situation, difficult investigative situation, corruption.

деятельности определяется степенью осведомленности следователя о состоянии расследования.

Особое значение для правильного и своевременного расследования имеют следственные ситуации, формирующиеся на первоначальном этапе расследования, поскольку верная оценка способствует правильному определению расследования, а также выбору необходимых тактических средств и рациональной последовательности их осуществления. Наибольшую сложность представляют ситуации, складывающиеся в связи с латентными преступлениями, к числу которых относится и незаконное участие в предпринимательской деятельности.

Традиционно, в содержание следственной ситуации включают компоненты психологического, информационного, процессуального, тактического, материального и организационно-технического характера, на содержание которых влияют субъективные и объективные факторы [6]. Согласимся с высказанным С. А. Куемжиевой суждением, что:

«Влияние объективных и субъективных факторов в расследовании предопределяет содержание следственной ситуации и алгоритм первоначальных следственных и иных версий» [7]. Так, к объективным факторам следует относить особенности способа совершения незаконного участия в предпринимательской деятельности (подготовку, совершение и сокрытие должностным лицом действий по предоставлению подконтрольной организации льгот, преимуществ или покровительства в иной форме).

Несмотря на то, что следственная ситуация обуславливает тактику определенных следственных действий, она, наравне с тактико-криминалистическими понятиями, реализуется в криминалистической методике, выступает неким основанием для принятия решения о выборе средств расследования. Как справедливо отмечает Р.С. Белкин: «Для того, чтобы быть использованными в криминалистической методике, следственные ситуации нуждаются в типизации, ибо конкретные частные методики рассчитаны именно на типичные следственные ситуации» [8, с. 56].

При этом, учитывая многообразие субъективных и объективных факторов, типизировать следственную ситуацию возможно только по наличию информации о событии преступления и сведений о должностном и доверенном лице. В обоснование данного вывода мы руководствуемся позицией Р.С. Белкина об образовании неисчерпаемого количества вариантов отличающихся друг от друга следственных ситуаций под воздействием значительного числа объективных и субъективных факторов, влияющих на содержание и характер компонентов следственной ситуации [8, с. 83].

На первоначальном этапе расследования следственная ситуация характеризуется спецификой отражения действий должностного и доверенного лица по учреждению, участию в управлении и покровительству подконтрольной организации в окружающей среде и располагаемым следователем объемом. Содержание следственной ситуации составляют обстоятельства объективного (следственная картина преступления) и субъективного характера (наличие факторов, обусловленных позицией участников расследования).

По степени криминалистической сложности расследования можно выделить: простые, усложненные и сложные следственные ситуации. Как отмечает В.Д. Зеленский: «Сложность расследования во многом определяется механизмом совершения преступления, характером следственной ситуации начального этапа расследования и рядом других факторов» [9].

Простая следственная ситуация. Информация о событии преступления подтверждается:

- предоставленными результатами оперативно-разыскной деятельности, вещественными и документальными доказательствами;
- материалами проверки подконтрольной организации органами, уполномоченными на

проведение государственного контроля (надзора);

- рапортом должностного лица о непосредственном обнаружении признаков преступления. Личность преступника установлена. Вину не отрицает.

Усложненная следственная ситуация. Характеризуется неполнотой сведений о факте, неизвестностью сведений об отдельных элементах состава преступления, однако следствию известны сведения либо источники, необходимые для их установления. Характерно отсутствие или неполные сведения о способе совершения преступления и личности должностного и доверенного лица, а также отрицания вины. Усложненная ситуация, при которой известен преступный результат, но полностью или частично отсутствуют сведения о способе совершения преступления, характерна в случае обнаружения в подконтрольной организации государственного (муниципального) имущества (оборудования). Отсутствие сведений о должностном лице допустимо при расследовании преступлений в сфере экономики и обнаружении, при проведении следственных действий, состава, предусмотренного ст. 289 УК РФ.

Сложная следственная ситуация характеризуется наличием сведений о событии, возможно преступлении, и лице, причастном к его совершению, и отсутствием данных о том, что такое событие было на самом деле. При установлении события нет фактических данных, что оно содержит состав преступления. Имеется информация о возможном предоставлении льгот, преимуществ и осуществлении покровительства в отношении подконтрольной организации. Личность преступника неизвестна.

На основании той или иной следственной ситуации будут производиться вытекающие из их содержания следственные действия. При усложненной и сложной следственной ситуации в обязательном порядке необходимо:

- проводить документальные ревизии;
- назначать проведение экспертиз (бухгалтерских, финансово-экономических и технико-криминалистических экспертиз документов);
- получать объяснения от работников, участников, исполнительного органа, контрагентов подконтрольной организации;
- истребовать документы, удостоверяющие компетенцию должностного лица и период времени, с которого данное лицо осуществляет полномочия должностного лица;
- получать объяснения от должностных лиц, участвующих в сопровождении документации, отражающей действия по предоставлению покровительства подконтрольной организации;
- назначить и провести документальные проверки в целях установления периода

предоставления и количества предоставляемых подконтрольной организации льгот, преимуществ или осуществления покровительства в иной форме.

Литература:

1. *Хмыров А.А.* О соотношении криминалистики и теории доказывания / А.А. Хмыров, А.В. Руденко // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2017. № 5. С. 12–15.
2. *Колесниченко А.Н.* Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1967.
3. *Гавло В.К.* О следственной ситуации и методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц / В.К. Гавло // *Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования.* М., 1973. С. 90.
4. *Селиванов Н.А.* Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования. 1997. № 2. С. 58.
5. *Зеленский В.Д.* Следственная ситуация и организация отдельного расследования / В.Д. Зеленский // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2014. № 9. С. 89–93.
6. *Хлус А.М.* Криминалистическая структура преступления и ее влияние на уголовно-правовую квалификацию / А.М. Хлус, Г.А. Шумак // *Эпомен.* 2020. № 41. С. 400–419.
7. *Куемжиева С.А.* Понятие следственной ситуации и ее роль в определении средств и методов отдельного расследования / С.А. Куемжиева // *Вестник Краснодарского университета МВД России.* 2015. № 4(30). С. 191–195.
8. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М. : Юрид. лит. 304 с.
9. *Куемжиева С.А.* Общие положения криминалистической методики : монография / С.А. Куемжиева, В.Д. Зеленский. Краснодар : КубГАУ, 2015. 148 с.

– провести осмотр документов и иных предметов в целях выявления содержания документа, возможных следов изменений. Для незаконного участия в предпринимательской деятельности характерен интеллектуальный подлог.

Literature:

1. *Khmyrov A.A.* On the relationship between criminalistics and the theory of evidence / A.A. Khmyrov, A.V. Rudenko // *Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2017. № 5. P. 12–15.
2. *Kolesnichenko A.N.* Scientific and legal foundations of methods for investigating certain types of crimes. Kharkov, 1967.
3. *Gavlo V.K.* About the investigative situation and methods of investigation of thefts committed with the participation of officials / V.K. Gavlo // *Questions of criminalistic methodology, tactics and methods of investigation.* M., 1973. P. 90.
4. *Selivanov N.A.* Forensic characteristics of crimes and investigative situations in the investigation methodology. 1997. № 2. P. 58.
5. *Zelensky V.D.* Investigative situation and the organization of a separate investigation / V.D. Zelensky // *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences.* 2014. № 9. P. 89–93.
6. *Khlyus A.M.* Forensic structure of a crime and its impact on criminal law qualifications / A.M. Khlyus, G.A. Shumak // *Epomen.* 2020. № 41. P. 400–419.
7. *Kuimzhieva S.A.* The concept of an investigative situation and its role in determining the means and methods of a separate investigation / S.A. Kuimzhieva // *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2015. № 4(30). P. 191–195.
8. *Belkin R.S.* Forensic science: problems, trends, prospects. From theory to practice. M. : Legal literature. 304 p.
9. *Kuemzhieva S.A.* General provisions of forensic techniques: monograph / S.A. Kuemzhieva, V.D. Zelensky. Krasnodar : KubGAU, 2015. 148 p.

Усманова Елена Фанильевна

кандидат юридических наук,
доцент,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарева
usmanowa_ef@rambler.ru

Шамина Арина Сергеевна

магистрант юридического факультета,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарева
usmanowa_ef@rambler.ru

**ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ
(АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ) ПРОЦЕДУРЫ
РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ
И КОНФЛИКТОВ:
ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ
ДОСТИЖЕНИЯ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ**

Аннотация. В статье раскрываются сущность и содержание примирительных (альтернативных) процедур разрешения споров и конфликтов и критериев достижения договоренностей между сторонами. Подчеркивается, что стороны, участвующие в процессе переговоров, медиации, должны определить критерии для оценки вариантов разрешения конфликтной ситуации. Могут использоваться такие критерии, как совместно признаваемые ценности, моральные устои, традиции, которые почитаются с обеих сторон; нормативные правовые акты различного уровня, результаты экспертиз. Применяемые критерии не должны зависеть от пожеланий сторон, в противном случае их сложно считать справедливыми и приемлемыми для всех сторон переговоров.

Ключевые слова: примирительные процедуры, альтернативные процедуры, разрешение споров и конфликтов, коммуникативные навыки, медиация, коммуникативная компетентность.

В современный период мы оказались в новом времени с радикально изменившимися правилами и условиями, которые предопределили кардинальную трансформацию существующих общественных отношений. В связи с пандемией коронавируса, дистанция вышла на первое место – социальное, экономическое и политическое. Дистанция формирует современную повестку дня: образование, торговля, услуги, межличностное общение – все это во многом перешло в формат «на расстоянии». Появившиеся в этой связи проблемы стали требовать такого правового

Elena F. Usmanova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
National Research
Mordovian State University
named after N.P. Ogarev
usmanowa_ef@rambler.ru

Arina S. Shamina

Master's Student of the Faculty of Law,
National Research
Mordovian State University
named after N.P. Ogarev
usmanowa_ef@rambler.ru

**CONCEPTIVE (ALTERNATIVE)
PROCEDURES FOR SETTLEMENT
OF DISPUTES AND CONFLICTS:
CONCEPT AND CRITERIA
FOR ACHIEVING AGREEMENT**

Annotation. The article reveals the essence and content of conciliatory (alternative) procedures for resolving disputes and conflicts and the criteria for reaching agreements between the parties. It is emphasized that the parties involved in the negotiation process, mediation should determine the criteria for assessing options for resolving the conflict situation. Criteria such as shared values, morals, traditions that are honored on both sides can be used; normative legal acts of various levels, results of examinations. The criteria applied should not depend on the wishes of the parties, otherwise it is difficult to consider them fair and acceptable for all parties to the negotiations.

Keywords: conciliation procedures, alternative procedures, dispute and conflict resolution, communication skills, mediation, communicative competence.

регулирования, которое отражало бы реалии сегодняшнего дня, а желательно и завтрашнего. Мы считаем, что с высокой степенью уверенности можно говорить о формирующейся новой парадигме отношений в обществе, основанной на дистанцировании, что определяет использование правовых инноваций [1, с. 262]. Так и при разрешении споров становится очевидным дистанционное взаимодействие сторон и использование интернет-технологий при разрешении споров и конфликтов. Онлайн урегулирование споров – это быстрый, удобный и эффективный способ

разрешения конфликта при помощи посредника с использованием интернет-технологий. Однако можно отметить и возникающие в связи с этим проблемы: невозможность подписать медиативное и прочие соглашения, верифицировать участников и т.д.¹

Изменения в общении между сторонами конфликта произошли и связи с внесением несколько лет назад в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ новых норм, устанавливающих виды, порядок и сроки проведения примирительных процедур, требования к судебным примирителям, а также норм, касающиеся процедуры удостоверения нотариусом медиативного соглашения, достигнутого сторонами в соответствии с соглашением о проведении медиации [2].

Примирительные процедуры проводятся либо по предложению суда (с согласия сторон спора), либо по ходатайству стороны (сторон) спора. По достижении согласия о проведении примирительной процедуры суд выносит соответствующее определение и при необходимости откладывает разбирательство.

К основным видам примирительных процедур закон относит переговоры, посредничество, медиацию, судебное примирение и другие примирительные процедуры, не противоречащие федеральному закону. Отличие процедур «медиации» и «судебного примирения» заключается в том, что судебный примиритель, как правило, играет более активную роль в примирении сторон, чем посредник [3].

Несмотря на внимание в последнее время со стороны законодателя к примирительным процедурам, по-прежнему сохраняются коллизии, связанные с тем, что при переговорах необходимо использовать нормы о судебном примирении. В данном ключе переговоры должны служить способом достижения максимально выгодного решения материально-правового конфликта, которое достигается различными средствами, предусмотренными в статьях АПК и ГПК РФ.

При использовании переговоров участниками спора необходимо приложить усилия для достижения результата примирения, однако, если такого результата достигнуть не удалось, то ответственность участников в таком случае не предусмотрена. Такое положение следует из общих принципов процессуального права: состязательности сторон, диспозитивности, равенства, а также добровольности применения примирительных процедур. Однако добровольность использования примирительных процедур не предполагает затягивание судебного разбирательства, а также не исключает ответственности при недобросовестном ведении переговоров.

Давая оценку недобросовестным действиям при ведении переговоров, необходимо использовать критерии, предусмотренные Гражданским

Кодексом Российской Федерации. Его положения предусматривают, что вступление в переговоры без цели заключить договор, внезапное прерывание переговоров без причины, а также предоставление неполной и недостоверной информации в рамках переговоров являются признаками их недобросовестного ведения.

Можно говорить о следующих моделях поведения конфликтующих сторон:

- деструктивной, которая направлена на достижение частных преимуществ каждой стороны;
- конформной, которая связана с односторонними и (или) взаимными уступками сторон;
- конструктивной, которая позволяет разрешить конфликт с принятием решения, выгодного для всех сторон.

Если конфликтующие стороны недостаточно заинтересованы разрешением конфликта, то часто используют уход от конфликта, что уменьшает накал страстей. Стороны могут успокоиться, поняв сложившуюся обстановку и возможно сохранить в перспективе неплохие отношения.

Для оценки эффективности ведения переговоров необходимо учесть насколько стороны продвинулись в формировании разумных компромиссов и предложений, какой объем необходимой информации стороны предоставили друг другу. Необходимо также обратить внимание на причины не достижения согласия. Важным моментом является запрет на раскрытие конфиденциальной информации, которая была получена в ходе переговоров. Использование таких условий связано со спецификой мирового соглашения как в рамках гражданско-правовой сделки, так и применительно к переговорам в арбитражном процессе [4].

Стороны, участвующие в процессе переговоров, медиации, должны определить критерии для оценки вариантов разрешения конфликтной ситуации. Могут использоваться такие критерии, как совместно признаваемые ценности, моральные устои, традиции, которые почитаются с обеих сторон; нормативные правовые акты различного уровня, результаты экспертиз. Применяемые критерии не должны зависеть от пожеланий сторон, в противном случае их сложно считать справедливыми и приемлемыми для всех сторон переговоров.

Для достижения эффективного соглашения конфликтующие стороны выбирают вариант решения проблемы, который в большей степени устраивает все стороны конфликта. В любой практической ситуации, при любых обстоятельствах можно рассчитывать на то, что соглашения будут прочными, если они будут основаны на решении, которого будут придерживаться обе стороны.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00378.

Важнейшими условиями применения примирительных процедур являются:

- правовая база для разрешения конфликта не позволяет разрешить конфликт так, чтобы решение удовлетворяло интересы всех сторон и устранило противоречия;
- стороны понимают необходимость сохранять и поддерживать взаимоотношения в будущем и для этого пытаются разрешить конфликт;
- разрешение конфликтной ситуации должно происходить с соблюдением конфиденциальности и возможностью отдельного обсуждения вопросов с каждой из сторон;
- конфликт касается интересов и других лиц, которые прямо не участвуют в судебном разбирательстве;
- разрешение конфликта в суде вызывает большие финансовые издержки, и стороны хотят сократить расходы;
- стороны хотят быстрее разрешить конфликт.

Все критерии достижения договоренности сторонами можно разделить на две группы: объективные критерии и субъективные критерии.

К объективным критериям можно отнести:

- критерий эффективности достигнутых договоренностей, который отражает преимущества для каждой стороны;
- критерий результативности достигнутых договоренностей, отражающий соответствие получаемых результатов требованиям конкретной ситуации;
- нормативный критерий, отражающий регулирование вопросов и предмета спора в нормах законодательства, наличие безусловных и несомненных результатов экспертиз, соответствие достигнутых договоренностей правовым нормам.

Субъективные критерии в значительной мере определяются индивидуальными представлениями о значимости достигнутых договоренностей для конкретного субъекта.

Литература:

1. Туранин В.Ю. Дистанция как предпосылка для формирования юридических инноваций / В.Ю. Туранин // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 259–262.
2. Палий Л.В. Судебная реформа РФ 2019 года: правовое обеспечение и оценка изменений / Л.В. Палий, Н.А. Новокшонова // Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза : «Наука и Просвещение», 2020. С. 124–129.

К субъективным критериям относятся:

- эмоционально-ценностный критерий, который характеризуется общностью признаваемых ценностей, моральных устоев, традиций, а также, получением удовлетворения полученным результатом;
- критерий конструктивного или конформного поведения участников конфликта;
- критерий заинтересованности сторон в достижении согласия по вопросам конфликта и в скорейшем достижении договоренности;
- критерий наличия сходных целей, признание равноправия и законности требований каждой из сторон;
- критерий возможности принятия нового решения, которое снимет противоречия и устроит обе стороны.

Достижение соглашений возможно на основе решений трех типов:

- а) нахождение принципиально нового решения, снимающего противоречия сторон;
- б) компромиссное решение, основанное на увязке интересов и компромиссах;
- в) асимметричное решение, предполагающее в значительной степени удовлетворение интересов одного участника конфликта и игнорирование большинства интересов и целей другого [5].

Таким образом, примирительные процедуры – установленные законом процессуальные возможности по разрешению спора или конфликта путем принятия мер, направленных на примирение сторон. В настоящее время в РФ законодательно закреплены следующие виды примирительных процедур: переговоры, посредничество (в том числе и медиация), судебное примирение и другие примирительные процедуры, использование которых допускается лишь в том случае, если это не противоречит федеральному закону.

Literature:

1. Turanin V.Yu. Distance as a prerequisite for the formation of legal innovations / V.Yu. Turanin // Legal technology. 2021. № 15. P. 259–262.
2. Paliy L.V. Judicial reform of the Russian Federation in 2019: legal support and assessment of changes / L.V. Paliy, N.A. Novokshonova // Legal system and the modern state: problems, trends and development prospects: a collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference. Penza : Science and Education, 2020. P. 124–129.

3. *Сенен Ф.К.* Судебное примирение и медиация как механизмы мирного урегулирования споров в современном гражданском процессе: общие и отличительные черты / Ф.К. Сенен // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 109–114.

4. *Морозова Р.И.* Переговоры как процедура примирения в арбитражном процессе / Р.И. Морозова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-4.

5. *Белхароев А.М.* Роль и место переговорного процесса в регулировании конфликтов: основные подходы и концепции / А.М. Белхароев // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2015. № 4. С. 79–83.

3. *Senen F.K.* Judicial reconciliation and mediation as mechanisms for the peaceful settlement of disputes in modern civil process: common and distinctive features / F.K. Senen // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Right. 2017. №. 2. P. 109–114.

4. *Morozova R.I.* Negotiations as a procedure for conciliation in the arbitration process / R.I. Morozova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 12-4.

5. *Belkharoev A.M.* The role and place of the negotiation process in the regulation of conflicts: basic approaches and concepts / A.M. Belkharoev // Eurasian Union: issues of international relations. 2015. № 4. P. 79–83.

Фалилеев Олег Олегович
соискатель,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина
rlobist@yahoo.com

ОЦЕНКА ЦИВИЛИСТАМИ ИНСТИТУТА СУЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. В статье анализируются сущность, понятие, признаки существенных обстоятельств, способных изменять условия договорных правоотношений; приводятся различные точки зрения и оценки представителей гражданско-правовой науки на понятие существенных изменений обстоятельств в гражданском праве; обосновываются аргументы по объединению признаков существенных изменений обстоятельств в понятие «форс-мажор»; предлагаются в связи с таким объединением внесение изменений и дополнений в соответствующие статьи ГК РФ.

Ключевые слова: договорные правоотношения; существенные изменения обстоятельств в гражданском праве; риски исполнения обязательств сторонами договора.

Специалистам известно, что в отличие от положений непреодолимой силы ст. 451 ГК РФ акцентирует внимание на ожиданиях сторон по поводу возможности наступления существенного изменения. При этом характерно, что в негосударственных сводах частного и договорного права отсутствует требование о необходимости предпринимать сторонами меры, устраняющие причины существенного изменения. Единственное условие, которое содержится в указанных документах, это отсутствие причинно-следственной связи между действиями какой-либо из сторон и изменением обстоятельств [1].

Опираясь на информацию, приведенную в толковом словаре Н.Ю. Шведовой и С.И. Ожегова, термин «существенные обстоятельства», с точки зрения лингвистики, следует понимать, как «самую сущность, существо чего-нибудь, крайне важное для чего-нибудь по своей принципиальности, первостепенности» [2].

Анализируя информацию из толкового словаря по гражданскому праву, мы делаем вывод о том, что под существенными обстоятельствами принято понимать «...возникшие внезапно, после заключения договора, без участия, вины и вне контроля сторон непредвиденные и непреодолимые обстоятельства, которые не могли быть разумно

Oleg O. Falileev
Applicant,
Moscow State Law University
named after O.E. Kutafina
rlobist@yahoo.com

ASSESSMENT BY CIVILISTS OF THE INSTITUTE OF SIGNIFICANT CHANGES IN CIRCUMSTANCES IN CONTRACTUAL LEGAL RELATIONS

Annotation. The article analyzes the essence, concept, signs of significant circumstances that can change the terms of contractual legal relations; provides various points of view and assessments of representatives of civil law science on the concept of significant changes in circumstances in civil law; substantiates arguments for combining signs of significant changes in circumstances into the concept of «force majeure»; suggests amendments and additions to the relevant articles of the Civil Code of the Russian Federation in connection with such an association.

Keywords: contractual legal relations; significant changes in circumstances in civil law; risks of fulfillment of obligations by the parties to the contract.

учтены сторонами при заключении договора и риск наступления которых не был принят на себя сторонами. Данные обстоятельства приводят к существенной затруднительности, а именно существенно образом изменяют равновесие договорных обязательств в силу либо возрастания для стороны стоимости исполнения, либо уменьшения ценности полученного стороной исполнения, и (или) бессмысленности исполнения договора» [3].

Еще в дореволюционной России отечественное законодательство и правовая доктрина знали термин «существенное изменение обстоятельств».

Например, К.П. Победоносцев утверждал, что «понятие о вине и ответственность за неисполнение устраняются, когда причиной невыполнения было обстоятельство внешнее, не зависевшее от личной воли и сделавшее исполнение... юридически невозможным» [4]. Тогда факты освобождения от договорных обязательств встречались очень редко, даже в случаях, когда одна из сторон не могла выполнить обязательства в силу объективных причин [5]. Было принято, что «вступившие в договор не могут самопроизвольно уклоняться от исполнения принятых на себя обязанностей; но каждая из договорившихся сторон не

лишена права просить суд о приостановлении действия договора по таким обстоятельствам, которые разрушают состоявшееся между контрагентами соглашение, так, например, по существованию предмета договора или заблуждению или обману относительно его существенного качества» [6].

Важно обратить внимание на то, что и советской правовой науке были известны правовые аспекты обстоятельства, влекущих юридические последствия, связанные с возможностью прекращения или изменения договора. Например, в соответствии с положениями, указанными в ст. 144 ГК РСФСР 1922 г.: «Если в двустороннем договоре исполнение стало невозможным для одной из сторон вследствие обстоятельства, за которое ни она, ни другая сторона не отвечает, она при отсутствии в законе или договоре иных постановлений не вправе требовать от другой стороны удовлетворения по договору. При возникновении таких обстоятельств каждая из сторон была вправе требовать от контрагента только возврата всего, что она исполнила, не получив соответствующего встречного удовлетворения» [7].

Отметим, что исследуемый нами институт в ГК РСФСР 1964 г. должного развития не получил. В нем вопросы по изменению или расторжению договора ввиду наступления определенных условий были посвящены лишь несколько положений. Статья 234 ГК РСФСР гласила о том, что «обязательство между социалистическими организациями подлежит прекращению или изменению сторонами в установленном порядке в случаях, когда акты планирования народного хозяйства, на которых обязательство основано, изменены распоряжением, обязательным для обеих сторон» [8].

В.К. Райхер в своих трудах показал, как реализуется институт существенного изменения обстоятельств. Он привел сравнение схемы развития существенного изменения обстоятельств с «проводом, по которому струится правовая энергия, находясь под сильным воздействием «внешних факторов», которые искривляют траекторию движения правовой энергии, нарушая имущественную эквивалентность... в целях устранения возникшего дисбаланса между сторонами, и существует механизм, позволяющий... расторгнуть договор либо... внести в него изменения» [9].

Таким образом, В.К. Райхер хоть и в метафоричной форме отразил главный признак обстоятельств, имеющих существенное значение, указав, что если отношения не будут прекращены или изменены, то это повлечет нарушение баланса между участниками.

Рассмотрев правовую природу института, которая могла бы существенно изменить ситуацию, Е.А. Суханов пришел к выводу о том, что изменение или прекращение договора ввиду значительного изменения обстоятельств является особым случаем, поскольку произошло новое внешнее событие, которое существенно повлияло на характер договора [10].

Также, следует уточнить, что наличие явлений, событий, фактов, которые возможно квалифицировать как существенные обстоятельства, сможет установить лишь суд при рассмотрении конкретного дела с учетом оценки различных значимых факторов.

В своих трудах Е.М. Кондратьева, рассматривая вопросы существенного изменения обстоятельств, обосновала концепцию форс-мажора [11].

Первая концепция основана на том, что возможно появление таких непредвиденных обстоятельств, которые делают исполнение договорных обязательств принципиально невозможным.

Кроме того, автором выделена объективная и субъективная невозможность, делящаяся, т.е. постоянная, невозможность и невозможность, которая прекращается по истечении определенного периода времени.

Также, указано на экономическую невозможность [12]. Это означает, что могут возникать ситуации, когда сторона не только вовсе утрачивает экономическую выгоду, но, более того, дальнейшее исполнение при возникших обстоятельствах может привести к убыткам.

Безусловно, подход, изложенный Е.М. Кондратьевой в своей работе, внес существенный вклад в науку гражданского права, вместе с тем, мы полагаем, что есть необходимость более четко использовать гражданско-правовую терминологию. Так, по нашему мнению, исследователь не совсем корректно приравнивает друг к другу существенное обстоятельства, ввиду невозможности исполнения или ввиду обстоятельств непреодолимой силы, несмотря на то, что представленные институты преследуют различные юридические цели и задачи.

В Гражданском кодексе РФ [13] непреодолимая сила характеризуется как чрезвычайные и непредотвратимые обстоятельства. Однако данное понятие является неполным. В Положении о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к постановлению Правления Торгово-промышленной палаты РФ от 23 декабря 2015 г. № 173-14) [14] содержится определение обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор), под которыми понимаются чрезвычайные, непредвиденные и непредотвратимые обстоятельства, возникшие в течение реализации договорных (контрактных) обязательств, которые нельзя было разумно ожидать при заключении договора (контракта), либо избежать или преодолеть, а также находящиеся вне контроля сторон такого договора (контракта). Из данного определения также можно выявить признаки обстоятельств непреодолимой силы: чрезвычайность, непредвиденность, непредотвратимость.

В Гражданском кодексе РФ содержится очень схожее с «непреодолимой силой» понятие «существенное изменение обстоятельств». Под существенным изменением обстоятельств понимается

изменение обстоятельств, при которых был заключен договор, настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся (от заключенных) условиях. Обстоятельства непреодолимой силы являются основанием для освобождения от ответственности лица, не исполнившего или ненадлежащим образом исполнившего свои обязательства, а существенное изменение обстоятельств является основанием для изменения или расторжения договора.

Также, интересно рассмотреть трактовку существенного изменения обстоятельств, представленную В.С. Петрищевым, который, занимаясь изучением указанного правового явления, сделал вывод о том, что, чаще всего, такие изменения обстоятельств являются следствием воздействия государственного аппарата в гражданско-правовой оборот путем издания нового нормативного правового акта, прекращения бюджетного финансирования или существенного его снижения, судебного решения [15].

По мнению В.С. Петрищева, к обстоятельствам, которые можно определить как существенно изменившиеся, можно отнести обстоятельства непосредственно связанные с товарно-денежными, а также рыночными, отношениями. Причем, как и указывал В.С. Петрищев, эти обстоятельства носят сложно доказуемый характер, и их наличие при рассмотрении и разрешении конкретного дела определяется через суд [16].

Образцовым представляется подход Т.Г. Очаева, который констатирует, что существенно изменившиеся обстоятельства обладают рядом признаков.

Во-первых, существенные изменения обстоятельств могут иметь место только после заключения договора сторонами.

Во-вторых, произошедшие события должно подходить для бытового события и носить исключительный характер.

В-третьих, экстраординарное событие должно привести к крайней обременительности стороны и существенной затратности для дальнейшего исполнения обязательства.

В-четвертых, должна сохраняться непредвидимость наступивших обстоятельств.

В-пятых, характер обстоятельств с объективно-обусловленной точки зрения предполагает, что они не связаны с действиями стороны договора, тем более, с возможностью их контроля.

В-шестых, тот риск, который возникает при наличии факта существенного изменения обстоятельств – на участников договора не может быть возложен [17].

В Определении Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 г. № 1019-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кравченко Андрея Анатольевича и Кравченко Надежды

Михайловны на нарушение их конституционных прав статьей 451 Гражданского кодекса Российской Федерации» сказано, что повышение курса иностранной валюты нельзя расценивать как существенное изменение, т.к., в соответствии с законодательством о валютном регулировании, курс рубля к иностранной валюте постоянно меняется, и с учетом случившегося до момента заключения договора резкого изменения курса, получая кредит в иностранной валюте на длительный срок, лица сознательно приняли на себя риск повышения курса этой валюты к рублю. А признак нарушения имущественных интересов сторон можно также отнести и к обстоятельствам непреодолимой силы, ведь, в случае, если определенное обстоятельство не будет признано обстоятельством непреодолимой силы, то сторона, которая не смогла исполнить свое обязательство, будет нести ответственность, в связи с чем ее имущественный интерес нарушается.

На основании вышеизложенного предлагаем объединить данные понятия в понятие «форс-мажор» и дополнить ГК РФ статьей следующего содержания:

Форс-мажор – это исключительное (чрезвычайное), непредвиденное и непредотвратимое обстоятельство, возникшее в течение реализации договорных обязательств и находящееся вне контроля сторон такого договора, которое не является обычным в конкретных условиях, наступление которого нельзя было разумно ожидать при заключении договора, либо избежать или преодолеть и которое может повлечь за собой нарушение имущественного интереса сторон договора.

К форс-мажорам относятся стихийные бедствия (землетрясение, наводнение, ураган), пожар, массовые заболевания (эпидемии), забастовки, военные действия, террористические акты, диверсии, ограничения перевозок, запретительные меры государств, запрет торговых операций, в том числе с отдельными странами, вследствие принятия международных санкций и другие, не зависящие от воли сторон договора обстоятельства.

2. К форс-мажорам не могут быть отнесены предпринимательские риски, такие, как нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения обязательств товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств, неправомерные действия его представителей, а также финансово-экономический кризис, изменение валютного курса, девальвация национальной валюты, преступные действия неустановленных лиц, если условиями договора прямо не предусмотрено иное, а также другие обстоятельства, которые стороны исключили из договорных отношений.

3. Форс-мажор является основанием для освобождения от ответственности лица, не исполнившего или ненадлежащим образом исполнившего обязательство, в случаях, установленных законом или договором.

Форс-мажор является основанием для изменения или расторжения договора, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, отметим, что множество подходов к проблематике расторжения или изменения гражданско-правового договора под воздействием существенно изменившихся обстоятельств, свидетельствует о том, что данная концепция эффективно адаптируется под современные условия, при этом суть концепции заключается в сохранении баланса интересов сторон договорных

Литература:

1. *Архипов Д.А.* Правовой критерий распределения договорных рисков в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 181 с.
2. См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70000 слов / С.И. Ожегов; Под ред. Шведовой Н.Ю. 23-е изд., испр. М. : Русский язык, 1990. С. 122.
3. См.: Толковый словарь гражданского права. П. 1. Сер. «Юридические толковые словари». М. : Городец, 2006. С. 417–418.
4. См.: *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права : в 3 т. / К.П. Победоносцев; Под ред. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003. Т. 3. С. 150.
5. См.: *Чистяков К.Е.* Изменение и расторжение гражданско-правового договора : Дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 2002. С. 92.
6. См.: *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга четвертая. М. : Статут, 2004. С. 81.
7. См.: Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., введенный в действие постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 21.01.2019).
8. См.: Гражданский кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
9. См.: *Райхер В.К.* Абсолютные и относительные права / В.К. Райхер // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 124.
10. См.: *Суханов Е.А.* Российское гражданское право : в 2-х т. Обязательственное право : учебник. Т. 2. 2-е изд., стереотипн. М. : Статут, 2011. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.11.2018).
11. См.: *Кондратьева Е.М.* Концепции регулирования изменившихся обстоятельств во внешне-торговых сделках / Е.М. Кондратьева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 96–101.
12. См.: Там же. С. 93.

правоотношений с учетом принципов разумности и справедливости.

По мнению многих ученых, изучающих суть положений статьи 451 Гражданского кодекса РФ, необходимо понимать то, что смысл существенного изменения обстоятельств кроется в «ограничении необоснованного вмешательства во взаимоотношения участников договора, создании гарантийной стабильности договорных связей, восстановлении справедливости и недопущении возникновения кабальных отношений вследствие неудачного стечения обстоятельств в случаях, когда это действительно необходимо» [18].

Literature:

1. *Arkhipov D.A.* The legal criterion for the distribution of contractual risks in civil law : dis. ... cand. law M., 2011. 181 p.
2. See: *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language: 70,000 words / S.I. Ozhegov; Ed. N.Yu. Shvedova. 23rd ed. Rev. M. : Russian language, 1990. P. 122.
3. See: Dictionary of civil rights. P. 1. Ser. «Legal dictionary». M. : Gorodets, 2006. P. 417–418.
4. See: *Pobedonostsev K.P.* Course of civil rights : in 3 vol. / K.P. Pobedonostsev; Ed. by V.A. Tomsinov. Vol. 3. M. : Zertsalo, 2003. P. 150.
5. See: *Chistyakov K.E.* Modification and termination of a civil contract : dis. ... cand. law sciences. Tomsk, 2002. P. 92.
6. See: *Tyutryumov I.M.* Civil laws with explanations of the Governing Senate and comments of Russian lawyers. The fourth book. M. : Statute, 2004. P. 81.
7. See: The Civil Code of the RSFSR of 1922, put into effect by the decree of the Central Executive Committee of November 11, 1922. SPS «Consultant-Plus» (date of application 21.01.2019).
8. See: Civil Code of the RSFSR, approved. VS RSFSR June 11, 1964 // Vedomosti VS RSFSR. 1964. № 24. Art. 407.
9. See: *Reicher V.K.* Absolute and relative rights / V.K. Reicher // Bulletin of Civil Law. 2007. № 2. P. 124.
10. See: *Sukhanov E.A.* Russian Civil Law: In 2 vols. Law of obligations : textbook. Vol. 2. 2nd ed., stereotype. M. : Statute, 2011. SPS «ConsultantPlus» (date of application 20.11.2018).
11. See: *Kondratieva E.M.* Concepts of regulation of changed circumstances in foreign trade transactions / E.M. Kondratieva // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2014. № 5. P. 96–101.
12. See: Ibid. P. 93.

13. См.: Гражданский кодекс РФ. Часть первая // СПС «Гарант» (дата обращения 25.10.2021).

14. См.: Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к постановлению Правления Торгово-промышленной палаты РФ от 23 декабря 2015 г. № 173-14) // СПС «Гарант» (дата обращения 26.10.2021).

15. См.: *Петрищев В.С.* Существенное изменение обстоятельств: правоприменение ст. 451 ГК РФ и опыт стран общего и континентального права. М. : ГУ ВШЭ, 2007. С. 11.

16. См.: Там же. С. 11.

17. См.: *Очхаев Т.Г.* Указ. соч. С. 101.

18. См.: *Андреев С.Е.* Договор. Заключение, изменение, расторжение. М. : Проспект, 1997. С. 71–72.

13. See: The Civil Code of the Russian Federation. Part one // SPS «Garant» (date of application 25.10.2021).

14. See: Regulations on the order of witnessing chamber of Commerce and industry of the Russian Federation of force majeure (force majeure) (Annex to the resolution of the Board of the chamber of Commerce of the Russian Federation of December 23, 2015 № 173-14) // SPS «Garant» (date of application 26.10.2021).

15. See: *Petrishchev V.S.* Significant change in circumstances: enforcement of Art. 451 of the Civil Code of the Russian Federation and the experience of countries of common and continental law. M. : GU VSHE, 2007. P. 11.

16. See: Ibid. P. 11.

17. See: *Ochkhaev T.G.* Specified essay. P. 101.

18. See: *Andreev S.E.* Contract. Conclusion, amendment, termination. M. : Prospect, 1997. P. 71–72.

Хомякова Алевтина Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета,
Южный федеральный университет
avhomyakova@sfnu.ru

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ НА НОВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы эффективности деятельности судов апелляционной инстанции. На основе анализа судебной практики автором обосновывается недостаточная роль апелляции в настоящее время в принятии окончательного решения по уголовному делу. Аргументируется вывод о том, что апелляция приобретает черты кассационной инстанции, возвращая дело после отмены приговора на новое судебное разбирательство. Автор также предлагает определить порядок самостоятельного устранения судом нарушений, не влекущих возвращение дела в суды первой инстанции после отмены обвинительного приговора.

Ключевые слова: уголовный процесс, апелляция, отмена обвинительного приговора, отмена приговора апелляцией, возвращение уголовного дела в нижестоящий суд, нарушения уголовно-процессуального закона.

В ведение апелляции в отечественный уголовный процесс и последующее распространение апелляционного обжалования на все решения судов первой инстанции были направлены на то, чтобы до вступления приговора или иного судебного решения в законную силу исключить возможные судебные ошибки, допущенные по уголовному делу.

По замыслу законодателя, эффективности апелляции должны способствовать более высокая квалификация судей вышестоящих судов, а также наличие необходимых данных и правовых инструментов для разрешения уголовно-процессуального спора. В качестве таких возможностей выступает предоставленное суду апелляционной инстанции право непосредственного исследования и оценки доказательств, право исследовать новые доказательства при условии, что представившая их сторона обоснует невозможность представления таких доказательств в суд первой инстанции. Обнаружив нарушения в применении закона суд апелляционной инстанции должен стремиться к самостоятельному устранению

Alevtina V. Khomyakova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminal Procedure and Forensic Science
Faculty of Law,
South Federal University
avhomyakova@sfnu.ru

RETURN OF THE CRIMINAL CASE BY THE COURT OF APPEAL FOR A NEW TRIAL

Annotation. The article deals with the issues of the effectiveness of the courts of appeal. Based on the analysis of judicial practice, the author substantiates the insufficient role of the appeal at the present time in making the final decision in a criminal case. The conclusion is argued that the appeal acquires the features of the cassation instance, returning the case after the revocation of the verdict for a new trial. The author also proposes to determine the procedure for self-elimination of violations that do not entail the return of the case to the courts of first instance after the conviction is canceled.

Keywords: criminal procedure, appeal, cancellation of a conviction, cancellation of a sentence by appeal, return of a criminal case to a lower court, violations of the criminal procedure law.

таких нарушений без возвращения дела нижестоящему суду.

Однако, как показывает судебная практика, суды апелляционной инстанции в большинстве своем возвращают уголовные дела нижестоящему суду после отмены итогового или иного судебного решения, а не принимают новое решение взамен отмененного.

Анализ судебной статистики по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за последние годы показывает стабильный рост случаев применения судами апелляционной инстанции части 1 статьи 389.22 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Если в 2017 году из отмененных апелляционной инстанцией 4607 обвинительных приговоров 2635 приговоров, или 57 процентов, судебных актов были отменены с направлением уголовного дела на новое судебное разбирательство, то в 2018–2019 доля таких приговоров

увеличилась до 58 процентов и 61 процента соответственно. В 2020 году суды апелляционной инстанции, отменяя обвинительный приговор, возвратили 69 процентов дел на новое судебное разбирательство, а за первое полугодие 2021 года этот показатель вырос до 71 процента от всех отмененных приговоров. Причем, процент возвращения дела одинаково высок как для дел о краже (ст. 158 УК РФ) или о хулиганстве (ст. 213 УК РФ), так и для дел об убийстве без смягчающих обстоятельств (ст. 105 УК РФ) что позволяет сделать вывод об отсутствии влияния сложности дела или опасности деяния на принятие решений о возврате.

Динамика роста случаев направления уголовного дела на новое судебное разбирательство заметна и при отмене судами апелляционной инстанции оправдательных приговоров. Так, в 2017 году – 70 процентов, в 2018 году – 87 процентов, в 2019 – 91 процент, в 2020 – 93 процента, в первом полугодии 2021 года – 96 процентов отмен оправдательных приговоров повлекли направление дела из апелляционной инстанции на новое судебное разбирательство.

В отношении пересмотра оправдательных приговоров преобладание возвратов дел над принятием судом апелляционной инстанции иных решений понятно и объясняется тем, что суд ограничена правилом недопустимости поворота к худшему, установленному статьей 389.24.УПК РФ. Уголовно-процессуальным законом прямо предписано возвращение дела на новое судебное разбирательство при отмене оправдательного приговора по представлению прокурора, жалобе потерпевшего, их законных представителей или представителей, оспаривавших законность и обоснованность оправдания подсудимого.

Что же касается отмены обвинительных приговоров, причины столь частого применения части 1 статьи 389.22. УПК РФ не вполне очевидны.

Согласно части 1 статьи 389.22. УПК РФ, для направления дела на новое судебное разбирательство судом апелляционной инстанции должны быть выявлены неустранимые процессуальные нарушения, препятствующие постановлению законного, обоснованного или справедливого приговора. В качестве безусловных оснований для возвращения дел Верховный суд в Постановлении Пленума № 26 от 27 ноября 2012 года (в редакции от 01 декабря 2015 года) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» указал лишь два конкретных примера таких серьезных нарушений (незаконный состав суда или нарушение правил о подсудности, нарушения права обвиняемого на защиту). Для остальных же нарушений Верховный суд лишь обозначил общие рамки, предоставив апелляционным судам самим делать выводы о возможности или невозможности самостоятельного восполнения нарушений, допущенных на предшествующих этапах уголовного судопроизводства. В качестве ориентира судам Пленум Верховного суда назвал «нарушения фундаментальных основ уголовного судопроизводства» [1],

нарушение которых влечет признание недействительным производства по делу.

Суды кассационной инстанции, отменяя определения и постановления судов апелляционной инстанции, все чаще указывают на необоснованное направление дел на новое судебное разбирательство после отмены приговора или иного судебного акта суда первой инстанции. В их числе стоило бы привести судебные акты апелляции, которыми суд выражает несогласие с решением суда первой инстанции ввиду наличия противоречий в доказательствах, положенных в основу решения суда первой инстанции или ввиду недостаточной обоснованности выводов.

Например, апелляционным постановлением Московского городского суда от 22 октября 2019 года приговор Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 19 декабря 2018 года отменен, уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство. В качестве основания для применения части 1 ст. 389.22 УПК РФ суд сослался на то, что суд первой инстанции не дал должной оценки доказательствам, которые, по мнению апелляции, могут иметь значение для справедливого и законного приговора. Суд апелляционной инстанции также указал на наличие в деле противоречий, имеющихся между показаниями свидетелей, специалиста и заключением экспертизы, на которых был основан приговор. При этом судом апелляционной инстанции не были предприняты попытки самостоятельно устранить выявленные противоречия. Отменяя указанное постановление, Второй кассационный суд в своем определении от 07 февраля 2021 года по делу № 77-104/2020 отметил, что несогласие суда апелляционной инстанции с оценкой, данной доказательствам судом первой инстанции, не является основанием для возвращения дела на новое судебное разбирательство [2].

По другому делу суд апелляционной инстанции, которому после отмены его определения кассацией было передано уголовное дело на новое рассмотрение, вместо выполнения указаний кассации об устранении ранее допущенных нарушений отменил приговор и передал дело в нижестоящий суд на новое разбирательство. При этом в апелляционном определении не были указаны нарушения уголовно-процессуального закона, которые в соответствии с частью 1 ст. 389.22 УПК РФ препятствовали бы разрешению дела по существу на стадии апелляционного производства. Апелляционное определение было отменено судом кассационной инстанции [3].

Такого рода решения судов, на наш взгляд, отражают тенденцию в деятельности апелляции, которая сводится к принятию на себя черт еще одной сугубо контрольной инстанции, выявляющей и указывающей на недостатки актов нижестоящих судов без попытки их самостоятельного устранения. Принимая во внимание, что кассация в уголовном судопроизводстве в настоящее время уже и так существует двух ступеней судебной системы, полагаем абсолютно излишним формирование еще одной аналогичной инстанции.

В уголовно-процессуальной литературе вскоре после введения всеобщей апелляции по уголовным делам предпринимались попытки систематизации неустраняемых нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих возвращение дела на новое судебное разбирательство в порядке применения части 1 статьи 389.22 УПК РФ. Например, Л.Д. Калинин обоснованно отмечает преобладание в судебной практике апелляционной инстанции такого основания для возвращения уголовного дела как нарушение права на защиту [4].

Вместе с тем, как нам представляется, процессуальные возможности суда апелляционной инстанции, способны компенсировать некоторые из таких нарушений за счет производства повторного рассмотрения дела по существу, поскольку правовая природа предполагает пересмотр вышестоящим судом (судом апелляционной инстанции) судебного решения нижестоящего суда с новой проверкой всех доказательств как если бы они исследовались в суде первой инстанции.

Так, например, нарушение права на защиту, связанного с ненадлежащим исполнением обязанностей защитником по делу может быть устранено путем замены защитника на этапе апелляционного производства. Даже такое серьезное нарушение уголовно-процессуального закона как нарушение права подсудимого на участие в судебных прениях могло бы быть преодолено путем проведения полноценного судебного разбирательства с предоставлением подсудимому возможности выступить в прениях. Но для этого правоприменитель на стадии апелляционного производства должен быть уверен в правильном разрешении вопросов, связанных с определением пределов рассмотрения дела. Речь идет о проведении полной или частичной апелляции по делу, о должном и допустимом с точки зрения состязательности инициаторе проведения полной апелляции, а также с порядком перехода судом к рассмотрению дела по существу (исследованию доказательств) с постановлением по делу нового судебного акта. Другими словами, переход к исследованию доказательств должен быть законодательно обусловлен необходимостью устранения нарушений суда первой инстанции.

Идея классической апелляции в настоящее время в наибольшей степени проведена в отечественном арбитражном судопроизводстве, где закон четко определяет право суда при

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 01.12.2015) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2020

обнаружении существенных нарушений отменить обжалованный судебный акт и перейти к судебному разбирательству по правилам судопроизводства, установленным для первой инстанции с тем, чтобы вынести новое итоговое решение по делу. Осознавая безусловное различие в природе уголовно-процессуальных и арбитражных правоотношений, все же следует признать, что такой подход придал бы правовую определенность в выборе поведения суда апелляционной инстанции при обнаружении недостатков судебного акта первой инстанции и по уголовным делам.

Из неоднозначности подходов в применении судами части 1 ст. 389.22 УПК РФ делаются и другие выводы. Например, рассматривая дискреционные полномочия апелляции в выборе поведения после отмены обвинительного приговора, Р.В. Ярцев и А.М. Святкин делают заключение о пробельности в решениях апелляции суждений об устранимости или неустраимости нарушений, допущенных нижестоящими судами [5]. Действительно, изучение судебной практики показывает, что отменяемые в кассационном порядке апелляционные определения и постановления о направлении дела на новое судебное разбирательство зачастую содержат лишь общее указание на наличие выявленных нарушений. При этом не указывается, почему данные нарушения не могут быть устранены при рассмотрении в апелляции. Полагаем, что следовало бы дополнить статью 389.28. УПК РФ указанием на обязанность суда апелляционной инстанции при направлении дела на новое рассмотрение мотивировать невозможность устранения собственными силами выявленных нарушений судебного акта.

Мы далеки от того, чтобы считать возможным установить в законе полный перечень неустраимых и устранимых нарушений уголовно-процессуального закона, при выявлении которых суд апелляционной инстанции мог бы, не опасаясь отмены своего решения, направлять дело на новое судебное разбирательство или переходить к исследованию доказательств с тем, чтобы вынести новый судебный акт взамен отмененного. Считаем, что разрешение вопроса об установлении критериев оценки должно принадлежать Пленуму Верховного Суда, поскольку, как справедливо отмечено, «альтернатива при усмотрении может выражаться не только в виде вариантов решений, прямо указанных законодателем, но и в виде вариантов оценки обстоятельств» [6].

Literature:

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 27, 2012 № 26 (as amended on December 01.12.2015) «On the application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing proceedings in the court of appeal» // SPS «Consultant-Plus».
2. The cassation ruling of the Second General Jurisdiction Court of Cassation dated 02/07/2020

№ 77-194/2020. URL : ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения 15.11.2021).

3. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2021 № 77-1137/2021. URL : ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения 15.11.2021).

4. *Калинкина Л.Д.* Отмена в апелляционном порядке приговора или иного судебного решения с возвращением уголовного дела на новое судебное рассмотрение / Л.Д. Калинкина // Российский судья. 2015. № 12. С. 23–27.

5. *Ярцев Р.В.* Критерии доказанности / Р.В. Ярцев, А.М. Святкин // Мировой судья. 2017. № 7. С. 27–31.

6. *Батманов С.А.* Правовая определенность оценочных понятий в уголовном судопроизводстве / С.А. Батманов // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 73–79.

№ 77-194/2020. URL : GAS RF «Pravosudie» (date of application 15.11.2021).

3. The cassation ruling of the Fifth General Jurisdiction Court of Cassation dated July 28, 2021 № 77-1137/2021. URL : GAS RF «Justice» (date of application 02.11.2021).

4. *Kalinkina L.D.* Cancellation on appeal of a verdict or other court decision with the return of a criminal case for a new trial / L.D. Kalinkina // Russian judge. 2015. № 12. P. 23–27.

5. *Yartsev R.V.* Proof criteria / R.V. Yartsev, A.M. Svyatkin // Magistrate judge. 2017. № 7. P. 27–31.

6. *Batmanov S.A.* Legal certainty of evaluative concepts in criminal proceedings / S.A. Batmanov // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2020. Vol. 7. № 1. P. 73–79.

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
kurlak09@rambler.ru

**РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО
ФИНАНСИРОВАНИЯ В РОССИИ**



Аннотация. Статья посвящена вопросу судебного финансирования. Обращение в суд всегда сопряжено с расходами, которые сторона неизбежно понесёт для восстановления нарушенного права. Финансовые проблемы у гражданина или организации зачастую становятся непреодолимым препятствием для получения судебной защиты. За рубежом уже длительное время успешно существует институт финансирования судебного процесса. Под ним понимают механизм, когда третья сторона спонсирует разбирательство по делу и получает процент от взысканной суммы. Судебное инвестирование с недавних пор известно и российской системе права и требует детальной законодательной регламентации. В настоящий момент в России разрабатывается новый законопроект о судебном финансировании, который предоставит возможность банкам, страховым и финансовым организациям финансировать судебные процессы для граждан и организаций.

Ключевые слова: судебные расходы, представительство, юридические услуги, инвестор, судебное финансирование, соглашение о финансировании.



О бщеизвестно, что участие в судебном разбирательстве требует существенных расходов для обеих сторон. Это связано и с оплатой государственной пошлины, и с приглашением представителя, и с подготовкой самих материалов судебного дела. Как правило, чем труднее судебный спор, тем больше времени занимает его рассмотрение. Это, в свою очередь, влечет возрастание оплаты судебных расходов для стороны: плата за юридические услуги, оплата за

Elena V. Shanazarova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Milena.555@mail.ru

Sergey A. Semyonov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
kurlak09@rambler.ru

**DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE
OF JUDICIAL FINANCING IN RUSSIA**



Annotation. The article is devoted to the issue of judicial financing. Going to court always involves costs that the party will inevitably incur to restore the violated right. Financial problems of a citizen or an organization often become an insurmountable obstacle to obtaining judicial protection. There has been a successful institution of litigation financing abroad for a long time. It is understood as a mechanism when a third party sponsors the proceedings in a case and receives a percentage of the amount recovered. Judicial investment has recently been known to the Russian legal system and requires detailed legislative regulation. At the moment, a new draft law on judicial financing is being developed in Russia, which will provide an opportunity for banks, insurance and financial organizations to finance lawsuits for citizens and organizations.

Keywords: court costs, representation, legal services, investor, court financing, financing agreement.



проведение судебных экспертиз, независимых оценок, участие специалистов, экспертов, переводчиков, свидетелей, транспортные и почтовые расходы, оплата питания и проживания и иные. Стороны процесса лично заинтересованы, чтобы все их расходы были возмещены стороной, которая проиграла спор. Кроме того, на основании процессуального законодательства сторона, выигравшая спор, вправе просить суд взыскать в ее пользу судебные издержки с проигравшей

стороны. Во многом это положение закона связано и с конституционным правом граждан на доступ к правосудию.

Судебные расходы распределяются между сторонами пропорционально удовлетворенным требованиям. Верховный суд в Постановлении от 21.01.2016 № 1 разрешил взыскивать расходы и в пользу третьих лиц, если их активная позиция способствовала принятию решения. Как правило, основные расходы по делу – на представителя взыскиваются в разумных пределах. Даная формулировка порождает массу споров относительно того, что понимать под «разумными пределами», так как это оценочная категория и зависит от внутреннего убеждения конкретного председательствующего судьи. В целях разъяснения этого момента Верховный суд в Постановлении от 21.01.2016 № 1 указал общие ориентиры для определения разумности понесенных расходов: сложность дела, объем исковых требований, потраченной на подготовку и участие в заседаниях время, количество и объем направленных заявлений, ходатайств, отзывов, возражений, жалоб. Как показывает практика, суды редко взыскивают расходы на представителя в заявленной сумме.

Отсутствие у гражданина необходимого количества денежных средств, зачастую, становится непреодолимым препятствием для восстановления его нарушенного права. Так, если по госпошлине можно получить отсрочку, то для проведения экспертизы по вашему ходатайству, услуг представителя необходимы значительные финансы.

В США долгие годы существует и пользуется популярностью институт финансирования судебного процесса – это механизм, когда третья сторона спонсирует разбирательство по делу и получает процент от взысканной суммы. Стороны прибегают к инвестициям, потому что у клиента не хватает средств продолжать оплачивать разбирательство по делу. Согласно исследованию Litigation Finance Survey, больше всего финансирование судебного процесса пользуется популярностью в США среди небольших частных компаний (63,2 %) и физлиц (48,74 %). На третьем месте – 39,2 % – средний бизнес [1].

В последнее время судебное инвестирование становится популярным и в нашей стране. В России появляется все больше юристов, которые осведомлены о судебном финансировании. Если в 2018 году о нём знало 62 % опрошенных «Право.ru» юристов, то в 2019-м – уже 80 %. При этом пользовались судебным финансированием 6 % в 2018 году и 8 % в 2019-м [2].

Однако и оно не является лекарством от всех бед, поскольку инвесторы готовы оплатить издержки только, если есть большая вероятность вынесения решения в вашу пользу и отнесения расходов на проигравшую сторону. Инвестор, как правило, предлагает услугу по оценке перспективы суда, на основании которой и будет сделан вывод о возможности судебного инвестирования.

Внешнее финансирование судебных процессов представляет собой определенную систему, когда инвесторы оказывают финансовую поддержку истцам взамен заранее оговоренной части возможной компенсации, составляющей до 50 процентов от нее.

Представляется, что изменению ситуации в сфере правового регулирования судебных кредитов в России будет способствовать новый законопроект о судебном финансировании, который рассматривает комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству. Новый закон предоставляет возможность банкам, страховым и финансовым организациям финансировать судебные процессы для граждан и организаций. В случае победы финансируемого все расходы оплатит проигравшая сторона, при другом исходе – в накладе останется только кредитор. В итоге, лицо, получившее судебное финансирование будет освобождено от возврата как основного долга, так и процентов.

Соглашение о финансировании призвано гарантировать заявителю полный контроль за ходом судебного разбирательства, с сохранением всех его процессуальных прав. Особое внимание уделяется в соглашении ситуации, когда основная роль участия в процессе передаётся инвестору, поскольку итоговые решения должен в любом случае принимать истец. Необходимо чётко понимать, что только клиент (а не инвестор) может прекратить деятельность адвоката. В свою очередь, за адвокатом сохраняется право определять правовую позицию в деле, опираясь на свой опыт и кодекс профессиональной этики. На наш взгляд введение института судебного финансирования расширит доступ граждан к судебной защите своих прав и законных интересов, когда у стороны отсутствуют средства на оплату представителя, а требования основаны на законе. При этом следует ожидать увеличения числа качественно принятых судебных решений, а также повышения профессионализма представителей, оказывающих юридические услуги.

Поскольку законопроект позволит финансировать судебные процессы с участием организаций, то, несомненно, будет полезен предпринимателям и малому бизнесу. Во время экономического спада, пандемии и финансовых трудностей судебные кредиты могли бы стать неплохим подспорьем, позволили бы оплатить услуги квалифицированных юристов. Как правило, индивидуальные предприниматели и небольшие организации не имеют возможности на содержание штатных юристов и юридических отделов. Мы полагаем, что финансирование судебных расходов в России несомненно упростит процесс доступа граждан и организаций к правосудию, однако вряд ли будет так популярен как за рубежом. Это связано с рядом объективных причин. Следует заметить, что российские суды взыскивают далеко не все издержки, которые реально понесла сторона по делу. Исходя из сложившейся судебной практики, затраты на профессиональную юридическую помощь не компенсируются решениями судов.

Большинство дел, рассматриваемых российскими судами, имеют невысокую цену иска, а также государственную пошлину. Дешевые судебные разбирательства вряд ли интересуют инвестора. Довольно спорной остаётся практика российских судов по взысканию компенсаций, особенно за моральный вред, на западе они несравнимо выше, что мотивирует инвесторов на финансирование.

Бизнесу нужно будет видеть реальную картину рисков при инвестировании в судебный процесс, видеть перспективы взыскания, как возврата своих вложений. В сложившейся судебной

Литература:

1. Отчёт об исследовании финансирования судебных разбирательств за 2020 г. URL : <https://lakewhillans.com/research/2020-litigation-finance-survey-report/>
2. Деньги в дело: как работает финансирование судебного процесса. URL : <https://pravo.ru/story/224800/>

практике невозможность адекватно оценить свои риски выступает существенным препятствием развития судебного финансирования в нашей стране. Именно имущественная выгода основной мотиватор этого процесса. Одним из препятствий широкого распространения финансирования судебных расходов в России является отсутствие адвокатской монополии в судах. В большинстве западных стран она существует, и адвокаты сами заинтересованы привлечь судебное финансирование, обеспечивая юридическую чистоту сделки.

Literature:

1. 2020 Litigation Funding Report. URL: <https://lakewhillans.com/research/2020-litigation-finance-survey-report/>
2. Money in business: how the financing of the trial works. URL : <https://pravo.ru/story/224800/>

Яковлева Вера Михайловна
преподаватель,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний России
vera.yakowlewa2017@yandex.ru

Роль уголовного наказания в повышение эффективности предупредительного воздействия в отношении преступлений, совершаемых осужденными

Аннотация. В настоящей работе показана превентивная роль уголовного наказания, основное внимание уделяется принципам справедливости и равенства всех перед законом. Отмечается, что оценка эффективности превентивного воздействия уголовного наказания на данный момент является релевантной проблемой, урегулирование которой позволит повысить качество предупреждения преступлений, особенно совершаемых лицами, в отношении которых уже применяется уголовное наказание и уровень защищенности граждан от противоправных посягательств. Вместе с тем, в теории уголовного права проблема эффективности такой цели наказания как предупреждение преступлений разработана недостаточно и в настоящее время отсутствует взаимное понимание такого понятия как «эффективность уголовного наказания». В связи с этим, автором отмечается, что рассматриваемая цель должна не только оставаться, но и активно применяться правоприменительной практике.

Ключевые слова: преступление, наказание, цель, предупреждение, превенция, эффективность наказания, принципы, осужденные, лишение свободы.

Уголовный закон, выполняя свое социальное предназначение, достигает поставленной цели, применяя имеющиеся в его арсенале уголовно-правовые средства, тем самым удовлетворяет запросы общества и государства.

Уголовно-правовая политика государства обладает таким средством как уголовное законодательство, как средство обеспечения приоритетов имеющих социальные и правовые основания оно должно быть социально ценностным, приемлемым на практике, а также являться эффективным механизмом воздействия на социально неодобряемые явления [1].

Предназначение уголовного закона состоит в решении задач, которые четко регламентированы ст. 2 УК РФ, где помимо охраны прав и свобод

Vera M. Yakovleva
Teacher,
Academy of Law
and Management Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
vera.yakowlewa2017@yandex.ru

THE ROLE OF CRIMINAL PUNISHMENT IN INCREASING THE EFFECTIVENESS OF PREVENTIVE ACTION IN RELATION TO CRIMES COMMITTED BY CONVICTS

Annotation. This paper shows the preventive role of criminal punishment, focusing on the principles of justice and equality of all before the law. It is noted that the assessment of the effectiveness of the preventive impact of criminal punishment is currently a relevant problem, the regulation of which will improve the quality of prevention of crimes, especially those committed by persons in respect of whom criminal punishment is already applied and the level of protection of citizens from unlawful encroachments. At the same time, in the theory of criminal law, the problem of the effectiveness of such a goal of punishment as the prevention of crimes has not been sufficiently developed, and at present there is no mutual understanding of such a concept as the effectiveness of criminal punishment. In this regard, the author notes that the goal under consideration should not only remain, but also be actively applied to law enforcement practice.

Keywords: crime, punishment, purpose, prevention, prevention, effectiveness of punishment, principles, convicts, imprisonment.

человека и гражданина, собственности, общественного порядка и т.д. указывается также предупреждение преступлений.

Исходя из этого, мы можем отметить, что основное назначение задач уголовного закона – это охрана общественных отношений от противоправной деятельности и предупреждение преступлений. Превентивная роль уголовного закона отмечена как в задачах рассматриваемого закона, так и в целях наказания (ч. 2 ст. 43 УК) - предупреждение совершения новых преступлений.

Таким образом, уголовное наказание является механизмом сбережения общественных отношений, и предупреждения совершения противоправных деяний. Уголовный закон, обладая способностью защиты общественных интересов от

противоправных действий и под угрозой уголовного наказания, способен предупреждать совершение преступлений [2]. Средствами, с помощью которых осуществляется превентивная роль наказания, являются правовые запреты, устанавливающие конкретный его вид и размер.

Путем применения рассматриваемых запретов-средств уголовный закон определяет границы дозволенного в формах поведения человека, то есть, устанавливая дозволенное и недозволенное.

Отсюда следует, что норма уголовного закона как средство устанавливает единый запрет для всех под страхом наказания переступить закон, более того, предписывает суду подвергнуть лицо, справедливому наказанию, в соответствии с совершенным деянием, в связи с чем, нельзя не воспринимать наказание как одного из основных институтов уголовного законодательства. Являясь достаточно эффективным средством, нормализующим состояния защищенности и порядка в государстве, оно также служит как средство предупреждения.

Подобное превентивное воздействие оказывается на неограниченный круг лиц, хотя в большей степени обращает на себя внимание тех лиц, которые, в первую очередь, склонны к противозаконным действиям. Таким образом, применение наказания служит подавляющим фактором для тех, кто планирует преступление.

Начальным этапом оказания превентивного воздействия наказания на общество является момент ознакомления с ним в официальных источниках. Для успешного достижения поставленных целей и задач важно основываться на принципы справедливости, законности, а также равенства всех перед законом. Не соблюдение ранее перечисленных принципов закономерно приведет к потере предупредительной роли уголовного закона, его не состоятельности, принимая во внимание, что уголовный закон, провозглашая отрицательные последствия его не соблюдения, не устраняет всех факторов детерминирующих преступность [3].

Несмотря на то, что всем общеизвестны негативные последствия противозаконной деятельности, в обществе остаются лица, которые, все же, совершают преступления. Особенно это касается лиц, в отношении которых применяются или применялись меры уголовно-правового воздействия.

Мы согласны с тем, что достижение предупредительного воздействия путем применения наказания имеет свои социальные, экономические и правовые особенности. Продуктивность применения наказания в качестве средства предупреждения, в свою очередь, зависит от некоторых факторов. К ним относятся основные показатели преступности, факторы ее порождающие, функциональный потенциал уголовного закона и стабильная практика его применения.

Но совершенно очевидным остается, что уголовный закон, обладая возможностью применения

наказания, оказывает общепревентивное воздействие, а безусловность его применения твердо подтверждает такую угрозу [4].

Как справедливо отмечает ряд ученых, если назначенное наказание не передается гласности обществу, то оно теряет свой превентивный характер, направленный на предупреждение совершения преступлений [5].

Строго говоря, если общество знает о какой либо преступной деятельности, то оно должно увидеть справедливое наказание за него.

Если рассматривать преступность лиц, в отношении которых применялись меры уголовно-правового воздействия на момент совершения преступления, мы можем отметить следующее, что преступность данной категории лиц в настоящий момент имеет достаточно высокие показатели.

Особенно данные показатели находятся на стабильно высоком уровне у осужденных к наказанию, не связанным с изоляцией от общества, что указывает на неэффективность применяемых в отношении данных лиц мер уголовно-правового воздействия. Следует отметить, что есть осужденные, совершающие повторное преступление, не в первый раз отбывающие лишение свободы, а также – и к другим видам наказания.

Следовательно, на данный момент предупреждение преступлений, особенно совершаемых осужденными, продолжает оставаться весьма релевантным.

В настоящее время в научных изысканиях довольно часто появляются публикации о том, что цель предупреждения преступлений – пережиток прошлого, и это связано с тем, что устрашение давно уже неэффективно, и одним только страхом перед карой не обойтись [6].

Принимая во внимание, освещенные в теории уголовно-правовых и криминологических исследований проблемы, в которых доказано, что воздействие уголовного закона на причины и условия, порождающие преступность невелики [7], можно отметить, что, несмотря на это, уголовный закон представляет собой репрессивный инструмент, в то время как, применение иных средств не привело к предупреждению совершения противоправных действий.

Стоит отметить, что ни одно общество не обходится без наказания. И пока преступность будет присутствовать, цель предупреждения совершения преступлений среди целей наказания будет актуальна.

Любые принимаемые законодательные изменения должны соответствовать принципам справедливости, законности, равенства всех перед законом, а также способствовать предупреждению преступности [8]. Более того, вносимые изменения должны находиться во взаимосвязи с социальной действительностью и практикой применения.

Можно сказать, что такая превентивная цель наказания труднодостижима, но не утопична [9]. Совершенно очевидно, что запугивание лиц, в отношении которых применяются меры уголовно-правового воздействия, повторным применением уголовного наказания, не может гарантировать не совершения им нового преступления.

В связи с этим, необходимо отметить, что совместно с применением кары в отношении осужденных, должно применяться воспитательное воздействие, психологическая корректировка его отношения к общечеловеческим ценностям и правилам поведения в обществе [10].

Исходя из всего вышесказанного, следует, что предупредительная роль наказания в настоящее время не теряет своей релевантности, и

Литература:

1. *Карпец И.И.* Наказание: социальные, правовые и криминологические. М., 1973. С. 156.
2. *Ведерникова О.Н.* Теория и практика борьбы с преступностью (Британская криминологическая модель) : дис. ... д-ра юр. наук. М., 2001.
3. *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика. Тенденции и перспективы / А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик. Красноярск, 2001. С. 231.
4. *Кудрявцев В.Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.
5. *Cornish D.* Opportunities, Precipitators and Criminal Decisions: a Replay to Wortley's Critique of Situational Crime Prevention / D. Cornish, R. Clarke // Crime Prevention Studies. 2003. Vol. 16. P. 41–96.
6. *Карпов Е.А.* Сущность и цели наказания в российском уголовном праве / Е.А. Карпов // Российский следователь. 2010. № 3. С. 12–15.
7. *Garland D.* The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies / D. Garland // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. № 3. P. 347–375.
8. *Welsh B.C.* The Future of Crime Prevention: Developmental and Situational Strategies / B.C. Welsh, D.P. Farrington. 2010.
9. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право : в 2 т. Тула : Автограф, 2001. Т. 2. 668 с.
10. *Лисенко М.И.* Генезис понятия «изоляция» в науке исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права / М.И. Лисенко // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1. С. 51–54.
11. *Clarke R.* Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. N.Y., 1997.
12. *Игошев К.Е.* Введение в курс профилактики правонарушений / К.Е. Игошев, В.С. Устинов. Горький, 1977. 125 с.

занимает не последнее место в декриминализации. Совместная деятельность по реализации поставленных задач приведет к положительным изменениям, как на предупреждение преступности, так и на уровень криминализации современного общества [11].

Подводя итог, следует сказать, что продуктивность наказания усматривает эффективность достижения регламентированных законодателем цели наказания с учетом социально-экономических и политических условий происходящих в социуме. Кроме того, эффективность превентивного воздействия наказания может выступать в виде уровня преступности взятых за основу социальных групп, а также уровня рецидива среди осужденных.

Literature:

1. *Karpets I.I.* Punishment: social, legal and criminological. M., 1973, p. 156.
2. *Vedernikova O.N.* Theory and practice of combating crime (British criminological model) : dis. ... dr. law sciences. M., 2001.
3. *Korobeev A.I.* Criminal law policy. Trends and Prospects / A.I. Korobeev, A.V. Uss, Yu.V. Golik. Krasnoyarsk. 2001. P. 231.
4. *Kudryavtsev V.N.* Strategies for combating crime. M., 2003.
5. *Cornish D.* Opportunities, Precipitators and Criminal Decisions: a Replay to Wortley's Critique of Situational Crime Prevention / D. Cornish, R. Clarke // Crime Prevention Studies. 2003. Vol. 16. P. 41–96.
6. *Karpov E.A.* The essence and purpose of punishment in the Russian criminal law / E.A. Karpov // Russian investigator. 2010. № 3. P. 12–15.
7. *Garland D.* The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies / D. Garland // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. № 3. P. 347–375.
8. *Welsh B.C.* The Future of Crime Prevention: Developmental and Situational Strategies / B.C. Welsh, D.P. Farrington. 2010.
9. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law : in 2 vol. Tula : Autograph, 2001. Vol. 2. 668 p.
10. *Lisenko M.I.* Genesis of the concept of «isolation» in the science of correctional labor (criminal executive) law / M.I. Lisenko // Criminal executive law. 2013. № 1. P. 51–54.
11. *Clarke R.* Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. N.Y., 1997.
12. *Igoshev K.E.* Introduction to the course of prevention of offenses / K.E. Igoshev, V.S. Ustinov. Gorky, 1977. 125 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.11.2021
Подписано в печать 25.11.2021
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 9,4
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 79

e-mail: id.yug2016@gmail.com